ОБЩЕСТВО РАЗВИТИЯ РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ «ДВУГЛАВЫЙ ОРЁЛ»

Башкирское региональное отделение

Река времени. 2019

Уфа – 2019

УДК 947 (470. 55 / 58)
ББК 63.3 (2) (2 Рос. Баш)

Работа выполнена в отделе истории и истории культуры Башкортостана Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН

Рецензент:

кандидат исторических наук, профессор
А.Н. Акиньшин (Воронежский государственный университет)

Река времени. 2019 / составитель и ответственный редактор М.И. Роднов. — Уфа, 2019. — 168 с.

ISBN 978-5-906165-85-5

В очередной (одиннадцатый) сборник «Река времени» вошли материалы по истории Уфы и Башкирии с конца XVI в. и до начала советской эпохи. Приводятся уникальные, неизвестные сведения по самому раннему периоду истории края – концу XVI–XVII вв. Традиционно публикуются материалы о судьбах уфимского дворянства (Суворовы, Алкины, 44-е губернское дворянское собрание в 1911 г.). Несколько работ посвящены истории экономики края, впервые переиздаются списки студентов из Уфы и губернии, обучавшихся в Московском университете.

Книга предназначена для профессиональных историков, преподавателей гуманитарных дисциплин, студентов, краеведов, всех интересующихся историей Уфы, России, Башкирии, Южного Урала и сопредельных территорий.

УДК 947 (470. 55 / 58)
ББК 63.3 (2) (2 Рос. Баш)

ISBN 978-5-906165-85-5
© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Солодкин Я.Г.
Сообщения о предыстории основания и возникновения Уфы
в Поволжском летописце начала XVII в.:
происхождение и степень достоверности 9

Курмаев В.Н.
Из истории землевладения Богоявленского завода 15

Азнабаев Б.А.
Уфимские Суворовы 28

Крестьянинова Е.И.
Ростов Великий – Уфа: вексельная претензия 1841–1849 гг. 40

Кузнецов К.А.
Уфимские купцы на Нижегородской ярмарке 45

Роднов М.И., Свице Я.С.
Уфа на страницах «Рудокопа» или Хлестаков из Екатеринбурга. . . 48

Рынков В.М.
Уфимская революция 1917 года, взгляд из Забайкалья 57

Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.
Банковские операции купца Г.С. Соловьёва
в 1870–1890-е гг. 62

Завидова С.С.
Узытамак-Алкино. Тайна старого кладбища 71

Приложение. Формулярный список
генерал-майора М.М. Шихалиева, 1890 г. 81

Габдуллин И.Р.
Богадинская волость – кузница кадров
татарской интеллигенции Уфимской губернии 92

Роднов М.И.
Уфимские студенты в Московском университете 101

Егоров А.В.
Неизвестные страницы биографии уфимского краеведа
Николая Николаевича Барсова 124

44-е очередное Уфимское губернское
дворянское собрание 1911 г. в освещении прессы
(публикация М.И. Роднова 140

Список сокращений. 166

Список авторов 167

Введение

На пустом берегу бесконечно глухие поля.
Ветер зноен и тих, он как будто бы пробует силы,
И пылит под моими ногами чужая земля,
И горячим песком засыпает родные могилы.
(иеромонах Пётр)[1]

Издающийся с 2000 г. очередной сборник «Река времени» предлагает читателям результаты исследований, поиски и находки историков и краеведов из Уфы и Башкирии (Урман, Чекмагуш), Нижневартовска и Ростова Великого, Новосибирска, Москвы и Подмосковья. Все работы носят совершенно новаторский характер, публикуются статьи и документы прошлого по истории Уфы и Башкирии с конца XVI в. и до 1917 г.

Особое значение имеют первые три статьи, посвящённые самому раннему периоду с конца XVI в. Известный специалист Я.Г. Солодкин приводит уникальные свидетельства о возникновении Уфы, В.Н. Курмаев пытается раскрыть тайны, сложившиеся вокруг истории первого крупного промышленного предприятия на Южном Урале (солеварных промыслов), Б.А. Азнабаев показывает историю дворянского рода уфимских Суворовых.

В статье Я.Г. Солодкина затрагивается дискуссионный вопрос о дате возникновения Уфы, споры продолжаются уже несколько столетий. Например, в указе от 23 сентября 1912 г. император Николай II «Высочайше соизволил на присвоение Оренбургскому казачьему войску старшинства с 1574 года, со времени постройки воеводою Иваном Нагим детинца (острожка) Уфы, в состав гарнизона которого входили Уфимские казаки, большая часть коих в 1742 году была переселена в город Оренбург и впоследствии вошла в состав Оренбургского казачьего войска»[2].

Но значительная часть исследователей склоняется к датировке возникновения Уфы в 1580-е гг., которую подтверждает находка Я.Г. Солодкина.

Вообще почти полное отсутствие документов по раннему периоду истории в архивах Уфы, плохая сохранность и недоступность материалов в центральных архивохранилищах оставляет эту эпоху прошлого Уфимского края в значительной степени «белым пятном», что способствует мифотворчеству.

Уфимский край уже в XVII в. стал глубоко интегрированной частью Московского государства, речное судоходство по Белой,

---

[1] *Решетников Л.П.* Русский Лемнос: исторический очерк. М., 2018. С. 178.
[2] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третие. Т. XXXII. 1912. Отделение I. Пг., 1915. № 38158. С. 1469.

Каме и Волге обеспечивало стабильные контакты русского населения Уфы, Бирска и окрестных селений с центром страны, вплоть до разнообразных культурных связей. В сборнике, составленном Ильёй Яковлевичем Гурляндом (1868–1921), приходо-расходные книги Тайного приказа XVII в. содержат многочисленные свидетельства отправки богослужебной литературы и религиозной утвари в Уфу.

Так, в книгах за 16 апреля 178 года (7178 г. = 1670 г. от рождества Христова) записано: «Тогож числа. По указу великого государя, книжному переплетчику Якушку Колесникову, от переплету книг Пролога с марта, Триоди Посной, Евангелиа Напрестольного, – по дватцети по три алтына по две денги; четырех Ахтаев, Потребника, Евангелиа Толкового – по дватцети алтын; Апостола, Минеи Общей – по полтине; Часослова – пять алтын; итого шесть рублев дватцать осмь алтын две денги. А те книги посланы с стольником с Петром Годуновым на Уфу». И далее, «Тогож числа. По указу великого государя, куплено из ряду две книги Пролога с сентября да з декабря, по три месяца в книги, в посылку на Уфу с стольником с Петром Годуновым, по три рубля с полтиною книга; итого семь рублев».

Затем 9 июня по указу царя Алексея Михайловича выдали «жалованья стряпчему конюху Козме Казакову, для Уфимской посылки, три рубли. Послан он к стольнику и воеводе к Петру Годунову с церковною утварью.

Тогож числа. По указу великого государя, куплен ис Сибирского Приказу чемодан оленей, дан десять алтын. Послано в том чемодане церковная утварь на Уфу».

В числе дорогих персидских товаров из Тайного приказа 8 марта 178 г. выдали «на книжную переплетку, две юфти сафьянов, которые книги посланы с стольником с Петром Годуновым, для Уфимской посылки». А также отправили табак, что «остался тот табак после умершаго сафьянного мастера, Арменина Арабита Мартынова; и 178-го году марта в 27 день великии государь указал тот табак послать на Уфу с стольником с Петром Ивановым сыном Годуновым, на дачю ево государева жалованья, Башкирцом и Калмыком; сей табак, шесть пуд дватцать семь гривенок, по приказу Петра Ивановича Годунова, подьячей Андрей Ремезов принел и росписался».

В том же году 16 апреля «по указу великого государя, куплено из ряду две книги Пролога с сентября да з декабря по 3 месяца, в посылку на Уфу стольнику и воеводе к Петру Иванову сыну Годунову. Даны 7 рублев».

А на следующий день, 17 апреля «по указу великого государя, послано на Уфу к стольнику и воеводе, к Петру Иванову сы-

ну Годунову, для служилых людей, которым с ним быть у сыску серебряной руды, крест благословенной, Роспятие Господне чеканное, оклад басемной, да книг: Евангелие Напрестольное с Евангелисты басемными; Евангелие Толковое Недельное; Апостол; Треоди Посная да Цветная; Охтаи на осмь гласов Андрюшкиной покупки, а куплены в 177 году; Прологов год, на трое переплетен; Псалтырь с Следованьем; Потребник, – в десть все; Служебник; Минея Общая мелкой печати; Псалтырь налойная, – в пол-десть; Часослов, в четь. Всего 16 книг Помесного Приказу с подьячим Андреем Ремезовым. По сей записки крест и шеснадцать книг Ондрей Ремезов принел и росписался»[1].

Эти отрывочные свидетельства показывают внимание царя Алексея Михайловича к далёкому окраинному граду Уфе и его храмам. В статье В.Н. Курмаева также приводятся царские указы, где давались конкретные поручения уфимским воеводам разобраться с прошениями местных жителей. Наше (потомков) незнание каких-либо явлений прошлого из-за отсутствия документов, нежелание или невозможность проводить исследования – не означают отсутствия самого этого явления.

Это подтверждает работа известного музейщика из Ростова Великого Ярославской области Е.И. Крестьяниновой, обнаружившей документы о торговых связях купцов Ростова и Стерлитамака в XIX в. Небольшие города, оказывается, имели хозяйственные контакты и тысячевёрстные расстояния не являлись непреодолимым препятствием.

Несколько статей специально посвящены источниковедческому анализу информации, вдумчивый анализ текстов торговых справочников и революционных газет открывает новые сведения, а критический разбор хлёстких опусов заезжих журналистов выясняет совершенно иную реальную картину.

В сборниках «Река времени» стало давней традицией приглашать краеведов, потомков славных старинных фамилий. И в статье С.С. Завидовой, из известнейшего дворянского рода Алкиных, чьё имя осталось в топонимике Башкирии, не просто рассказывается о судьбе предков. Автор во время приездов на историческую родину сумела совершить настоящее открытие, разыскав могилу Юсупа Алкина, в чьей усадьбе гостили родители С.Т. Аксакова, где вылечилась матушка писателя.

Читатель сможет впервые открыть для себя мир уфимского студенческого землячества в Московском университете. Выход-

[1] Русская историческая библиотека издаваемая Императорскою археографическою коммиссиею. Т. 23. Дела Тайного приказа. Кн. 3 / сост. И.Я. Гурлянд. СПб., 1904. Стб. 1313–1314, 1334, 1528, 1609, 1644, 1650.

цы преимущественно из «среднего» класса – сыновья духовенства, интеллигенции, небогатых служащих, а также купцов и мещан – составляли абсолютное большинство обучавшихся в Императорском Московском университете. Ежегодно уфимская гимназия и другие учебные заведения Уфимской губернии выпускали в вузы страны десятки молодых людей.

Впервые на страницах сборников «Река времени» появились материалы из вчера ещё закрытых архивов ФСБ. Экономика, судьбы дворянства и иные сюжеты откроют перед читателем подлинную историю прошлого нашего великого Отечества, его небольшого уголка на Южном Урале.

Приглашаем к увлекательному чтению!

Я.Г. Солодкин

Сообщения о предыстории основания и возникновения Уфы в Поволжском летописце начала XVII в.: происхождение и степень достоверности

Во многих нарративных сочинениях первой трети XVII в., сложившихся главным образом в Москве, приведены сведения (зачастую лапидарные) о ходе градостроительства, развернувшегося накануне в Поволжье и на «крымской украйне» России, а также в Западной Сибири вскоре после её «взятия» «дружиной» Ермака. В двух из этих сочинений говорится и об основании Уфы. Но если в кратком летописце, вероятно, созданном в Казанском приказе в самом начале «бунташного века», о её «поставлении» в ряду почти десятка городов лишь упоминается[1] (в Пискарёвском летописце же Уфа явно понаслышке представлена, как и Верхотурье, Тобольск, Берёзов, Сургут, одной среди крепостей «Кучумова царства», захваченных ермаковцами[2]), то доведённый до марта 1610 г., когда Москва была освобождена от тушинской блокады, *Поволжский летописец* содержит две более или менее обстоятельные записи и о предыстории возникновения, и о сооружении «града» на берегу Белой, неподалеку от устья реки Уфы. Происхождение данных записей и степень их достоверности ещё не были предметом специального анализа.

Под 7093 (1584/85) г. в Поволжском летописце говорится об отправке царём Фёдором Ивановичем из Казани татарских голов Ф. Турова и З. Волохова с «лутчими» людьми Костромы, Суздаля, Ярославля, Владимира, Арзамаса «и изо многих городов поволских … до соленых озер»; эти служилые, «бився з башкирцы, возвратишася назад». Данное известие привлекло внимание В.И. Корецкого уже при открытии летописца, но видный историк оставил оригинальное свидетельство без рассмотрения[3]. В следующем году, оказывается, те же головы и ранее бывшие «с ними в сибирских улусах» «воинские люди» опять «з башкирцы и з сибиряны билися. И бився, на Уве острог поставили»[4].

---

[1] *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 230, 231; *Солодкин Я.Г.* О спорных атрибуциях летописных памятников XVII века // Исторические записки: Научные труды исторического факультета Воронежского государственного университета. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 21. Сравни: С. 27. Примечание 7.

[2] ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 195.

[3] *Корецкий В.И.* Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. 1968. № 4. С. 121.

[4] *Корецкий В.И., Морозов Б.Н.* Летописец с новыми известиями XVI – начала

Если следовать Поволжскому летописцу, соляные озера, которых в 1584/85 г. достигли русские служилые люди, располагались в «сибирских улусах», а сооружению острога на Уве, по всей видимости, Уфы, предшествовали бои с башкирами и «сибирцами». Упомянутые жившим, вероятно, в Поволжье[1] летописцем озёра – это, думается, табынские соляные ключи, находившиеся в сотне вёрст от заложенной в 1586 г. Уфы, на землях кесетабынских башкир[2], – землях, которые анонимный книжник мог принять за относившиеся к Сибирскому ханству. Думается, речь шла о восточной окраине Казанского уезда, где была основана Уфа[3], но едва ли стоит полагать[4], что в 1586 г. Кучум или стал там кочевать, или всерьёз собирался это делать[5]. Об этом уже писал В.В. Трепавлов[6].

В XVI в. Башкирия нередко считалась частью Сибири[7]. Как

XVII в. // Летописи и хроники: 1984 г. М., 1984. С. 214.

[1] *Корецкий В.И.* Новое о крестьянском закрепощении и восстании И.И. Болотникова // Вопросы истории. 1971. № 5. С. 138; *Он же.* О формировании И.И. Болотникова как вождя крестьянского восстания // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 123; *Зимин А.А.* И.И. Болотников и падение Тулы в 1607 г. // Там же. С. 58; *Корецкий В.И., Морозов Б.Н.* Указ. соч. С. 191; и др.

[2] См.: *Буканова Р.Г.* Города-крепости юго-востока России в XVIII веке: История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 198. Сравни: С. 131.

[3] *Солодкин Я.Г.* Об источниках и авторстве Поволжского летописца начала XVII века // Летописи и хроники: новые исследования: 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 413. Примечание 9.

[4] См.: *Буканова Р.Г.* Город Уфа в контексте сибирской истории // IX Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Тобольск научный-2012». Тобольск, 2012. С. 261.

[5] См.: *Ярков А.П., Капитонов С.А.* Кучум и Ермак: «осевое время» Сибири // История, экономика культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2011. С. 88; *Буканова Р.Г.* Города юго-востока России и формирование социокультурного пространства Урала и Западной Сибири // Исторические процессы Азиатской России: проблемы формирования единого социокультурного пространства на территории Западной Сибири и Зауралья в XVII–XX вв. Тобольск, 2013. С. 92; и др.

[6] *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 19–20.

[7] *Сергеев В.И.* Происхождение и эволюция понятия «Сибирь» (По восточным и европейским источникам) // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 11, 17. Примечание 57. Сравни: С. 14. По допущению И.М. Миргалеева, «на территории современной Уфы» располагалась «крепость Сибирского ханства», разорённая русскими при завоевании Казанского юрта «или же после падения Казани» (*Миргалеев И.М.* Сообщения продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2014. С. 66).

замечал А.М. Курбский, башкиры обитали в Прикамье по направлению к «Сибирской земле»[1], т. е. «улусы», населённые башкирами, соприкасались с владениями сибирского «салтана». Река Уфа, кстати, протекала близ границ ханства Кучума[2]. В грамотах Ивана IV за 1572 и 1574 гг. упомянуты «башкирцы», вместе с некоторыми другими «изменниками» перебившие на Каме пермичей, и сибирские люди (сибирцы), нападавшие на земли Строгановых[3].

Известно, что в ноябре 1584 г. три полка были отправлены «в плавной [поход. – *Я.С.*] … воевать луговой черемисы»[4]. Видимо, именно тогда многочисленный отряд Ф. Турова и З. Волохова, включавший «понизовых» служилых людей, достиг соляных озёр, возле которых сражался с башкирами. Заметим, что судя по Поволжскому летописцу, русским не удалось взять верх, добиться безусловной победы. В летописце, вышедшем из среды провинциальных дворян и детей боярских[5], лишь констатируется, что «лутчие» люди многих уездов вернулись назад после боёв с башкирами. Сохранились документальные свидетельства о том, что Ф.М. Туров и З.Н. Волохов, принадлежавшие к выборным дворянам по Владимиру и Суздалю, соответственно, будучи головами, с казанцами и лаишевцами зимой 1589–1590 и в 1592 гг. участвовали в походах против шведов к Ругодиву и Выборгу[6], а Туров в 1590 г. вместе с воеводой князем Г.О. Зубком Засекиным (являвшимся также основателем Санчурска, Самары и Царицына) возводил стены и башни Саратова, где следом нёс службу[7].

В летописце, введённом в научный оборот полвека тому назад, говорится о сооружении острога «на Уве». Обычно же счита-

---

[1] Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 274.

[2] См.: *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Границы Сибирского ханства Кучума // История, экономика культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2011. С. 75.

[3] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. I. С. 207, 331, 333, 334.

[4] Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. II. Вып. 1. С. 12; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 128, и др.

[5] *Корецкий В.И., Морозов Б.Н.* Указ. соч. С. 187, 192 и др.

[6] Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 129, 278; *Покровский Н.Н.* Сибирское общество XVII – начала XVIII в. по челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 187–188.

[7] *Дубман Э.Л.* Поволжский фронтир в середине XVI–XVII вв.: Очерки истории (Юго-Восток Европейской России. Ч. 1). Самара, 2012. С. 132, 133.

ется, что Уфа, для «поставления» которой был избран мыс, образованный Белой и её правым притоком рекой Сутолокой, уже при возведении в 1586 г. (не позднее лета – осени[1]) имела статус города[2]. Закладка Уфы на рубеже Ногайской орды[3] многочисленным отрядом во главе с двумя выборными дворянами, о чём мы узнаем благодаря Поволжскому летописцу, подтверждает такое мнение.

Примечательно, что в середине – второй половине 1580-х гг. было сооружено немало городов в Среднем Поволжье, такие, как Санчурск или Царевосанчурск, Самара, Царицын, Саратов, но в рассматриваемом летописце о них не упоминается, скорее всего потому, что автор не участвовал в их возведении. Зато там сказано о строительстве в 7095 (1586/87) г. Цивильска С. Сабуровым и Д. Черемисиновым, даже с пояснением, что «в Нагорной черемисе в Рбевской волости»[4]. М.Н. Тихомиров указывал на появление этого города в 1590 г., следуя краткому летописцу времени царствования Бориса Годунова[5]. Цивильск, как и Уфу, «срубили» служилые люди, одним из которых предположительно был «слогатель» Поволжского летописца.

К 7094 г. в сочинении «О благочестивых государех Великия Росии самодержцех, откуда корень их изыде» (таково название интересующего нас летописца) приурочена закладка каменной крепости в Астрахани[6] . В других летописных произведениях в данной связи назван 7096 г.[7], о чём свидетельствуют и документальные материалы. Явно анахронистичны и известия Поволжского летописца о «пришествии» Ермака в Сибирь в 7094 г. (это случилось тремя годами прежде) и разгроме в 7097 г. прославленным атаманом «царя Кучума» и присылке казаками в Москву жены и сыновей «прегордого» хана[8].

---

[1] См.: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1989. Кн. III. Т. X. Примечание 40; *Дубман Э.Л. Указ. соч.* С. 31, 60.

[2] *Побережников И.В.* Становление русской системы местного управления на Урале и в Западной Сибири (XVI–XVII вв.) // Письменные источники по истории Западной Сибири. Сургут, 2004. С. 21. См. также: *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Кн. III. Т. X. Примечание 40; *Ярков А.П., Капитонов С.А.* Указ. соч. С. 88; и др.

[3] *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 141.

[4] *Корецкий В.И., Морозов Б.Н.* Указ. соч. С. 214.

[5] *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 115. Сравни: *Он же.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 471.

[6] *Корецкий В.И., Морозов Б.Н.* Указ. соч. С. 214.

[7] *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 145–146; *Солодкин Я.Г.* Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины – второй половины XVII века. Нижневартовск, 2011. С. 140, 160. Примечание 109.

[8] *Корецкий В.И., Морозов Б.Н.* Указ. соч. С. 214, 215.

А.А. Преображенский, обративший внимание только на второе из данных сообщений, указал, что в Поволжском летописце знаменитый сибирский поход отнесён к 1588/89 г.[1] В ряде кратких летописцев под 7094 г. говорится о «взятии» казачьей «дружиной» «Кучумова царства»[2]; тогда, в том же году, что и Уфа, отрядом воевод В.Б. Сукина и И.Н. Мясного был заложен Тюменский острог. Напомним, что Ермак погиб в начале августа 7092 (1584) г., а зимой 1584–1585 гг. в российскую столицу был доставлен царевич Маметкул – лучший из военачальников Кучума. Восемь же жён хана и пять его сыновей, попавших в русский плен в августе 7106 (1598) г., в следующем 7107 г. привезли в Москву[3]. Не исключено, что это и объясняет появление в Поволжском летописце указания на «присылку» десятилетием ранее в «царствующий град» близких родственников Кучума.

В таком случае источник «сибирских статей» обнаруженного и впервые изданного В.И. Корецким летописца, скорее всего нарративный, возник не ранее начала «державства» Бориса Фёдоровича. Об обращении летописца к такому источнику может свидетельствовать указание на то, что ермаковцы достигли Сибири, плывя с Волги по Каме, Тагилу и Туре[4]. Заметим, кстати, что о перипетиях «Ермаковой эпопеи» на протяжении 7095–7096 гг. в Поволжском летописце не сказано. Известно, что в Тобольске ещё до его превращения в столицу «русской» Сибири служило немало казанских детей боярских. Но возводить к их показаниям сообщения занимающего нас летописца о разгроме несколькими казачьими сотнями «Кучумова юрта» кажется опрометчивым.

О взятии же в 7095 г. (точнее, 13 июня 1587 г.) крымцами

---

[1] *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 39. Примечание 69.

[2] См., напр.: *Солодкин Я.Г.* О ранних летописных датировках начала зауральской экспедиции Ермака // Сборник научных трудов Сургутского государственного университета. 2004. Вып. 18: Гуманитарные науки. Ч. I: История: Философия. С. 143.

[3] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею Императорской Академии наук. СПб., 1841. Т. II. С. 3, 5, 9, 17, 18, 22; Сборник РИО (Императорского Русского Исторического Общества). СПб., 1883. Т. 38. С. 297; ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 98, 142, 190, 191. Примечания 20–23, и др. Иногда в дипломатической документации сообщалось о пленении русскими «на поле» при разгроме войск непокорного хана десяти «цариц Кучюмовых» (Сборник РИО. Т. 38. С. 379; *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 341; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892. Т. 2. С. 50–51).

[4] *Корецкий В.И., Морозов Б.Н.* Указ. соч. С. 214. Сравни: ПСРЛ. Т. 36. С. 73, 77, 120, 130, 181, 239; и др.

острога в Крапивне, помимо Поволжского летописца, сказано в «разрядах» нескольких редакций[1]. Видимо, источниками летописных статей о начале возведения «каменного города» в Астрахани и «Сибирском взятии», – статей, не отличающихся достоверностью, явились какие-то нарративные памятники, запечатлевшие, в частности, устную традицию.

Итак, сохранённые Поволжским летописцем оригинальные свидетельства о предыстории строительства и основании Уфы скорее всего оставлены участником походов 1584/85 и 1585/86 гг. русских служилых людей против башкир в «сибирские улусы», вероятно, дворянином или сыном боярским какого-то «понизового» города. Эти свидетельства, прямо либо косвенно подтверждающиеся другими источниками, могут считаться вполне надёжными.

[1] См., напр.: Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 37; *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 144; *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 49.

В.Н. Курмаев

Из истории землевладения Богоявленского завода

В 1740-х гг. на Южном Урале начинается деятельность горнозаводской компании симбирских купцов И.Б. Твердышева и И.С. Мясникова. В короткие сроки они сумели построить пять медеплавильных и шесть железоделательных заводов, за счёт чего вскоре становятся крупнейшими заводовладельцами и одними из богатейших людей России. В числе этих новых заводов был Богоявленский медеплавильный, выстроенный в 1752 г. в долине речки Усолки.

Для обеспечения действия горных заводов требовалось огромное количество лесов и других угодий, поэтому для каждого из них производился земельный отвод, в соответствии с которым заводовладельцы должны были выкупать или арендовать отведённые территории, как правило, у местных башкир. Как свидетельствуют документы, приобретение необходимых земель для большинства заводов не составило больших проблем, обычно заводовладельцы договаривались с одной – двумя башкирскими общинами, проживавшими по соседству, платили им оговоренную сумму, тем самым земельный вопрос для данного завода в основном решался.

Совсем не так обстояло дело с землёй, отведённой в 1755 г. для Богоявленского завода, что во многом было связано с исключительно запутанной земельной ситуацией в его окрестностях, которая сложилась задолго до его основания и восходила к отдалённым временам – первому столетию пребывания края в составе Российского государства. С тех пор к середине XVIII в. многое было забыто, часть документов о том, кому принадлежала та или иная территория, утеряны, в некоторых случаях бывшие хозяева бесследно исчезли, не оставив наследников, а на некоторых землях оказывалось сразу по нескольку собственников. Споры и разногласия растянулись на многие десятилетия, активно разбирались в ходе Генерального межевания и после него, а некоторые не разрешились вплоть до советского времени. При изучении землевладения Богоявленского завода неизбежно затрагивается проблема раннего освоения данной местности переселенцами.

Итак, вскоре после того как 4 января 1751 г. Иван Твердышев подал прошение в Оренбургскую губернскую канцелярию о разрешении ему строительства Богоявленского завода[1], он

[1] *Курмаев В.Н.* Очерки истории Табынского края. Уфа. 1994. С. 75.

начинает активные поиски подходящего для завода места. 21 октября 1751 г. Твердышев и его компаньон Иван Мясников заключают договор с башкирским старшиной-бием Кси-Табынской волости Баимбетом Ильчигуловым о передаче в пользование Богоявленскому заводу земель и лесов по речке Усолке «и по впадающим в неё речкам и склонам за договорную плату». По этому договору заводовладельцы получали в долгосрочную аренду угодья, располагавшиеся к северу от реки Усолки, по правому её берегу. 8 июня 1753 г. они заключают подобный договор с башкирами той же Кси-Табынской волости, но другой общины – деревни Тюкунь – об аренде угодий «по речкам Усолке, Тюльгазам и Берешле»[1] к югу от Усолки, на её левом берегу.

Казалось бы, проблема обеспечения завода землёй решена. Но вскоре начинаются недоразумения. Казаки соседней Табынской крепости заявили, что значительная часть земли, арендованной заводовладельцами у Баимбета Ильчигулова, была отведена им ещё по распоряжению начальника Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова от 13 апреля 1736 г. как бывшая земля Соловарного городка. 5 октября 1757 г. Твердышев и Мясников заключают новый договор с атаманом табынских казаков Мутовкиным об аренде тех же самых угодий к северу от Усолки с платой по 25 руб. в год[2].

Непосредственно к северу от Богоявленского завода располагались наиболее удобные в сельскохозяйственном отношении для этой местности плодородные старопахотные земли в долине речки Чесноковки, некогда принадлежавшие Пречистенскому монастырю по отводу от 1 октября 1597 г.[3] В 1660-х гг. в ходе башкирского восстания монастырь был разрушен и больше не восстанавливался. Но его земли унаследовал Уфимский Успенский монастырь[4], а после реформы 1764 г. они поступили в ведомство Коллегии экономии.

Данная территория вошла в состав земель, уже арендованных заводом по договорам 1751 и 1757 гг. у башкир и табынских казаков. Тем не менее, государственная администрация установила арендную плату для завода за использование бывшей монастырской земли в размере 8 руб. в год[5]. В последующие десятилетия монастырская земля сохраняла свой статус, менялась только сумма арендного платежа[6]. Только в 1850-х гг.

---

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2932. Л. 84 об.
[2] РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Ч. 3. Д. 7339. Л. 11 об. – 12.
[3] Там же. Ф. 280. Оп. 3. Д. 685. Л. 4.
[4] Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1200. Л. 9.
[5] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2932. Л. 84.
[6] Там же. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1836. Л. 57.

завод выкупил эту территорию[1].

Но наиболее сложной оказалась земельная ситуация к югу от р. Усолки. Кроме башкир Кси-Табынской волости деревни Тюкунь, с которыми, как было сказано, в 1753 г. заводовладельцы заключили арендный договор, на эту территорию претендовали башкиры Бишаул-Табынской волости. Ещё в 1678 г. некие башкиры Табынской волости Акчермышко Койтанов и Тоймаско Исеншугуров подавали челобитную царю Фёдору Алексеевичу, в которой утверждали, что долина Усолки является вотчиной «прадедов их»[2].

В связи с этой челобитной была издана царская грамота от 17 апреля 1678 г. уфимскому воеводе Венедикту Хитрово с предписанием выяснить основательность претензий челобитчиков. Ранее мы пришли к выводу, что предки челобитчиков были ногаями и оставили эту местность в период присоединения края к России, а покинутая ими территория, как запустевшая, поступила в фонд государственных земель[3]. К тому времени в долине Усолки обосновались солепромышленники, поэтому правительство не пошло навстречу пожеланиям башкир.

Но упорные бишаул-табынцы всё же проникают в долину речки Усолки, правда, неизвестно каким образом. В 1718 г. башкир Бишаульской волости Шелтык Козяшев называет долину Кугуша-Усолки в числе их купленных, дедовских и отцовских вотчин[4]. Из ещё более поздних источников ясно, что они сумели завладеть только южной частью долины, причём, вотчина находилась в совместном пользовании с башкирами тюкунского рода Кси-Табынской волости[5]. В 1757 г. бишаул-табынцы заключают письменный договор о припуске в свою вотчину тептярей давно существовавшей деревни Иген-елга[6]. На протяжении последующих почти ста лет эта деревня стояла на землях, принадлежавших Богоявленскому заводу, и только в конце 1850-х гг. она была переведена на место, где находится и сейчас[7].

На ту же территорию к югу от Усолки претендовали башкиры Юрматынской волости. Из их родословной-шежере следу-

---

[1] См.: НА РБ. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 705.

[2] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 719. Л. 2–3; Дополнения к Актам историческим. Т. IX. СПб., 1875. С. 88–89.

[3] *Курмаев В.Н.* Указ. соч. С. 53–54.

[4] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / сост. Н.Ф. Демидова, под ред. Н.В. Устюгова. М.; Л., 1949. С. 164–165.

[5] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2932. Л. 84 об.

[6] НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5696. Л. 96 об. – 97.

[7] Там же. Д. 801. Л. 56 об.

ет, что долина речки Кугуш-Усолки в период присоединения к России была оставлена ногаями и юрматынцы просили у русского царя отдать им эту землю[1]. В августе 7117 г. (1609 г.) они получили царскую грамоту, по которой земля «бежавших нагаевских башкирцов» была им отдана[2]. Но, видимо, вскоре на данную территорию заявили претензии упомянутые выше потомки тех самых «нагаевских башкирцев» – бишаул-табынцы, в связи с чем в 1649 г. юрматынцы отправили новое посольство к царю для «обновления» грамоты. Новая грамота содержала, кроме упоминания первого юрматынского посольства, довольно подробное описание «урочищ», по которым были установлены пределы Юрматынской волости[3]. В интересующей нас местности границы юрматынских владений теперь не подходили вплотную к р. Усолке[4] – видимо, бишаул-табынцы вынудили юрматынцев отказаться от прежних требований.

Но, оказывается, были ещё и другие хозяева этой территории, причём, совершенно законные. 29 января 1762 г. появился на свет, может быть, самый удивительный документ, связанный с землевладением Богоявленского завода, который вызывал массу вопросов не только у современников, но и в течение многих последующих десятилетий. Это была купчая крепость, данная Ивану Твердышеву и Ивану Мясникову вдовой секунд-майора Г.И. Репьёва Екатериной Михайловой, урождённой Ураковой[5]. По этому документу заводовладельцы приобретали крепостного крестьянина Афанасия Васильева сына Яранцова «з женою ево и з детьми и их крестьянскими пожитки», а также «недвижимое имение»[6].

Имение это оказалось старинным владением семейства князей Ураковых, которое досталось им «по купчей, писанной в городе Уфе в семь тысяч сто четыредесятом году (7140 г. – 1631–1632 гг.) сентября в третий день от башкирца Юския (т. е. Юрматынские – *В.К.*) волости Чуваш Байбахтина в Уфимском уезде в Юской волости, и земля и бортными ухожьи и з зверовыми и рыбными ловли и бобровыми гнёзды и со всеми угодьи, пай свой третью долю»[7]. Далее следует описание «урочищ», по которым

---

[1] Башкирские шежере / сост. Р.Г. Кузеев. Уфа. 1960. С. 33.
[2] НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1144. Л. 1–3 об.
[3] Там же. Д. 5696. Л. 17 и об.
[4] Там же. Л. 17 об.
[5] О князьях Ураковых см.: *Азнабаев Б.А.* Происхождение и история уфимского княжеского рода Ураковых // Река времени. 2017 / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2017.
[6] НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5696. Л. 15.
[7] Там же. Л. 15 об.

проходили грани этой территории: речка Армет (очевидно, Малый, правый приток р. Зиган), речка Тюлгази (Тюлькас Большой, левый приток Усолки), «а другая межа тое вотчины усольскаго мордвина Ивана вотчина Максимова, речка Кугуш (Усолка – *В.К.*)», до её впадения в Белую, «а в верх по Белой реке по обе стороны займищи и подле реки лес до Юряка горы, а от Юряка горы вотчина усольскаго ж мордвина Ивана Максимова, по Куганаку речке в верх … по обе стороны по Куганаку, да по речьке по Зигану в верх по обе стороны до Шезмана ключа (речка Шиды Ишимбайского района, левый приток Зигана – *В.К.*) … а третья межа казанскаго чувашинина Кульгильдеева вотчина Бугамень-гора, лес Ухкичар (очевидно, покрытый лесом хребет Биик-тау – *В.К.*)»[1].

Далее в купчей сказано, что данная вотчина была продана Василию Антонову сыну Уракову с условием совместного использования, «во владении обще бывших … Юские волости башкирцов Сатлыгана Кудайбахтина да Тюгулбая Карамышева с наследниками»[2]. Из документа видно, что вотчина была продана от лица Чуваша Байбахтина группой владельцев, в числе которых были «казанские чуваши», «башкирцы», башкирское происхождение которых вызывает большие сомнения, ввиду того, что в последующее время ни одно из названных имён не было признано проживавшими здесь башкирами в качестве их предков или сородичей.

Первые десятилетия после этой сделки для заводовладельцев не было необходимости выдворять из купленной вотчины иных претендентов на неё, но когда началось Генеральное межевание, остро встал вопрос юридического обоснования прав собственников на их владения. В 1798 г. землемер Добровольский отмежевал всю эту огромную территорию к Богоявленскому заводу, а поверенный башкир Юрматынской волости Мурзаш Туйчин дал «полюбовную сказку», письменное согласие на отмежевание[3]. Но после этого начались споры, растянувшиеся более чем на сто лет – последний серьёзный конфликт завода с башкирами и тептярями Юрматынской (позднее – Кармышевской) волости по поводу принадлежности этой земли происходил летом 1906 г.

Представители башкир, ознакомившиеся с содержанием данной купчей, выражали полное недоумение. Вопросы вызывало почти всё – название волости (многие не знали, что ранее

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 66 об.

Юрматынская волость называлась Юская), перечисленные имена башкир, начиная с продавца («котораго башкирца (Чуваша Байбахтина – *В.К.*) в Карамышевой тюбе и даже во всей Юрматынской волости никогда прежде не после не было»),[1] огромные размеры данной территории (свыше 30 тыс. дес.). Непонятно было присутствие в крае каких-то «казанских чувашей», у которых фактически покупалась эта вотчина, «какогота ещё мордвина Ивана Максимова»[2]. Наибольшее удивление и возмущение вызывало то, что земля в 1631 г. была продана «башкирцем» без согласования с другими башкирами. Вопросов не вызывало только местонахождение вотчины, в купчей довольно подробно были описаны её рубежи. Многие из этого сделали вывод, что купчая является подложной, что способствовало затягиванию конфликта.

Известные на сегодняшний день материалы позволяют ответить на многие вопросы, связанные с этой купчей и устранить сомнения в её подлинности. Удалось установить некоторые упомянутые в документе имена. В частности, известен Иван Максимов сын Мордвин, который оказался в Табынском крае для организации действия Табынского соляного промысла[3]. Поселился он здесь, очевидно, не по собственной инициативе. Как сказано в ранее упоминавшейся грамоте царя Фёдора Алексеевича от 17 апреля 1678 г., после того как «запустела» вотчина в долине Усолки в связи с уходом ногаев, ещё до основания города Уфы этой вотчиной «завладел» некий «башкирец Табынские волости Тюкулко» (Тюкун, родоначальник крупного родового подразделения Кесе-Табынского рода, башкир), который обнаружил в вотчине соляные ключи, а уже после того, как «зачался» город Уфа, он «извещал» об этих ключах царя Михаила Фёдоровича[4], следовательно после 1613 г., когда тот вступил на престол. После этого «извещения», вероятно, царь отдал распоряжение уфимскому воеводе начать разработку промысла.

В тексте «Отводной книги по Уфе» за 1591/1592 – 1629 гг. содержатся сведения о расселении мордовских земледельцев – дворцовых крестьян в окрестностях незадолго до этого построенной Уфы[5]. В частности, неоднократно упоминается община дворцовых крестьян, возглавлял которую Максим Мордвин, за-

---

[1] Там же. Л. 65.

[2] Там же. Л. 65 об.

[3] *Курмаев В.Н.* Указ. соч. С. 54.

[4] Дополнения к Актам историческим. Т. IX. С. 88.

[5] См.: *Демидова Н.Ф.* Древнейший источник по истории города Уфы. Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 259–351.

ложивший «Максимов починок»[1] (видимо, его же иначе именовали Савка Новокрещён Герасимов), не путать с Максимом Кадомцем, основавшим село Кадомцево-Богородское.

То, что Максимов починок и село Кадомцево-Богородское – не одно и то же, хотя располагались они по соседству, подтверждается данными переписи 1647 г., где сказано: «Да к тому ж селу Богородцкому починок Максимов у Ольховаго озера»[2]. Между прочим, расположение Максимова починка – на правобережье р. Уфы, близ озёр Долгое (Максимовское) и Ольховое позволяют предположить, что имя Максима Мордвина сохранилось в названии и ныне существующего примерно в этом самом месте микрорайона Уфы Максимовки, по имени одноимённой деревни, лежавшей здесь ранее[3].

А несколько лет спустя ещё одна община мордовских крестьян поселяется в долине р. Усолки. По имени её главы – Ивана Максимова сына Мордвина – нетрудно догадаться, что эти крестьяне отделились от общины дворцовых крестьян Максима Мордвина, живших под Уфой, а Иван, соответственно, был сыном Максима Мордвина. Можно предположить, что переселение на Усолье было произведено уфимской воеводской администрацией по указу царя Михаила Фёдоровича для работы на соляном промысле. В 1647 г. в Максимовом починке продолжали жить братья Ивана Максимова: «Во дв(оре): Федотка Максимов сын Мордвинов, у нево брат родной Федько 20 л.»[4]

В марте 1618 г., в соответствии с указом царя Михаила Фёдоровича и по распоряжению уфимского воеводы Г.В. Хлопова, на Усолье был послан уфимский дворянин Михайло Ортемьев «одделяти земли усольскому мордвину Ивашку Максимову под усад на пашню по дватцети чети (10 дес. – *В.К.*) в поле, а в дву потому ж … на Большем поле под Голым бугром на речке на Шеваре … а сенные покосы отделены … на низ по речке по Шуваре до озера до Обештерека»[5]. Мы не знаем полного содержания этого указа, возможно, в нём царь требовал начать разработку соляного промысла, наделив при этом работников необходимым количеством земли. А, может быть, по каждому поводу был отдельный указ – сначала о разработке промысла, а потом уже, по отдельному челобитью Ивана Максимова, земельный отвод. Это могло бы позволить более точно определить дату начала разра-

[1] Там же. С. 278, 294–295.
[2] НА УФИЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 10. Л. 32.
[3] Среди старожилов пригородной Максимовки сохранились предания о нерусском происхождении их предков.
[4] НА УФИЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 10. Л. 32.
[5] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 517. Л. 113.

ботки промысла дворцовыми крестьянами. Дело в том, что произведение отвода в марте 1618 г. не означает, что именно в это время здесь появляется Иван со своей общиной, он мог заниматься соляными делами и раньше, настолько долго, что писец посчитал возможным назвать его в документе «усольским мордвином». Эта фраза, надо полагать, должна была внести необходимые пояснения, что за Ивашка Максимов имеется в виду.

Хорошо известно место, где был произведён отвод – у подошвы горы Воскресенской («Голый бугор»), на левом берегу одноимённой речки (и ныне окрестные башкиры называют её «Шаугара»). Под озером «Обештерек» подразумевалось или Буланово озеро километрах в двух – трёх на юг от горы, или же, скорее, озерко вроде старицы в 2 км на запад, в пойме р. Белой, которого сейчас нет, но оно было еще в XIX в., правда, уже в виде болота[1].

В данном случае можно рассматривать отвод земельных угодий для Ивана Мордвина как приём его на государственную службу. Функции, которые он должен был выполнять на соляных ключах (скорее всего, его обязанностью была организация соляного производства) являлись государственным поручением, за что ему полагалось государственное жалование, которое было назначено в виде земельного оклада. Став, по сути, служилым человеком, Иван оказался далеко не на последней ступени тогдашней служебной лестницы – отвод 20 четвертей (четей) пашни соответствовал 1 руб. жалованья в год в денежном эквиваленте. Согласно данным той же «Отводной книги по Уфе», земельные оклады рядовых стрельцов составляли 6 четвертей, стрелецких десятников – 7 четвертей. Пятидесятники, пушкари, воротники, вожи, толмачи, кузнецы и др. имели оклады от 5 до 8 четвертей. И только стрелецкие сотники, головы, а также дети боярские жаловались наделами в 30–50 четвертей[2].

Как сказано в той же грамоте царя Фёдора Алексеевича, «и как он Тюкулко умре, и после его завладели тою вотчиною руские люди Ивашко Первишин с братом»[3]. Обращаясь к процедуре написания челобитной, на основании которой затем писалась грамота, надо отметить, что в данном случае челобитчики, со слов которых писец записывал текст прошения, явно хотели сказать что-то вроде «первейший», «первый», но писец это понял как фамилию, сходную, между прочим, с фамилией уфимских

[1] *Ремезов Н.* Путевые записки. Табынск. 8 марта 1881 г. // Уфимские губернские ведомости. 1881. 9 мая.

[2] *Буканова Р.Г.* Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа, 2010. С. 126–128.

[3] Дополнения к Актам историческим. Т. IX. С. 88.

служилых людей Первушиных. На самом деле Акчермыш и Тоймас, несомненно, имели в виду того самого Ивашку Максимова Мордвина с братом. Очевидно, русскими людьми они их назвали потому, что те были крещены, придерживались «русской веры». Имя брата Ивана Максимова не известно, можно предположить, что оно звучит как «прозвище» одного из «новобашкир» в документе, записанном в конце XVII в., когда среди явных потомков Ивана Мордвина назван некий Ботеня Симанаев[1]. В этом «прозвище» просматривается христианское имя его отца – Симеон – Симон – Семён. Возможно, так звали брата Ивана Мордвина, а Ботеня был, скорее всего, племянником Ивана. Что касается Первишиных, упомянутых в грамоте, то больше они нигде не упоминаются, поэтому появление этой фамилии в документе, на наш взгляд, следует рассматривать как ошибку.

То, что именно Иван Мордвин и его брат подразумевались под теми «рускими людьми», которые «завладели» вотчиной, ранее принадлежавшей Тюкуну, следует также из «памяти» уфимского воеводы Семёна Волынского от 4 июня 1626 г. дворянину Ивану Гладышеву, согласно которой тот должен был отвести «бортной ухожей и всякие звериные ловли, которою вотчиною владел Урусайко Тюкунев вверх по Белой волошке и по Усолке речке по обе стороны» Ивашке Мордвину[2].

Как видим, речь идет именно о долине речки Усолки, которой ранее владел Тюкун, а после его смерти ею какое-то время пользовался его сын Урусай, но воеводская администрация сочла необходимым передать эту землю новому владельцу – Ивану Максимову. Правда, при этом были учтены и интересы бывшего хозяина, Иван Гладышев должен был переписать все «Урусайковы» борти, те из них, которые были «порожние», передать Ивану Мордвину с выплатой в пользу Урусая по четыре деньги за борть. А борти с пчёлами оставались в собственности прежнего хозяина – Урусая[3]. Что интересно, Урусай Тюкунев при этом назван «казанской чувашенин», следовательно, и его отец Тюкун (Тюкулко) являлся таковым, а ведь именно он, как мы помним, был назван челобитчиками А. Койтановым и Т. Исеншугуровым в 1678 г. «башкирцем Табынской волости», «завладевшим» вотчиной в долине р. Усолки ещё до того, «как зачался город Уфа»[4].

Непонятно за какие заслуги, но, кроме бывшей вотчины Тюкуна, во время того же отвода Ивану Мордвину отвели ещё одну огромную горно-лесную вотчину – «по врагом пустошную

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1200. Л. 19.
[2] Там же. Д. 298. Л. 23.
[3] Там же. Л. 4.
[4] Там же. Д. 719. Л. 1.

выморочную [у] башкирцов Аллатаевскую да Кулутаевскую»[1]. «По врагом», т. е. по «оврагам» - так в то время называли ущелья горных рек. В данном случае имелись в виду долины рек Ревзяк Большой и Малый, Сиказя, верховья Зигана, возможно – Большой Армет, которые протекают близ хребтов Алатау и Калу, несомненно, именно они подразумевались под названиями «Аллатаевская» и «Кулутаевская». Эта огромная вотчина вплотную примыкала к долине р. Усолки с юго-востока.

В документе ничего не сказано, почему воеводская администрация передала вотчину из одних рук в другие. Вероятно, за прошедшие годы Иван Мордвин сумел неплохо организовать действие соляного промысла и предполагалось дальнейшее значительное расширение производства, для чего могли понадобиться большие лесные пространства для обеспечения промысла топливом. На это намекает отвод «Алатаевской и Кулутаевской» вотчины, примыкавшей с юга к верховьям р. Усолки – из этих лесов можно было сплавлять дрова непосредственно к промыслу. Упоминание бортей и всевозможных ловель говорит о том, что владелец мог заниматься и лесными промыслами.

О составе пришлого населения, проживавшего в долине р. Усолки в указанное время, говорит ещё один документ. Как выше было сказано, по отводу Ивана Гладышева от 4 июня 1626 г. новому владельцу вотчины Ивашке Мордвину доставались все пустые борти после выплаты по 4 деньги (по 2 коп.) за борть. За старым хозяином Урусаем Тюкуновым оставались борти с пчёлами. Но, как оказалось, кроме Урусая, на борти с пчёлами были иные претенденты, которые тоже, очевидно, устраивали свои борти в лесах, ранее принадлежавших Тюкуну и Урусаю, отведённых Ивану Мордвину. В результате возникших разногласий, видимо, подавалась новая челобитная царю Михаилу Фёдоровичу, который поручил уфимской воеводской администрации урегулировать этот вопрос.

19 декабря 1626 г. уфимский воевода Иван Иванович Чичерин направил на Усолье служилого дворянина Ивана Лопатина. Борти были снова пересчитаны, их оказалось 979. Но с пчёлами только 29, в остальных «мёду и пчёл ни одной и нет, … люди и медведь и желна (чёрный дятел – *В.К.*) била, и сами иные померли». Любопытен состав претендентов-челобитчиков, имена которых приведены в документе. Кроме знакомого нам «казанского чувашенина» Урусайки Тукунова челобитчиками выступили «усольский жилец» Тимофей Сергеев и «усольский мордвин»

[1] Там же. Д. 298. Л. 23.

Янтуганко[1]. Каждый из перечисленных возглавлял определённую общину – количество насчитанных бортей подразумевает труд не одного десятка человек. Тимофей Сергеев, скорее всего, возглавлял какую-то русскую общину, если бы он был недавний новокрещён, его этническая принадлежность нашла бы отражение или в его имени-«прозвище», или же была бы особо отмечена писцом – как в случае с «усольским мордвином» Янтуганком. Очевидно, мы имеем дело с жителями Соловарного городка, если Тимофей назван «усольским жильцом». Если Тимофей, и Янтуган названы «усольскими», значит эти люди участвовали в работе соляного промысла. Трудно сказать, где именно в это время проживала община, возглавляемая Янтуганком, но в 1648 г. существовала деревня ясачной мордвы Янтуганово, или Тюлькас[2], очевидно, основанная этим Янтуганом. Ввиду того, что её население названо «ясачной мордвой», можно заключить, что эта община до 1648 г. отошла от солеварения и потому не названа «усольской». Второе название деревни – Тюлькас – однозначно говорит, что основана она была близ одноимённой речки.

Но этим земельные приобретения Ивана Мордвина не ограничились. В 1629 г. он купил за десять рублей вотчину у «казанского чувашенина» Терегула Базаева в низовьях Зигана (по речкам – «врагам» Алатана, Камышла, Базик, Кундузла) и Куганака[3]. При этом в купчей Иван Максимов сын Мордвин назван жильцом Курпеч-Табынского Соловарного острога. В итоге на короткое время (примерно до первой половины 1630-х гг.) образовалось огромное землевладение общей площадью свыше двух тысяч квадратных километров. Неизвестно, как происходили события дальше, но в начале 1630-х гг. Иван Мордвин исчезает со страниц документов. Он не фигурирует в ясачных книгах за 1632 г.[4], возможно, умер.

Солеваренное производство, очевидно, действовало. Оно подлежало налогообложению. Согласно Наказной памяти сборщика пятинных денег Михаила Сыча выборному человеку Науму Вязмитину с «товарыщи» от 20 ноября 1634 г., в числе немногочисленных жителей Ногайской дороги Уфимского уезда, подлежавших такому обложению, был некий «у Соли Беккулко Ивано[в] Мордвинов»[5]. Кем именно приходился этот Беккулко Ивану не сказано, но предполагается, что он был его сыном и наслед-

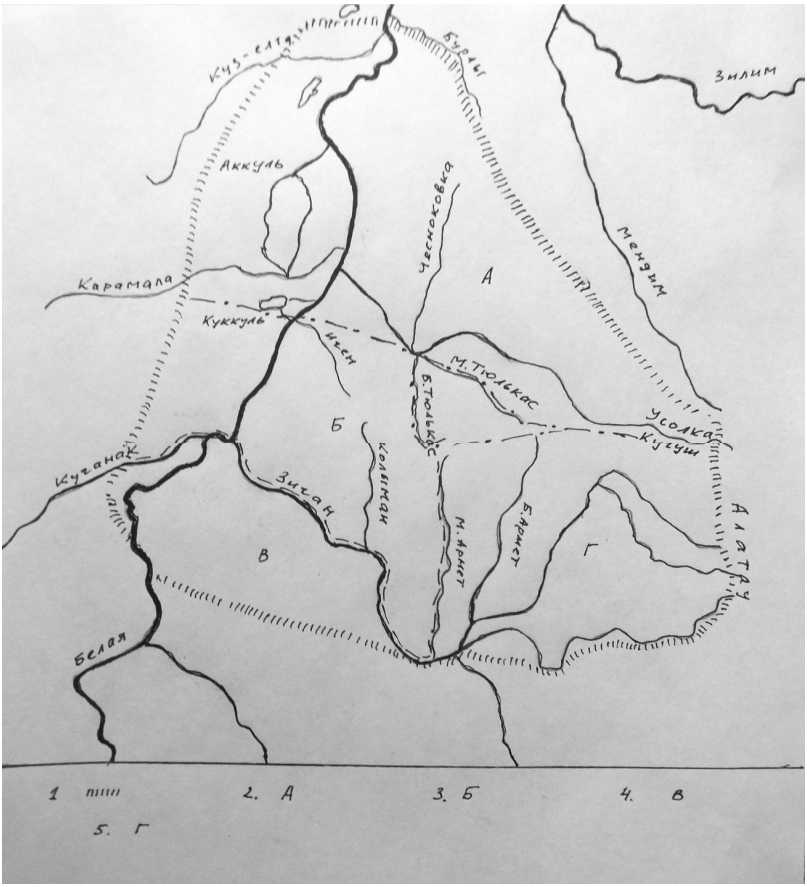
[1] Там же. Д. 310. Л. 1.
[2] Там же. Ф. 119. Д. 1. 1648 г. Л. 5.
[3] Там же. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 3001. Л. 15–16.
[4] Там же. Л. 17 и об.
[5] Документы и материалы по истории башкирского народа. (1574–1798). Уфа, 2012. С. 34.

ником. А примерно в середине 1730-х гг. промысел был передан другому солепромышленнику – Андрею Жегулёву.

Таким образом, упомянутый в купчей 1762 г. Иван Максимов Мордвин был реальной исторической личностью, соответствовало действительности и обозначенное в ней примерное расположение его земельных владений – территория к северу от Усолки была ему отведена уфимской воеводской администрацией в 1626 г., а территория в районе горы Юрак-тау была куплена в 1629 г. Обращает внимание, что все рассмотренные нами территории в начале XVII в. находились во владении «казанских чувашей». Судя по упоминавшемуся указу царя Фёдора Алексеевича от 17 апреля 1678 г., где сказано, что Тюкулко «завладел» вотчиной в долине Усолки ещё до того, «как зачался город Уфа»[1], эти чуваши появились здесь в первые десятилетия после присоединения края к России. Очевидно, царская администрация предоставила «казанским чувашам» запустевшую после откочёвки ногаев землю, хотя сохраняла контроль за местностью ввиду наличия выходов природной соли. Затем эти территории перешли к иным собственникам – башкирам, князьям Ураковым, солепромышленникам. После прекращения солеварения в крае в 1730-х гг. государство отказалось от контроля над данной территорией и во второй половине XVIII в. основная её часть оказалась в собственности Богоявленского завода.

Изучение землевладения Богоявленского завода показывает, что привлечение более поздних документов второй половины XVIII в. позволяет реконструировать исторические процессы в более ранние эпохи. Уникальность окрестностей Табынска и Богоявленского завода (совр. Красноусольский) связана с первым на Южном Урале достаточно крупным промышленным производством (солеварением), что привлекало сюда самые разные группы населения.

[1] Дополнения к Актам историческим. Т. IX. С. 88.



Вотчины казанских чувашей в долинах Усолки и Зигана
на рубеже XVI–XVII вв.

1. Примерные границы государственной территории;
2. А – вотчина Тюкуна (Базаева?), отведённая Ивану Мордвину в 1626 г.;
3. Б – вотчина Чуваша Байбахтина, проданная в 1631 г. князьям Ураковым;
4. В – Вотчина Терегула Базаева, проданная в 1629 г. Ивану Мордвину;
5. Г – «выморочная» территория, отведённая в 1626 г. Ивану Мордвину.

Б.А. Азнабаев

Уфимские Суворовы

Гордостью России является имя великого полководца Александра Васильевича Суворова, который посещал Уфу в 1770-е гг., но лишь специалистам историкам известно, что в нашем крае проживали свои дворяне Суворовы.

В Уфимском уезде в XVII в. утвердились две фамилии Суворовых, которые не состояли между собой в генеалогическом родстве. Первый род вёл своё происхождение от начальных людей стрелецкого войска Уфы, второй – из мензелинских представителей смоленской шляхты. Оба семейства нельзя отнести к аристократическим семействам. Впрочем, выходец из стрельцов был записан в уфимские десятни до начала XVIII в., т. е. он вполне законно имел право относить себя к привилегированной группе столбовых дворян.

Уфимская линия ведёт своё начало от Василия Ивановича Суворова. Им же она и заканчивается. Обстоятельства верстания Василия Ивановича в уфимскую дворянскую десятню в 1672 г. вызвали отдельное судебное разбирательство в Приказе Казанского дворца, повлекшее за собой строгий выговор воеводе Фёдору Яковлевичу Милославскому[1]. Недовольство московского руководства было обусловлено отнюдь не нарушением местнического принципа (верстание в дворянский список человека низкого происхождения), а исключительно финансовыми соображениями. Дело в том, что вакантных дворянских окладов в маленьком гарнизоне Уфы не хватало даже на детей лучших семейств. На них претендовали дворянские недоросли, многие из которых начинали служить вообще без окладов. В верстальной записи 1672 г. кратко отмечено, что Суворов был записан в дворянский список из «начальных людей»[2].

Очевидно, этой неясной формулировкой воевода Милославский стремился скрыть факт записки в дворяне служилого человек из приборного списка, т. е. стрельцов или казаков. Следует отметить, что перевод стрельца в дворянский список допускался в Уфе только в исключительных случаях. К примеру, из уфимской десятни 1649 г. выясняется, что уфимский конный стрелец Артемий Щиголев «при прежних государях … служил по Ливнам в детях боярских и в Московское разорение был на службе под Новым городом в Бронницах с боярином со князем Дмитрием

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 100. Л. 32.
[2] Там же. Л. 33.

Тимофеевичем Трубецким и после того был он в полку у боярина Дмитрия Тихоновича Пожарского и ходил под Орел и под Орлом был у них бой и на том бою его литовские люди ранили и взяли в полон и из полону из Литвы вышел он на Уфу и из бедности стал в конные стрельцы и служил по Уфе 28 лет, а как в прошлых годах проходили под Уфу калмацкие воинские люди и он с ними бился не щадя головы своей и на том бою убил двух мужиков и ранен копьем в спину в двух местах по обе стороны»[1]. В итоге Артемий Щиголев был записан в дворянскую десятню.

Однако в данном случае видно, что уфимский стрелец Щиголев уже имел дворянское происхождение. К тому же, он кровью своей и кровью врага заслужил возвращение в дворянскую корпорацию. Ничего подобного Василий Иванович Суворов не совершал. В таком случае возникает вопрос, зачем уфимский воевода Милославский рисковал своим денежным жалованием (за незаконное верстание с воеводы брали штраф, троекратно превышающий его годовое жалование), поверстав в дворяне приборного служилого человека Суворова?

В материалах Уфимской приказной избы имя Василия Суворова встречается в качестве отводчика едва ли не в каждом земельном отводе, производившихся уфимским дворянам в 1680–1690-е гг. Это отказные книги Пекарских, Тарбеевых, Аничковых, Каловских и др. Осуществить земельный отвод мог только грамотный и авторитетный человек, умеющий измерять пашню в трёх полях, сенокосы в копнах и способный погасить конфликты, неизбежно возникающие при межевании соседних поместных дач. О деловитости и грамотности Суворова говорит и факт назначения его в 1680 г. в сборщики «пошлинных денег» на Казанскую дорогу[2].

В уфимской десятне 1681 г. Василий Иванович отмечен среди городовых дворян с довольно средним окладом – 500 четвертей поместного и 14 рублей денежного жалования[3]. Однако назначенный оклад нужно было ещё наполнить реальным поместным обеспечением. В 1677 г. он попытался получить в поместье земельную дачу за Белой рекой выше Ямской деревни в диком поле 25 четвертей в поле[4]. Но по неизвестным причинам просьба Василия Ивановича была отклонена. Тем не менее, через два года Суворов женился на вдове уфимского помещика Ивана Дерюшкина – Марье. Василий Иванович официально закрепил за собой прожиточный жребий жены. Случайно или нет,

[1] Там же. Д. 967. Л. 4–7.
[2] Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Л. 43.
[3] Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1180. Л. 23.
[4] Там же. Д. 654. Л. 2.

но имение Марьи Дерюшкиной находилось за Белой выше Ямской деревни, а площадь составляла те же 25 четвертей в поле[1].

Интересно, что сын Василия Суворова ещё в 1667 г. служил в Уфе в пеших стрельцах. Он поручился за уфимского конного казака Матвея Белкина, оказавшимся беглым крепостным князей Болховских[2]. Другие потомки Василия Суворова в XVIII в. занимали незначительные должности в провинциальной канцелярии. В их формулярах отмечено, что они происходят из подьячих. Таким образом, собственно уфимский род дворян Суворовых был представлен только одним человеком.

Мензелинские Суворовы оказались намного более плодовитыми, более успешными на службе и благополучными в материальном отношении. О смоленской шляхте Уфимского уезда написано немало работ, однако остановимся на наиболее важных сведениях. В 1660-е гг. смоленские служилые люди были посланы не только в крепости Закамской черты, но и во многие города Уфимского и Казанского уездов. Переселенцев из Речи Посполитой в крае было так много, что шведский подполковник Страленберг, сосланный в Сибирь, отметил, что «жители городов по Каме, Волге и по Белой, тако ж Симбирския в Тетюшях, в Билярске, в Тиличинске, в Ерыклинске, в Сергиевске, в Шешминску, в Мензелинску, в Бирю, в Сарапуле, в Каракулине и в Уфе все взятыя под Смоленском поляки»[3].

Во второй половине XVII в. список «смоленская шляхта» был включен и в уфимские десятни[4]. В 1674 г. 127 человек были поселены в Тиинском остроге, 127 шляхтичей – в Новошешминском остроге, 81 человек – в Заинской крепости, 129 шляхтичей разместили для прохождения службы в Мензелинске и его окрестностях. Каждому из переселенцев для обустройства и обзаведения хозяйством было выделено по 6 рублей 26 алтын и 4 деньги[5]. Важно отметить, что служилые люди в отводных документах именуются не шляхтой, а смоленскими казаками или смоленскими иноземцами. Очевидно, сама процедура отвода земли не соответствовала установленному порядку испомещения дворян. Так, в отношении дворян Уфимского уезда никогда не практиковалась единовременные и массовые отводы земель в одном

---

[1] Там же. Д. 706. Л. 3.

[2] Там же. Д. 681. Л. 4.

[3] *Страленберг Ф.И.* Записки капитана Иоганна Фридриха Страленберга по истории и географии России империи Петра Великого. Северо-восточная часть Европы и Азии. Ч. 1. М.; Л., 1985. С. 101.

[4] См.: РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 568. Л. 1–44.

[5] Восточное Закамье в XVII веке: Сборник документов и материалов / Сост. В.В. Ермаков, Ю.Н. Иванов. Казань, 2006. С. 42.

месте. Обычно подобным образом отводились служилые наделы стрельцам или казакам. Кроме того, дворяне, как правило, сами приискивали землю.

Но главное отличие заключалось в том, что шляхте в закамских крепостях отводились участки без обводных и примерных земель. Таким образом, эти наделы нельзя считать поместными дачами в правовом отношении. Скорее всего, российское правительство не считало смоленских переселенцев в Закамье служилыми людьми, равными по статусу российскому дворянству. Об этом свидетельствуют и статьи, по которым определялись размеры угодий. Если лишь верхушка смоленских поселенцев имели поместные оклады 60–80 четей, то у дворян самая нижняя шестая статья верстального оклада составляла 100 четей[1].

Несмотря на это, мензелинская шляхта вполне чётко осознавала себя в качестве благородной корпорации с особыми только ей присущими интересами и правами. Когда в 1766 г. вышел указ о выборах дворянских депутатов в Уложенную комиссию, шляхта Мензелинска, не желая участвовать в одном собрании с уфимским дворянством, избрала собственного депутата и предводителя[2]. В 1799 г. дворянское депутатское собрание Оренбургской губернии удовлетворило ходатайство мензелинской шляхты и включило представителей 42 фамилий в дворянскую книгу губернии. Однако указом 28 января 1828 г. Геральдия исключила шляхту из дворянской родословной книги, сочтя «доказательства их на дворянство не достаточными»[3]. Для наиболее амбициозной части мензелинской шляхты остался только один путь получения прав потомственного дворянства – через выслугу офицерского чина. В результате потомственными дворянами стали представители 44 фамилий смоленских шляхтичей[4]. Суворовы получили потомственное дворянство одними из первых смоленских шляхтичей ещё в первой половине XVIII в.

В июне 1767 г. состоялись выборы предводителя дворян Мензелинской округи. Из 85 мензелинских шляхтичей, подписавших решение о выборах, пять человек носили фамилию Суворовы. Это прапорщик Андрей Яковлевич, канцелярист Василий Сергеевич, каптенармусы Василий Павлович и Ермолай Ки-

---

[1] *Азнабаев Б.А.* Уфимское дворянство XVII – первой трети XVIII вв. Землевладение, состав, служба. Уфа, 1999. С. 76.

[2] *Новиков В.А.* Сборник материалов по истории уфимского дворянства, продолженный и дополненный до 1902 г. включительно депутатом Уфимского дворянства Н.А. Гурвичем. Уфа, 1903. С. 202.

[3] ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11073. Л. 129.

[4] *Новиков В.А.* Указ. соч. С. 119.

рилович и капрал Степан Петрович[1]. Интересно, что среди уфимских дворян, выбравших своего предводителя, так же отмечен мензелинский шляхтич – капитан Назар Сергеевич Суворов, брат которого служил канцеляристом в Мензелинске.

По-видимому, капитан Суворов был состоятельным человеком. В 1781 г. он получил в качестве заклада по заёмной записи (100 руб.) имение подполковницы Натальи Васильевой Дмитриевой в Уфимском уезде за Белой рекой, за Сергеевым перевозом, по Сосновому озеру. Поместье с усадьбой и лесом перешло к Дмитриевым от уфимских дворян Волковых[2].

Назар Сергеевич Суворов родился в 1730 г. В службу вступил в 1745 г. В 1764 г. произведён прапорщиком, в 1765 г. – поручик, в 1766 г. – капитан. Отличился в 1755 г. в «сражениях против бунтующих башкирцев». В 1784 г. был избран заседателем второго департамента Оренбургского верхнего земского суда. За ним числилось четыре души крепостных крестьян. Был женат на дочери уфимского дворянина Фёдора Каловского[3].

К 1789 г. Назар Сергеевич умер. Два его родных брата продали поместье, доставшееся им по наследству. Отставной губернский секретарь Василий Сергеевич и капитан Матвей Сергеевич Суворовы «дали купчую господина генерал-майора и кавалера Александр Александровича фон Пеутлинга жене Анне Петровой дочере» на имение, которое в свою очередь было куплено Назаром Сергеевичем у жены отставнаго майора Василья Даниловича Моисеева – Аграфены Григорьевны. Поместье располагалось «за Уфою рекою по Юрмашу речке, называемую в урочище, на ржавце до межи верхней коллежскаго протоколиста Алексея Авчинникова, а от верхней до межи нижней отставного поручика Николая Каловскаго, с усадебным при той речке Юрмаше местом, 25 четвертей в поле»[4].

В 1785 г. за уездным стряпчим из смоленского шляхетства Василием Сергеевичем Суворовым значилось одна душа мужского пола[5]. Службу он начал татарским толмачом в уфимской провинциальной канцелярии в 1753 г. В 1762 г. произведён в канцеляристы, а в 1782 г. получил чин губернского регистратора. Был женат на дворянской дочери[6]. Его брат – Матвей Сергеевич выбрал военную службу. Он родился в 1714 г., а в службу

---

[1] Там же. С. 120–121.
[2] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12399. Л. 13.
[3] НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 17. Л. 67.
[4] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5 / Сост. Н.Ф. Демидова; Под ред. С.М. Васильева. М., 1960. С. 341.
[5] НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 17. Л. 89.
[6] Там же. Л. 90.

вступил в 1734 г. В 1754 г. Матвей Суворов, будучи поручиком, командовал 4-й ротой уфимского драгунского полка[1].

В середине XVIII в. некоторые Суворовы занимали руководящие должности в Оренбургской губернии. Яков Кириллович Суворов в 1755 г. в чине капитана был воеводой Ногайбакской крепости. Он родился в 1698 г., в службу вступил в 1715 г. в Нижегородский пехотный полк. Первый свой офицерский чин прапорщика Суворов получил находясь в Казанском драгунском полку. Там же произведен в поручики в 1744 г., а в 1744 г. получил чин капитана с переводом на командную должность в Мензелинскую дворянскую роту. У Якова Кирилловича было два сына – Иван (1737 г. р.) и Андрей (1745 г. р.) Имение (9 душ м. п.) находилось в Казанском уезде в деревне Дыреевой[2]. В 1853 г. это имение отмечено не в Казанском, а в Уфимском уезде. Кроме того, изменился его статус. Деревня превратилась в сельцо. Владелицей значилась капитанша Елизавета Петровна Суворова. Хозяйство Суворовой имело нетипичное для середины XIX в. соотношение земельных площадей и крепостных крестьян – 25 ревизских души на 32 десятины[3].

Некоторым представителям рода Суворовы удалось достигнуть высоких чинов на гражданской службе. У Ивана Васильевича Суворова в графе «происхождение» указано «из подьячих». Он вступил в гражданскую службу в 1752 г. Только через тридцать лет ему удалось дослужиться до чина губернского секретаря, что по тем временам означало вершину карьеры канцеляриста из подьячих. В 1783 г., уже возглавляя губернскую канцелярию, Иван Васильевич получил чин титулярного советника. Таким образом, до заветного чина коллежского асессора оставалась лишь одна ступень[4]. Именно с получением этого чина чиновник становился потомственным дворянином. Однако Иван Васильевич решил не ждать и в 1783 г. купил имение у представителя старого уфимского дворянства – поручика Николая Каловского. Поместная земля находилась за рекой Уфой, от Юрмаша «по дачю Федора Меньшаго Каловскаго». Интересно, что многие Суворовы тяготели к рекам Уфа и Юрмаш. Дача обошлась чиновнику в сравнительно небольшую сумму – 15 руб.[5] Впрочем, к началу XIX в. никаких следов этого имения в материалах Генерального межевания не обнаружено.

В 1784 г. Иван Васильевич решил продать дом в Уфе. Об-

[1] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 461. Л. 12.
[2] РГАДА. Ф. 289. Оп. 1. Д. 419. Л. 65.
[3] НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2840. Л. 45.
[4] Там же. Д. 17. Л. 96.
[5] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. С. 212.

ширное описание городской усадьбы в крепостных книгах заслуживает того, чтобы привести все подробности архитектуры и благоустройства: «Титулярной советник Иван Васильев сын Суворов дал купчую коллежского асессора Николая Николаевича Пекарского жене его Матрене Семеновой дочери в том, что продал двор в приходе Успения пресвятой Богородицы, идучи от речки Сутолоки к помянутой церкви по левую сторону, в межах дом премьер-майора Михайла Гавриловича Белавина, а позади по проулку дом умершего священника церкви чудотворца Сергия Демьянова сына Иванова, в коем хоромного строения в большом флигеле 8 жилых покоев, кладовая, два нужника, трои сени и два крыльца, во дворе в двух флигелях, в первом, что противу большого три жилых покоя с сеньми с верхом и нужником, во втором, что ко двору священника, одна изба с кухней и один чулан, конюшня, да подле нее амбарушка, каретной сарай, погреб с надпогребницей, в огороде баня с предбанником и с нужником, в округе оного дому с улишной и которого двора священника Демьяна обнесен забором беревенчатым, земли под тем двором мерой начиная от столбы столящего под полисадником и хоромным строением ко двору сказанного майора Белавина до угла людской избы 10 саженей от оного угла людской избы до заднего угла черной избы 8 саженей, от оного уступя во двор одну сажень и от построенного флигеля заднего угла 9 саженей, а от одного угла до другого угла сего флигеля и до забору священника 8 саженей». Усадьба была продана за фантастическую для конца XVIII в. сумму в 800 руб.[1]

Организация разветвлённого управленческого аппарата Уфимского наместничества в начале 1780-х гг. способствовала успешной карьере отдельных представителей рода Суворовых. Нехватку администраторов восполняли грамотные выходцы из мензелинской шляхты. В 1785–1788 гг. предводителем дворянства Уфимского, Стерлитамакского и Челябинского округов являлся по избранию капитан Назар Сергеевич Суворов[2]. Вышеупомянутый титулярный советник Иван Суворов служит стряпчим второго департамента Верхнего земского суда (1784–1786), капитан Назар Суворов являлся там же дворянским заседателем (1784, 1785), а с 1786 по 1788 г. будучи предводителем возглавлял дворянскую опеку, в Бирске уездным стряпчим служил губернский регистратор Василий Суворов (1785). На 1789 г. титулярный советник Иван Суворов служит одним из ассесоров в

[1] НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 51. Л. 10.

[2] *Новиков В.А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879. С. 99.

Палате уголовного суда (и в 1790–1792), которую возглавлял крупный помещик из Мензелинского уезда М.Е. Можаров. На 1793 г. титулярный советник Иван Васильевич Суворов уже председатель второго департамента Верхней расправы (нижний судебный орган, служил по 1796 г.), а в 1794 г. одним из заседателей первого департамента Верхнего земского суда становится секунд-майор Степан Васильевич Суворов[1].

Самым крупным помещиком из Суворовых в начале XIX в. являлся майор Степан Васильевич. Он родился в 1752 г. В 18 лет вступил в военную службу в Оренбургский драгунский полк. Первый офицерский чин прапорщика получил в 1771 г. В ходе подавления восстания Е.И. Пугачева действовал в составе корпуса генерала Ф.Ю. Фреймана: «В 1773 и 1774 годах в действительных сражениях в осаде в Уральском городке в воинском ретрашаменте. В комплекте, а по ордеру генерал поручика Игельстрома, находится у командования первым башкирским полком с 1788 году»[2]. Степан Васильевич заложил основу своего имения путем покупки земель башкир Канлинской волости.

20 октября 1793 г. «Бирской округи, Канлинской волости, команды старшины Ишали Якупова выбранные от миру заверенные вотчинники башкирцы Ихсан Салтанбеков, Г. Масегутов, И. Купландин, Р. Бурангулов … и всего 11 человек, в роде своем не последние, по поверенному от всех вотчинников оной же Канлинской волости башкирцев письму (которое представлено от нас в Уфимскую палату гражданского суда), от крепостных дел дали сию купчую секунд-майору Степану Васильевичу сыну Суворову в том, что продали мы поверенные Канлинской волости Ихсан Салтанбеков с товарищами и все оставшиеся в домах вотчинники башкирцы, с общего согласия в вечное и потомственное владение из числа жалованной предкам нашим, а по них доставшуюся и нам от великих государей землю с угодьи ему, Суворову, и наследником его – земли по реке Белой… А взяли мы, поверенные башкиры, и товарищи наши за тое землю с угодьи с него, Суворова, денег 500 рублей»[3]. На купленной у башкир земле Степан Васильевич основал деревню Акбашеву, в которой имелось 3 двора крепостных крестьян с 10 ревизскими

[1] Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от рождества Христова 1784. СПб., б. г. С. 452; Там же 1785. СПб., б. г. С. 353, 355; Там же 1786. СПб., б. г. С. 314–315; Там же 1787. СПб., б. г. С. 325; Там же 1788. СПб., б. г. С. 306; Там же 1789. С. 296; Там же 1790. СПб., б. г. С. 279; Там же 1791. СПб., б. г. С. 271; Там же 1792. СПб., б. г. С. 294; Там же 1793. СПб., б. г. С. 253; Там же 1794. СПб., б. г. С. 261–262.

[2] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2497. Л. 119.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. С. 331.

душами. Общая площадь имения составляла 2933 дес.[1]

В Мензелинском уезде начала XIX в. помещики Суворовы были представлены лишь одним имением. Вдова прапорщица Надежда Наумовна и два её сына капитан Акинфий Андреевич и поручик Сергей Андреевич безраздельно владели 8 ревизскими душами и 72 дес. земли[2]. Капитан Акинфий Андреевич родился в 1763 г. В службу вступил в 1781 г. подпрапорщиком. Офицерский чин прапорщика выслужил в 1783 г. Участвовал в военных действиях против ногайцев за Кубанью в 1788 г. В 1796 г. принял участие в персидском походе «при покорении города Дербента»[3]. С 1802 г., будучи уже капитаном в отставке, был избран от дворянства в Мензелинский земский суд заседателем. С 1806 г. выбирался на должность Мензелинского уездного судьи.

Его младший брат Сергей Андреевич родился в 1766 г. В службу вступил в 18-й егерский полк подпрапорщиком в 1782 г. Звание прапорщика получил в 1787 г. В 1798 г. произведён поручиком. Выйдя в отставку «по выбору дворянства находился при должности в нижних земских судах в Бирском в 1801 г., в Мензелинском в 1806 г. В 1809, 1814, 1821 и 1827 гг. последовательно избирался в мензелинский земский суд заседателем[4].

В Уфимском уезде Генеральное межевание зафиксировало только одного представителя рода – майоршу Аграфену Васильевну Суворову. Судя по совладельцам, Аграфена Васильевна носила в девичестве фамилию Аничкова. Ей в частности принадлежало в 1796 г. сельцо Аничково с 236 дес. земли и 24 ревизскими душами[5].

Согласно переписи помещиков Оренбургской губернии 1853 г. в Белебеевском уезде одно из самых крупных имений (дача Аполлоновская) принадлежало коллежской секретарше Варваре Суворовой[6]. Ей имение досталось после мужа – Доремидонта Андреевича Суворова. Он родился в 1795 г. Вступил в службу в Бирский уездный суд канцеляристом в 1806 г. Произведён губернским секретарём в 1815 г. В 1815 г. дослужился до чина коллежского секретаря. В том же году направлен в Бирск надзирательным помощником по питейным сборам. Эта должность всегда считалась одной из самых доходных среди чиновников Российской империи. В 1820-е гг. Доремидонт Андреевич приобретает имение в 1000 дес. и 8 ревизских душ. В 1825 г. он

[1] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1871. Л. 119.
[2] Там же. Д. 1879. Л. 34.
[3] НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 212. Л. 46.
[4] Там же. Д. 691. Л. 143.
[5] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1884. Л. 78.
[6] НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2840. Л. 64.

избирается в Белебеевский земский суд дворянским заседателем[1]. К 1853 г. за вдовой Доремидонта Андреевича значилось 60 рев. душ и 900 дес. земли. В этом хозяйстве дворовые и месячники составляли четвертую часть крепостных (15 из 60 души)[2].

В Мензелинском уезде находилось отмеченное выше сельцо Дыреевка капитанши Елизаветы Петровной Суворовой[3]. По соседству располагалось имение Гришино штабс-капитана Николая Яковлевича Суворова. Интересно, что, несмотря на значительный размер землевладения (5552 дес.), 12 из 22 ревизских душ были записаны как дворовые[4].

По сравнению с этой латифундией сельцо Никольское, принадлежавшее подпоручице Александре Гавриловне Суворовой, с 7 рев. душами и 51 дес. земли выглядит как загородная дача[5]. Таким же малозначительным являлось имение, прилегавшее к сельцу Дыреевке. Его владелец майор Василий Сергеевич Суворов хозяйствовал на 37 дес. земли с помощью 13 крепостных[6].

Интересно, что среди мензелинского рода дворян Суворовых были чиновники высоких рангов, не пожелавшие приобретать имение и обзаводиться хозяйством. Степан Яковлевич Суворов родился в 1775 г. В 1788 г. вступил в службу в Бирскую нижнюю расправу копиистом. В 1791 г. произведён канцеляристом. В 1793 г. указом Уфимского наместничества «вытребован в штат» наместничества, где в 1796 г. «за беспорочную и усердную службу произведен губернским регистратором». В 1797 г. определён в Бирский земский суд столоначальником следственных и уголовных дел. В 1801 г. пожалован чином коллежского регистратора, а в 1801 г. губернского секретаря. В 1805 г. определён указом Оренбургской казённой палаты в Белебеевское уездное казначейство уездным казначеем. В 1808 г. произведён в титулярные советники. В 1809 г. определён в город Белебей уездным казначеем. В 1824 г. за усердную и беспорочную службу награжден орденом Анны 3-й степени[7].

Уже к началу XIX в. род Суворовых разбился на несколько ветвей, но восстановить генеалогические линии сложно. В сохранившихся первых по Оренбургской губернии дворянских родословных книгах, составленных примерно в 1796–1797 гг., Суворовых нет. Лишь указано, что 25-летняя Аграфена Васильев-

[1] Там же. Д. 691. Л. 189.
[2] Там же. Д. 212. Л. 119.
[3] Там же. Л. 132.
[4] Там же. Л. 133.
[5] Там же. С. 137.
[6] Там же. Л. 144.
[7] Там же. Д. 925. Л. 149.

на, урождённая Аничкова, была замужем за секунд-майором Суворовым[1] (наверняка, названным выше Степаном Васильевичем). Скорее всего, Суворовых записали в несохранившиеся дворянские родословные книги.

Изучение генеалогии уфимских дворян Суворовых позволяет открыть новые страницы и в биографии великого полководца. Будущий генералиссимус посетил Уфу в мае 1775 г. и примерно в течение десяти дней проживал на усадьбе горнозаводчиков Демидовых[2]. Обширное домовладение тогда принадлежало Ивану Евдокимовичу Демидову, сестра которого Олимпиада Евдокимовна (1751–1803) была замужем за бригадиром Фёдором Александровичем Суворовым (1739–1786), а тот приходился двоюродным братом Александру Васильевичу Суворову[3].

Вероятно, именно поэтому полководец выбрал для квартиры демидовскую усадьбу. Также мог А.В. Суворов в ходе подавления пугачёвского бунта встречаться и с Степаном Васильевичем Суворовым, оба находились в Яицком городке. Вообще анализ сохранившихся легенд и домыслов о пребывании А.В. Суворова в Уфе отличается скудостью информации, хотя полководец прожил в городе около десяти суток. Можно допустить, что часть времени Александр Васильевич провёл в узком семейном кругу, сведения откуда не просочились в обывательскую среду.

Тем более, что уфимская ветвь Суворовых (Иван Васильевич) угасла. От Степана Васильевича пошла бирская ветвь, Суворовы проживали в Белебеевском уезде и, конечно, на «исторической родине» – в Мензелинском уезде. По сведениям земских статистиков в 1876 г. в Мензелинском уезде сохранялись небольшие поместья Василия Сергеевича Суворова (47,5 дес.), возле дер. Никольской лежало имение Александра Гавриловича Суворова (33,5 дес.), а вблизи села Федотова жене поручика Софье Суворовой принадлежало 607 дес.[4]

На момент отмены крепостного права (1861 г.) в Белебеевском уезде существовало поместье Суворовой (дер. Апполоновка) с небольшой усадьбой, хозяйством заведовала сама владелица. Потомки С.В. Суворова продали фамильное имение в Бирском

---

[1] *Габдуллин И.Р.* Дворянские родословные книги Оренбургской губернии конца XVIII в. // Река времени. 2018 / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2018. С. 65.

[2] См.: *Роднов М.И.* Суворов и Уфа // Суворовский биеннале / отв. ред. В.Г. Гронский; науч. ред. А.К. Тучапский. СПб., 2018.

[3] Сведения любезно предоставила Е.В. Марченко (музей Демидов-Центр в городе Ревда Свердловской области), см. также: *Краснова Е.И.* Такие разные Демидовы. СПб., 2007.

[4] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 139. Л. 46 об. – 47, 50.

уезде, деревня Айбашево лишь сохраняла второе название Суворово[1]. К началу XX в. фамилия Суворовых исчезает из числа землевладельцев Уфимской губернии.

Обедневшим Суворовым приходилось заново доказывать свою принадлежность к правящему сословию. Лишь по указу Сената от 31 января 1852 г. Оренбургское дворянское собрание утвердило в дворянстве коллежского регистратора Александра Фёдоровича Суворова с семейством[2].

Не преуспели Суворовы и на государственной службе. На 1883 г. на всю губернию только коллежский секретарь Арсений Александрович Суворов исполнял должность судебного следователя 3-го участка Мензелинского уезда[3]. В 1903 г. надворный советник Александр Иванович Суворов занимал в Уфе довольно высокий пост начальника 2-го отделения Казённой палаты[4].

Исторический путь уфимских Суворовых был непростым. Эти смоленские шляхтичи, переведённые в край в середине XVII в., в отличие от большинства собратьев, сумели доказать свою принадлежность к благородному сословию на служилом поприще. Всех представителей этого семейства с полным основанием можно отнести к той части дворянства, которая добывала себе достаток за счёт жалования. Именно на эти средства приобретались сравнительно небольшие имения, которые за редким исключением не приносили владельцам значительных доходов. Примечательно, что в послужных списках Суворовых за полтора столетия мы не обнаруживаем ни одного случая нахождения под судом, получения выговора или штрафа.

Честь фамилии обязывала.

---

[1] *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 46, 56.

[2] Материалы для дворянской родословной книги Ярославской губернии / Ред. А.А. Шумков. Сост. Ю.И. Гавриленко, В.И. Неелов, Н.В. Новикова, А.А. Шумков. М., 2018. С. 443.

[3] *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел I. С. 32.

[4] Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1903 год. Уфа, 1903. С. 41.

Е.И. Крестьянинова

Ростов Великий – Уфа: вексельная претензия 1841–1849 гг.

Прошлое оживает, если оно обретает черты конкретных людей
Борис Акунин

В своё время Иван Иванович Хранилов, автор первого путеводителя по Ростову, утверждал: «во всей Европейской России, даже в Азии и Северо-Американской компании, где только есть прилив народа, непременно увидите и неусыпного Ростовца»[1]. Эта меткая характеристика ростовского купца давно стала хрестоматийной. Его торговые пути, деловые связи действительно распространялись по всей России. Рынки Нижней Волги, Урала, Средней Азии, Зауралья, Восточной Сибири осваивались, несмотря на огромные расстояния. На основании проведённых исследований можно говорить о связях приоритетных в тот или иной период времени. До середины 1800-х гг. это была рискованная меновая торговля со Средней Азией, приносившая ростовским купцам немалые капиталы. Другим, очень выгодным направлением, являлась торговля уральской рыбой и рыбными товарами[2]. В конце XVIII – начале XIX вв., как говаривали в Ростове, «только ленивый» не пользовался этим источником.

Исторически сложилось так, что ростовское купечество из городов Южного Урала предпочитало Оренбург. Если верить семейным преданиям Кекиных, место, на котором стоит ныне Оренбург, указал тайному советнику И.И. Неплюеву ростовский купец Алексей Дмитриевич Кекин.

Своего собственного купечества в Оренбурге конца XVIII – начала XIX вв. не было. Чтобы привлечь торговцев, в городе было построено 300 лавок на государственные средства. Имелись и льготы по налогообложению: коммерцию можно было вести беспошлинно в течение трёх лет[3].

Вся торговля в Оренбурге оказалась в руках иногородних купцов, среди которых, при подавляющем большинстве татар из

---

[1] *Хранилов И.И.* Ростовский уезд и г. Ростов Ярославской губернии. М., 1859. С. 31.

[2] *Крестьянинова Е.И., Никитина Г.А.* Граждане Ростова. История ростовского купечества XVII – начала XX века. Мемуары, дневники, письма. Ростов Великий, 2009. С. 18–19.

[3] См.: *Банникова Е.В.* Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб., 2014. С. 118–121.

Казани, были и ростовцы.

Оренбург, находившийся от Ростова в 1400 верстах, вовсе не считался здесь «дальним светом». Многие уроженцы Ростова с детства жили в Оренбурге, отправляемые служить туда «мальчиками». Всех ростовцев, с детства или юности узнавших путь Ростов – Нижний Новгород – Симбирск – Самара – Оренбург, назвать невозможно. Одни из них возвращались в свой родной город, другие становились оренбуржцами, третьи находили свой последний покой в земле оренбургской.

В конце XIX в. на одном из кладбищ Оренбурга стоял надгробный памятник, надпись на котором гласила: «Под сим камнем погребено тело ростовского купца Андреяна Яковлева Кайдалова, скончавшегося в 1778 году ноября 8 дня»[1].

Среди энергичных ростовских торговцев было немало крепостных и экономических крестьян, отпущенных владельцами на оброк, сумевших в дальнейшем заработать крупные капиталы, выкупиться в XVIII–XIX вв. на свободу и записаться в ростовское купечество, составив целый слой, который можно назвать «купцами-новоприходами». Это Пятунины, Горностаевы, Трусовы, Сорогины, Нарядчиковы, Мясниковы, Малышовы, память о которых сохранилась потому, что, помимо торговли, они вкладывали средства в застройку Ростова по новому Регулярному плану 1779 г. Практически все дома, построенные ими, уцелели до сих пор![2]

Получить сведения о происхождении их первоначального капитала и его наращивании в дальнейшем почти невозможно – документов, содержащих подобного рода сведения, сохранилось немного. Поэтому ценность имеют даже небольшие архивные дела, проливающие свет на тонкости ведения «торгоборства»[3] – коммерции ростовских купцов.

Основной их маршрут пролегал по Волге до Самары, откуда шёл удобный, короткий и безопасный гужевой тракт в Оренбург. Уфа лежала в стороне, поэтому за всё время работы над историей торговых связей ростовского купечества встретилось только одно архивное дело, в котором изложены события, свя-

---

[1] См.: *Крестьянинова Е.И.* Ростовское купечество и его торговые связи в конце XVIII–XIX веке // XIV Золотаревские чтения. Рыбинск, 2012. С. 36–42.

[2] *Крестьянинова Е.И., Никитина Г.А.* Купцы-новоприходы и их роль в перестройке Ростова // XVII Золотаревские чтения. Рыбинск, 2018. С. 189–193.

[3] Данное слово зафиксировано мною в «Договорном письме» между Егором Степановичем Ананьиным и Иваном Алексеевичем Володимировым в маклерской книге за 1794 г. (РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3229. Л. 179).

зывающие Ростов и Уфу[1].

В 1820 г. в Ростове умер производивший коммерцию в Оренбурге купецкий брат Алексей Гаврилович Малышов. Совместно со своим старшим братом, купцом 3-й гильдии Иваном Гавриловичем (умер в 1840 г.) он торговал уральской рыбой и рыбными товарами. После него осталась вдова Марья Дмитриевна (вторая жена, урождённая Мальгина), с детьми от этого брака – сын Александр (22 года), дочери Любовь (13 лет), Настасья (7), Елизавета (4), потом родилась Мария. Опекуном над имуществом сирот назначен был их дядя И.Г. Малышов. Дела покойного А.Г. Малышова оказались в порядке. Долгов на нём не значилось, оставшийся товар был распродан за наличные деньги в сумме 19 800 руб.[2]

На движимое имущество и недвижимость покойного была составлена опись, из которой видна обстановка купеческой семьи. Наследство включало четыре иконы в серебряных с позолотой окладах (Благовещения Пресвятой Богородицы, Владимирской Божией Матери, Воскресения Христово, Преподобного Алексия, Человека Божия и Св. Иринарха Затворника), мебель (два стола берёзовые крашеные, 12 стульев берёзовых обитых бонбой [бомбазин, ткань – *Е.К.*], шесть стульев, обитых кожей, два зеркала стенных, шкаф деревянный), посуду (два чайника белых завода Попова, 12 чашек с блюдцами, сахарница и самовар) на общую сумму в 2458 руб.

Кроме того, жилище купца украшали картины на железе графа Витгенштейна, графа Орлова (работы художника Денисова) и Ермака Тимофеевича. Каждую картину оценили в шесть рублей, итого на 18 руб.

Из одежды в опись вошли наиболее ценные кафтан серый голландского сукна и шуба на волчьем меху с голландским сукном на сумму 339 руб. 30 коп.

Каменный двухэтажный дом купца А.Г. Малышова в Ростове включал пять «покоев» на втором этаже и четыре на первом. Семь окон насчитали «по лицу», четыре окна были сбоку. Стоимость дома оценили в 8 тыс. руб. серебром.

В результате детям и вдове причиталось 28 039 руб. 30 коп. (при более точном подсчёте – 28 139 руб. 30 коп.)[3].

Но разделу подлежали только наличные деньги. Одну четвёртую часть по закону получила вдова (4900 руб.). Детям досталось поровну, по 2475 руб. (и здесь расчёт был произведён не-

[1] РФ ГАЯО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 778. Л. 1–98.
[2] Там же. Л. 27.
[3] Там же. Л. 19.

брежно, с ошибками). В целом это были небольшие деньги. Например, капитал А.С. Пятунина, соседа Малышовых по улице Московской, который также торговал рыбой и рыбными товарами через Оренбург, простирался до 200 тыс. руб.[1]

После раздела наследства совершеннолетний старший сын Александр Алексеевич Малышов, скорее всего, продолжил торговое дело отца вкупе со своим дядей. Остальные же деньги были положены в «сохранную казну» до совершеннолетия будущих владельцев.

Прошло 20 лет. В 1840 г. скончался опекун над имуществом вдовы и детей И.Г. Малышов. Очевидно, 44-х летний Александр Алексеевич Малышов тщательно пересмотрел деловые бумаги и обнаружил … неоплаченный вексель. По этому векселю стерлитамакский купец 3-й гильдии Сайфулмулюк Валитов должен был вернуть долг в сумме 543 руб. отцу Александра ещё 19 августа 1824 г. Также были найдены документы, свидетельствующие, что в своё время А.Г. Малышов предпринимал попытки получить с должника указанную в векселе сумму, но не преуспел, а потом просто перестал заниматься данным делом. По каким причинам не хлопотал о возвращении долга опекун-дядя, неизвестно.

24 марта 1841 г. А.А. Малышов обратился в Ростовский Сиротский суд с прошением о содействии во взыскании с должника не только указанной суммы 543 руб., но и процентов, и «рекамбио» (судебных издержек), что могло бы составить 920 руб. Ему было известно, что, по законодательству, если денег у должника не окажется, то его имение подлежит продаже с аукционного торга, а если такового не окажется, то всё равно долг придётся отдавать «разными вещами»[2].

Начался долгий процесс возвращения долга. Ростовский Сиротский суд направил прошение А.А. Малышова в Уфимский Сиротский суд, который 19 ноября 1841 г. открыл дело о взыскании долга с купца Валитова.

Оно явно затягивалось, но Александр Алексеевич не отступал. Тем более, что сёстры его, с которыми он был обязан поделиться взысканными деньгами, умерли одна за другой[3], и вся сумма могла достаться ему одному.

Через восемь лет со времени открытия дела, в 1849 г. Уфимский Сиротский суд принял решение: долг обязан выплатить сын умершего к этому времени должника Сайфульмулюка –

[1] Там же. Д. 919. Л. 42.
[2] Там же. Д. 978. Л. 38.
[3] Там же. Л. 64.

М. Валитов.

Как следует из документов, тому действительно пришлось продать своё имущество, а вырученные деньги – 67 руб. 72 и одну треть копейки серебром выслать в Ростов. Но это была, даже с переводом на ассигнации, далеко не та сумма, на которую рассчитывал А.А. Малышов. Поэтому он возобновил хлопоты по взысканию оставшихся денег.

И тогда Уфимский Сиротский суд рекомендовал ему «для полного удовлетворения самому разыскивать имение Валитовых»[1]. В Уфе «умыли руки». Трудно представить, что А.А. Малышов отправился на поиски имущества Валитовых в Уфу и Стерлитамак.

Из содержания архивного дела не ясно, смог ли настойчивый кредитор получить сполна всю сумму долга, но то, что М. Валитов мог разориться, рассчитываясь за своего отца – вполне вероятно.

Насколько успешно шла торговля А.А. Малышова в дальнейшем – неизвестно. Есть данные, что в 1850–1860-е гг. он значился в оренбургском купечестве, возможно, жил в этом городе, но дом в Ростове принадлежал ему, потом его наследницам по женской линии Александре Александровне Семеновской, Марии Александровне Шетневой-Семеновской до 1918 г.[2]

Может быть, в их семейных преданиях сохранялась история о неоплаченном векселе. Сам же факт свидетельствует о существовании торговых контактов между предпринимателями Ростова, Уфы и Стерлитамака. Причём, коммерческие операции вели купцы со сравнительно небольшими капиталами и, вероятно, объектом сделок выступала уже не рыба, добываемая в реке Урал, а, возможно, кожа (Стерлитамак был центром кожевенного производства) или иные товары. Существование экономических связей между очень далёкими друг от друга уездными городами Ярославской (Ростов) и Оренбургской (Стерлитамак) губерний подтверждает процесс постепенного складывания общероссийского рынка в первой половине XIX в.

[1] Там же. Л. 98.

[2] О данном факте сообщила З.Г. Краузе, за что выражаю ей благодарность.

К.А. Кузнецов

Уфимские купцы на Нижегородской ярмарке

Крупнейшей ярмаркой России веками являлась Нижегородская, до 1817 г. Макарьевская, а изначально Васильсурская, учреждённая по указу Василия III в 1523 г. Ярмарка работала фактически с июля и до начала сентября. Здесь открывается в 1848 г. одна из первых бирж России.

Нижегородская ярмарка выступала центром всей общероссийской системы ярмарочной торговли. Кроме широких торговых связей с украинскими, центрально-черноземными, северными ярмарками, важнейшее значение имели контакты с Ирбитской ярмаркой (проводилась в феврале – марте), через которую шли поставки мехов и китайского чая[1].

Важное значение имела Нижегородская ярмарка для предпринимателей Уфы и края. Здесь они закупали оптовые партии в первую очередь текстиля и иных потребительских товаров, в Нижнем сбывали привезённые грузы.

Персональный состав торговцев можно увидеть из небольшого справочника, изданного в 1870 г.[2] Добраться до Нижнего со своими товарами было непросто. Баржи с уральским железом приходили обычно в конце июня, заранее, к открытию торгов. Волжско-камское пароходство ещё только развивалось и путь от Уфы до главной ярмарки России занимал около месяца. То есть примерно уже в мае уфимские купцы должны были подготовить суда, загрузить товары и начать сплав вниз по Белой.

Нижегородская ярмарка – это собственный город, куда съезжалось до 250 тыс. чел., в середине XIX в. здесь торговали купцы из 134 уездов 41 губернии, 4 тыс. продавцов в 1870 г. Это была выставка «всего, что производится и потребляется в массе русского народа». В том числе 1/3 выплавленного в стране железа в 1860-е гг. продавалась на Нижегородской ярмарке[3].

Естественно, в 1870 г. из Уфимской губернии в первую

---

[1] См.: *Богородицкая Н.А.* Нижегородская ярмарка: Исторический очерк. Нижний Новгород, 1991. С. 3–4, 9, 11–12, 20, 27–29 и др.

[2] Алфавитный указатель лиц торгующих на Нижегородской ярмарке. М., 1870. С. 5–6, 13, 18, 33, 40, 61–62, 82, 95, 100, 108, 119–120, 123, 131–132, 154, 172, 191.

[3] *Богородицкая Н.А.* Нижегородская ярмарка в системе межрегиональных торговых связей России в XIX – начале XX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сборник материалов Четвёртой международной научной конференции (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.) [ред-сост. А.И. Раздорский; редкол.: В.Н. Беляева (пред.) и др.]. Нижний Новгород, 2018. С. 339–340, 343.

очередь отправляли грузы многочисленных металлургических заводов. Торговля железом велась на ярмарке отдельно и, несмотря на огромные объёмы проданных товаров, слабо влияла на ход ярмарки, так как горнозаводчики, реализовав свои оптовые партии чугуна, железа и разных изделий, сами ничего на ярмарке почти не покупали. Да и торговля железом велась отдельно, в частных лавках ближе к волжским пристаням, где швартовались барки с Южного Урала.

Если оренбургские купцы арендовали помещения в более обустроенных казённых лавках, в Холщёвом, Китаичном и Шуйском рядах (Иван Баныкин, Андрей Безпалов, братья Деевы, Александр Ключарёв, Иван и Степан Путоловы, Яков Труев), то уфимцы работали исключительно в частных лавках.

Торговля металлами велась в Сибирском Железном ряду. Здесь сразу несколько балаганов принадлежало князю Белосельскому-Белозёрскому, хозяину Юрюзань-Катавских заводов. Недалеко располагалась контора Авзяно-Петровских заводов Бенардаки, ей же принадлежала полухарчевня позади этих балаганов. В балагане № 38 в Сибирском Железном ряду торговали продукцией егермейстера Александра Васильевича Пашкова.

Все эти караваны судов прошли мимо Уфы. Но среди торговцев в 1870 г. не упоминаются Дашковы, владельцы Благовещенского завода, ряд других горнозаводчиков. В тоже время места на Сибирской пристани держали уфимский купец Михаил Сергеевич Елизаров, уфимские купеческие сыновья Моисей Иванович и Данила Андреевич Кузнецовы, стерлитамакский купец Пётр Михайлович Михайлов, уфимские купцы Андрей Алексеевич Нефёдов и Пётр Яковлевич Палатин, а также ковровский купеческий сын Фёдор Андреевич Першин, чей бизнес был связан уже с Уфой[1].

Можно предположить, что уфимские купцы тоже торговали железом, продукцией южноуральских металлургических заводов, либо перекупая её у хозяев предприятий, либо выступая в качестве представителей. Конечно, с Белой доставляли на судах самые разные товары. Например, крестьянин Благовещенского завода Касьян Данилович Яркин держал место на Сибирской пристани для склада шадрика и поташа. У всех остальных купцов не указан род торговли, видимо, они торговали железом.

А это большинство предпринимателей, прибывших в 1870 г. на Нижегородскую ярмарку из нашего края. Пушнину и чай через Уфу не перевозили, остаются только металлы. Лес в Нижегородскую лесную губернию уж точно не везли, а хлеб (рожь и

[1] *Гудкова З.И.* Предприниматели Южного Урала. Уфа, 2003. С. 96 и др.

овёс) в основном направлялся в Рыбинск. Нижний принимал в первую очередь пшеницу из Поволжья, которую перерабатывали на огромных мельницах и отправляли в Москву. Кроме того, к июню навигация на Белой почти прекращалась, река мелела.

Предположение косвенно подтверждается тем, что остальные купцы из Уфимской губернии базировались в других местах. В Нижнем в 1870 г. торговали два мензелинских купца. Семён Иванович Моняев держал место на песках за складами чаёв, а лавка Прокофия Матвеева располагалась в Экипажном ряду. Можно прибавить также Андреяна Семёновича Софронова, бугульминского купца, содержавшего лавку в первом Московском корпусе, 16. Вероятно, это один из сыновей умершего в 1860 г. Семёна Тимофеевича Софронова, чьё семейство давно обосновалось в Уфе[1].

Таким образом, в 1870 г. на Нижегородской ярмарке торговали три конторы южноуральских горнозаводчиков, чьи караваны с металлом шли мимо Уфы (заводы Бенардаки относились к Оренбургской губернии), 4 купца из Уфы, по одному предпринимателю из Стерлитамака и Благзавода, двое из Мензелинска, да ещё двое купцов числились в иногородних купеческих обществах, но реально проживали в Уфе, где находились их основные «активы» (Першин и Софронов).

Поездка в далёкий Нижний с товарами оставалась дорогим и сложным предприятием, на которое решались только самые крупные предприниматели (всего десять). Они же, наверняка, привозили с ярмарки партии потребительских товаров. И, можно предположить, важную роль в бизнесе уфимских купцов играл сбыт металла и изделий из него.

[1] Там же. С. 87.

М.И. Роднов, Я.С. Свице

Уфа на страницах «Рудокопа» или Хлестаков из Екатеринбурга

Образ Уфы в общероссийском информационном пространстве в немалой степени формировался со слов заезжих путешественников, на короткое время оказывавшихся в нашем городе. Их сиюминутные впечатления затем появлялись на страницах различных газет и журналов, в первую очередь близлежащих регионов. Немало сведений по Уфе было напечатано в технико-промышленной, общественной, политической и литературной газете «Рудокоп», выходившей в Екатеринбурге.

Горный инженер и журналист Пётр Павлович Баснин (1852–1904) решает издавать свою газету и 21 декабря 1897 г. выходит первый номер «Рудокопа». Со второго номера от 3 января 1898 г. издание становится ежедневным. Об этой необычной газете, затрагивавшей самые различные вопросы – от техники до художественной литературы, уже вышла подробная статья И.В. Козлова[1].

Новое издание позиционировало себя как общеуральское, поэтому уже с номера 24 за 30 января 1898 г. здесь начали появляться заметки по Уфе и Уфимской губернии. Кроме перепечаток, в «Рудокопе» публиковались оригинальные статьи из Мензелинска и Усть-Катава, Авзяно-Петровского завода Оренбургской губернии, Симского завода и иных мест.

Газета «Рудокоп» регулярно выходила только до 14 февраля 1899 г. Потом редактор П.П. Баснин дважды пытался возобновлять издание в 1900 г. (№ 1 за 11 февраля, также вышли № 2 и 3) и в 1901 г. (№ 1–6 с 4 по 13 февраля). По закону, если газета более года не печаталась, издатель утрачивал право на выпуск. Но и за столь небольшой срок в «Рудокопе» появилось несколько оригинальных материалов об Уфе и крае.

Так, в № 223 за 16 октября 1898 г. выходит фельетон про Уфу. Литературовед И.В. Козлов обоснованно допускает авторство одного из екатеринбургских журналистов (Н.И. Борисовского?), который нарисовал пародийный образ Уфы[2].

Газетчик приехал за гонораром в анонимный Чикаго, где издавалась газета «Краса Чикаго», но какой город он имел в ви-

---

[1] [*Козлов И.В.*] Литература и литературная критика на страницах газеты «Рудокоп» // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему» / под общ. ред. Е.К. Созиной, Т.А. Снигиревой. Екатеринбург, 2016. С. 219–241.

[2] Там же. С. 230–231.

ду? Уфу действительно в те времена звали Чикаго, сравнение бурно развивавшегося Уфимского края с Америкой использовал ещё писатель П.И. Добротворский. Уфимский корреспондент в 1896 г. сообщал в Казань: «Наша Уфа, настоящий Чикаго – она растёт не по дням, а по часам»[1]. Это был типичный журналистский штамп, как Самара – «Поволжский Новый Орлеан» или Миасс – южноуральская «Калифорния»[2].

Автор заметки мог и Челябинск наречь Чикаго, но в Челябинске первый «Листок объявлений» появился только в 1904 г. Подобная ехидная статья, содержащая откровенные оскорбления в адрес редакции «Красы Чикаго», могла быть поводом для судебного преследования, поэтому, скорее всего, автор намеренно исказил географию и хронологию. Он будто-бы из этого пресловутого Чикаго, получив гонорар, отправился в Башкирию и далее даёт описание Уфы.

Но, более вероятно, гонорар ему могли уплатить в местной газете «Уфимские губернские ведомости», названной заезжим папарацци «Красой Чикаго».

Единственное уфимское издание в те годы переживало «смутные» времена. После отставки многолетнего редактора Н.А. Гурвича, газету «лихорадило», новый редактор Н.А. Озеров пытался привлекать новых авторов[3], среди которых, видимо, и оказался екатеринбургский журналист.

В начале заметки автор рассказывает, как он поругался с «чикагской» редакцией, которую обрисовал в грязных и непристойных красках, да и, видимо, гонорар не впечатлил. По прибытии домой журналист разразился ехидным фельетоном, который полностью приводится далее. Несмотря на злобную хлестаковщину, в статье есть ценная информация.

Например, узнаём о многочисленности редакционного коллектива чикагских «ведомостей», что гонорары за статьи были немалыми, человек специально приехал из другого города. А так как екатеринбургскому Хлестакову не выдавали гонорар целых пять дней, то он имел много времени, чтобы обойти наш славный град и разглядеть его в подробностях, правда, сквозь своё мутное пенсне. Результатом прогулок полуголодного журналиста и стал очерк с подробным описанием Уфы.

---

[1] Камско-Волжский край (Казань). 1896. 17 июля.

[2] Или, например, Екатеринослав называли «нео-Манчестер» (*Оболенский Л.Е.* Что я пережил в провинции в дни смуты // Культурное народничество 1870–1900-х гг.: хрестоматия / сост., вступ. статья и прим. Г.Н. Мокшина. Воронеж, 2016. С. 319).

[3] См.: *Роднов М.И.* Уфимская официальная пресса в начале XX в.: редакторы и краеведение // Река времени. 2018. Уфа, 2018.

Автор в заметке пишет, что ехал из Чикаго до Уфы сутки. Если принять это за истину, тогда под образ Чикаго может подойти только Самара, где существовало несколько газет.

Но вторая версия выглядит слабее. Можно предположить, что получив отставку в Самаре, он направился в Уфу с надеждой на репортёрскую работу, здесь ему тоже отказали (между Уфой и Самарой существовали устойчивые журналистские контакты, брат известного уфимского купца Костерина издавал «Самарскую газету», которая распространялась и в Уфе[1]). Раздосадованный и взведённый в Самаре, он с разгона набрасывается на уфимские непорядки, обида на неприятное Чикаго сразу, буквально с первых строчек выплеснулась на непричастную (?) Уфу разоблачением язв местного быта.

Текст очень жёсткий, сквозит личная обида. При этом автор оговорился, что пробыл в Уфе один день, а уже увидел сухие и грязные после дождя мостовые, екатеринбургский Хлестаков, подписавшийся как «Французский репортёр», намекает, что он из чистой Европы прибыл в грязную Азию[2].

Для первого впечатления даже за неделю – автор подозрительно хорошо и подробно знает не только бросающиеся в глаза уфимские недостатки и неблагоустройства, но и сплетни (общественная библиотека – синекура для библиотекарши). Знаком с топонимикой, разными «подноготными» и исторически сложившимися обстоятельствами, например, что происходит с городским фонтаном в другие времена года. Автор или достаточно долго жил в Уфе или имел информатора из местных. Отметим, что в статье подробно описана уфимская аудитория для народного чтения. А именно в помещении для народных чтений автор конфликтовал с «чикагскими».

Заметки отставного репортёра.

Сегодня я прибыл в г. русский Чикаго, за получением гонорара из «Красы Чикаго». Был уже вечер, и, конечно, контора редакции этой почтенной газеты была закрыта.

Грусть-тоска мученская сжимала моё сердце, и чтоб разсеяться я отправился в городской театр на народные чтения. Там

---

[1] См.: *Роднов М.И.* Судьба редактора. Историко-документальная повесть. Уфа, 2009. С. 84–89.

[2] На рубеже веков в Уфе жил сатирик Николай Иванович Толмачёв (Железняк), в 1901–1903 гг., сотрудничавший с екатеринбургской газетой «Урал». Но в своих сатирических стихах он не был столь «ядовит» и, кроме того, любил писать о недостатках на железной дороге, где служил. А в этой заметке железнодорожная тема совершенно отсутствует.

я увидел весь состав редакции Красы чикаго: редактор издания Пустошкин[1]; передовик и секретарь, носящий китайскую фамилию «о-хо-хо»; фельетонист и хроникёр – «ври да знай меру»; второй фельетонист, он же и заведующий редакционными ножницами. Все они были окружены сонмом чернорабочих газетной братии, именуемой репортёрами. Вся эта армия набросилась на меня с угрозами, что я старик осмелился писать о их излюбленном друге глазодергателе. Пустошкин и о-хо-хо кричали, чтоб я подавал в отставку.

Но, когда я заметил, что именно приехал за разсчётом, то почувствовал, что кто-то сжимает мне горло и кричит: кошелёк или отставка! что хотели этим сказать, я не понял: но отвечал – милостивые государи, сделайте со мной разсчёт, а отставка выйдет сама собой.

Они отпустили меня, с миром, хотя у меня что называется, заскребли на сердце кошки: а ну, как надуют, не отдадут деньги.

Следующий день кошки скребут, а Пустошкин разсчёта не выдаёт.

На другой день – тоже.

На третий – тоже.

На четвёртый – тоже.

На пятый – тоже.

На шестой, мрачный как туча Пустошкин выдал презренный металл, не приняв расходов по поездке за деньгами и мы разстались навсегда.

– Куда ехать отставному? явился в первые грозный, для меня, вопрос. Но этот вопрос очень скоро разрешился, когда я вспомнил столицу дикой башкирии, где есть ещё поле деятельности и для нашего брата отставных репортёров. В тот же день я отправился в башкирию, когда-то славящуюся обширными степями и девственными лесами. В её столицу Уфу, я прибыл на следующий день и не теряя времени отправился осматривать её достопримечательности, начиная с мостовых: они стараниями отцов города устроены очень остроумно – в сухую погоду ноги не замочишь, а едва прошёл дождь, как появляется жидкая грязь, по которой обывателям приходится плыть в лодках. В лунные ночи грязь представляет зрелище в роде безчисленных каналов и лагун Венеции, и не достаёт лишь гондо[л] и песен гондольеров, но зато есть гитарьеры (извощики, экипажи которых походят на

[1] Редактором неофициальной части «Уфимских губернских ведомостей» с 16 сентября 1897 г. являлся Николай Алексеевич Озеров, опытный и заслуженный журналист, редактировавший газеты в Херсоне, Уфе, Вятке, Могилёве и Твери.

гитары).

Вместо гармоничных песен гондольеров, раздаются приятные, «мягкие» словечки, те, что раздаются от Твери до Астрахани, и чрез каждые полчаса крики, караул! Крик этот, как говорят необходим, чтоб напоминать обывателям о их безопасности. Садов в городе три: Видинеевский, где находится летний театр, замечателен вонючим озером; театральный, в конце которого устроен сарай… виноват зимний театр; и Ушаковский парк; парк по истине прекрасный, но публика его не посещает, так как музыку почему то не разрешают в нём. Впрочем, парк служит прекрасным пастбищем для коров и ночлежным приютом для бездомовой братии. Исторические примечательности есть в музее, в виде двух пугачёвских пушек. В этом музее, конечно, имеется и флора и фауна губернии, но самый музей содержится так неопрятно, что можно ждать полного разрушения чучел животных и птиц. Катологa нет, но вместо его есть сторож, который и даёт объяснение предметов публике.

Для умственной пищи обывателей есть две библиотеки: частная и городская общественная. Первая богата знаменательными сочинениями в роде: битвы русских с кабардинцами, франциль венциана, гуака[1] и т. п. Общественная же основана, как говорят для библиотекарши, составляющую из себя синекуру одного отца города. Библиотекарше предоставлены хорошие удобства: приличное жалованье, квартира, помощница, два сторожа. Публика же допускается в будние дни с 9 ч. до 3-х дня и с 5 до 10 вечера, а в праздники и того меньше. Журналы новые в читальном зале воспрещены; так как их прежде должны прочитать влиятельные люди, а не мелкая сошка, что ходит в читальный зал. Отчётов по библиотеке о числе посетителей и требований на книги и журналы не полагается, ввиду того, что отцы города твёрдо убеждены во «излишестве» таковых и лучше знают что нужно читать уфимским обывателям.

Имеются в городе и развлечения для народа: при аудитории, где происходят народные чтения. В одной аудитории даются народные спектакли, но эта аудитория устроена железнодорожными мастеровыми. В Уфе всевозможных и невозможных обществ (хоть отбавляй) полторы дюжины и из них наиболее замечательны: общество взаимного труда, это общество замечательно тем, что члены его вот уже в течении 4-х лет спят летор-

[1] Дешёвые, лубочные книжки для массового чтения простого народа. Например: История о храбром рыцаре Францыле Венциане и прекрасной королеве Ренцывене. М., изд. А.Д. Сытина, 1898. 108 с. См.: *Корепова К.Е.* Северные сказочники и книжная лубочная культура // Рябининские чтения–1999. Петрозаводск. 2000.

гическим сном и по заключению местных учёных, сон продолжится неопределённое время; той-же болезней замечательно и общество колоний малолетних преступников. Спит более 15 лет. Первоначально полагали, что сон был вследствие недостаточности питания, или, так сказать, капиталов для открытия действий, а теперь причиною сна считают избыток капиталов, почему члены этого общества даже и не собираются на свои очередные собрания – всё равно – капиталы приумножаются. О деятельности обществ следует побеседовать отдельно, а теперь вернёмся к благоустройству города; освещается столица дикой башкирии 13 электрическими фонарями. Правда, свет этот недостаточен, но вот уже три месяца как разставлены всюду столбы, без фонарей и как говорят обыватели очень довольны этим, так как в тёмные ночи наткнувшийся на такого рода столб, сразу сам испускает из своих глаз электричество и ходит несколько дней с «фонарями». Как хотите, а это очень удобно. Санитарное состояние города безподобно: на главной торговой площади дохлых кошек и собак не валяется, для этого отведены места: черкалихин овраг, кашпорский колодезь, солдатское озеро, откуда весной и осенью обыватели берут воду, ибо водопровод, именуемый фонтаном весной имеет грязную воду, летом – ремонтируется, осенью – вода куда то уходит, а зимой – вымерзает.

Об усовершенствованном водоснабжении города дума уже хлопочет 20 лет, но до сих пор ещё комиссии не окончили своих трудов, а обыватели сидят на крутых берегах Белой, омывающих кругом город и поют «выйду-ль я на реченьку посмотрю-ль на быструю». Вот пока всё, что осмотрел в 1-й день[1] пребывания в Уфе».

Французский репортёр.
(Рудокоп. 1898. 16 октября).

Подобные газетные материалы подчёркивают необходимость строгого критического отношения к любому нарративному (описательному) источнику. Автор путевых заметок, мемуаров, писем из провинции и т. д. создаёт свой собственный и глубоко субъективный образ окружающего пространства. Его индивидуальное отношение – позитивное или негативное, равнодушное или восторженное – напрямую влияет на текст. Как говорил народник Я.В. Абрамов ещё в 1888 г., «что, в сущности, совершает публицист, преднамеренно оставляя без внимания одну сторону жизни и усиленно останавливаясь на другой, – как не грубый

[1] Продолжения пасквиля не последовало. Автор, видимо, специально подчеркнул про *первый*, а не про *один* день в Уфе, где, скорее всего, гулять ему пришлось почти неделю.

подлог и передержку?»[1]

В постсоветское время в российской историографии началось повальное увлечение источниками личного происхождения, к которым относится и любая газетная публикация. Подобные документы нельзя воспринимать буквально. Требуется обязательная критика источника.

А на страницах екатеринбургской газеты «Рудокоп» появлялось много разной информации по Уфе. Отметим, что редактор П.П. Баснин далее не опубликовал ни одного подобного пасквиля, откровенная «чернуха», видимо, ему претила.

Зато в № 278 за 1898 г. выходит большая статья об уфимском обществе трезвости. Автор подписался как Л. Ч. Без сомнения, это был техник Л. Чириков, приславший затем очерк «Школа слесарей при Уфимских железнодорожных мастерских»[2].

Работа Л. Чирикова содержит массу новых и интересных сведений по истории Уфы. Это спокойный взгляд практика, создавшего картину деятельности одной из заметных общественных организаций города в то время. Материал тоже носит критический характер, но здесь уже критика ради созидания. Полный текст статьи публикуется далее:

Уфа. Местное общество трезвости и его деятельность.

Кто не знает, что те или иные результаты существования какого-либо общества являются следствием известной степени энергии, предприимчивости и любви к делу членов, составляющих общество. Поэтому мы не будем далеки от истины, если скажем, что раз общество не оправдывает возлагающихся на него надежд, значит возникновение его является затеей праздных и сытых людей, облекающихся из тщеславия и других интересов в платье благотворительности.

Такой характер в общих чертах носит наше уфимское общество трезвости. Вся деятельность этого общества обращается почти в ничто, вследствие очень многих причин.

Общество имеет народную аудиторию, чайную и театр, и устраивает народные гуляния. Так как простой люд у нас, главным образом, – мастеровые железнодорожных мастерских и депо, отстоящих в 3 верстах от черты города, то этот люд выделился из среды городских обывателей и населил целую слободу, примыкающую к мастерским. Понятно, что деятельность обще-

[1] *Абрамов Я.В.* Мрачные и светлые явления // Культурное народничество 1870–1900-х гг. С. 175.

[2] Рудокоп. 1898. 31 декабря; 1899. 1 января.

ства тре[з]вости функционирует здесь в наибольших размерах: в слободе выстроена народная аудитория, вместе с тем и театр, – в ней даются 1 или 2 раза в месяц спектакли, происходят чтения с туманными картинами и заседания членов общ. трезвости; в ней же имеется небольшая библиотека.

В летнее время деятельность общества переносится на народные гулянья. Эти гуляния происходят на небольшом поле, находящемся между городом и слободой; здесь устроены две эстрады: одна для народных танцев, открытая, другая, меньшая, в виде павильона, для музыкантов, певцов и чтецов; есть небольшая чайная или вернее – переносный буфет; устроены трапеции, качели и разные игры для взрослых и детей. Кроме того, имеется чайная в самом городе.

Большинство членов общества трезвости местные железнодорожные служащие: г.г. мастера-инженеры, техники, счетоводы, конторщики, табельщики и монтёры. Членов довольно большое количество, но… всё-таки общество трезвости весьма плохо оправдывает свои цели.

Существующая при аудитории библиотека весьма бедна и жалка; в ней вы найдёте 3–4 десятка книг русских писателей и – столько же книг религиозно-нравственных. Библиотеку эту можно было бы пополнить сборами со спектаклей, но члены общ. тр. не видят в этом необходимости. Из периодических изданий есть только одна газета «Уфимские Губер. Ведомости» и один еженедельный журнал. Библиотека открыта, как для приходящих читателей, так и для тех, которые берут книги на дом с 10 ч. утра до 2 дня в будни и праздники. Но в этой библиотеке редко встретишь 1–2-х человек, да не больше читателей и тех, которые берут книги на дом. Это происходит потому, что лучшие книги забирают сами г.г. члены и их городские знакомцы, а на долю народа остаётся только несколько жиденьких сухих нравоучений, как-то: «О вреде пьянства», «Статьи по сельск. хозяйству» – «Листки объявлений», [«]Губ. Ведомости» и душеспасительные книги.

Народные чтения происходят каждый праздник. Члены читают поочерёдно статьи религиозного содержания, исторического, научного и редко беллетристического. Текст поясняется картинами. Чтения происходят монотонно, с очевидным нежеланием, и, притом, на эстраду часто садятся и такие господа, которые страшно коверкают слова и читают без всякого выражения. Я был на двух чтениях, но не мог их дослушать до конца; они подействовали на меня удручающим образом и нагнали сонливость. Слова разбирать трудно. Во время чтения в толпе происходят разговоры вполголоса и хождение с места на место. Посе-

тители аудитории – преимущественно подростки, женщины и дети, но они ходят, как сами говорят, смотреть туманные картины.

Спектакли нынешний год начались в аудитории с половины августа и продолжаются по сию пору. Играют преимущественно комедии Островского; сходят они недурно и сходили бы ещё лучше, еслиб умели г.г. любители распределять роли соответствующим образом и слишком не полагались на свои силы.

И эти спектакли посещаются с ревностью, но опять это «но»… не народом. Из всех 200 зрителей едва ли наберётся человек 10 простых людей… Отчего же? Очень просто. Более чем ¾ количества билетов раздаётся г.г. членами-любителями своим городским знакомым, людям, бросающимся оходно на дешёвку.

Хотя в том числе бывают некоторые мастеровые, напр. бригадиры мастерских и т. п., но заработок их 40–60 руб. дозволяет им пользоваться городскими развлечениями и для таковых наша аудитория мало полезна; некоторые из них охотники до чтения – выписывают сами газеты и берут книги из городской библиотеки.

Следовательно, во время спектакля аудитории не для народа, а для господ любителей.

В это время г.г. любители совершенно забывают цели общества.

К чему же тогда объявляются общедоступные цены билетов? Городские обыватели могут заплатить и подороже 5 и 30 коп.

Сборы с каждого спектакля достигают maximum 35 р. и поступают на улучшение сцены, между тем как проект о воскресной школе общ. до сих пор остаётся проектом и, как мы говорили выше, нет порядочной библиотеки.

Что же касается летних народн. гуляний, нельзя не заметить, что они по своей сущности представляют мало разумного и носят характер сельских ярмарочных гуляний – появляются здесь какие-то Яшки-балаганщики с Петрушкой, разсказчики пошленьких анекдотов и т. п. господа. Да притом гуляния эти часто отменяются по случаю ненастной погоды.

Запрещение торговли в слободских пивных в распивочную мало останавливает пьянство, и мастеровые редкий праздник не напиваются и не безобразничают; дни же получки никогда не обходятся без драк и скандалов.

Для чего же или для кого существует наше общество трезвости.

Л. Ч.

(Рудокоп. 1898. 29 декабря)

В.М. Рынков

Уфимская революция 1917 года, взгляд из Забайкалья

При изучении истории революции 1917 года и Гражданской войны в местной прессе порой встречаются материалы не только по тем регионам, к которым принадлежало издание, но и по соседним, иногда весьма отдалённым. Так, неожиданно статья о событиях в Уфе была обнаружена в читинской газете. Впрочем, появление такой статьи не было случайным. Её происхождение нетрудно объяснить.

Ещё в 1905 г. ссыльные социал-демократы выпустили несколько номеров газеты «Забайкальский рабочий». 12 марта 1917 г. издание было возобновлено как ежедневный орган Читинского комитета РСДРП. Её редактором стал меньшевик Зельман Романович Рубинштейн. Газета выходила до падения советской власти в Чите в июне 1918 г. После окончания военных действий в Забайкалье издание вновь стало выходить и выпускается в Чите до настоящего времени.

Весной 1917 г. в редакцию вошли социал-демократы, принадлежавшие к разным политическим направлениям, но объединённые общей целью – освещать все события в Забайкалье и в России с социал-демократической точки зрения.

И в номере 59 за 1 июня 1917 г. (четверг) на первой странице публикуется большой материал под заголовком «Письма с Урала. Уфа». Автором заметки являлся Е. Преображенский.

Это был ни кто иной, как Евгений Алексеевич Преображенский (1886–1937), известный деятель коммунистического движения, экономист, социолог, яркий публицист. С 1906 г. он вёл подпольную деятельность на Урале, в Перми, Екатеринбурге, Челябинске, Уфе, Златоусте. Именно в Уфе Е.А. Преображенского арестовала полиция в апреле 1908 г. За арестом последовали тюрьма, ссылка в Сибирь.

В Сибири раскрылся его талант публициста. В качестве обозревателя политической и экономической жизни он сотрудничал в газетах и журналах Иркутска, Ново-Николаевска, Читы. В первые революционные месяцы был членом редакции «Забайкальского рабочего».

Как только представилась возможность, Е.А. Преображенский, как многие ссыльные революционеры, покинул Сибирь. Из Читы в апреле 1917 г. он направился на первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Как он писал в 1925 г. в своей автобиографии – «до съезда остановился на Урале, где начал работать в Златоусте со своими старыми уральски-

ми друзьями»[1]. Остановка оказалась достаточно длительной. В мае – июне 1917 г. он посетил несколько уральских городов, занимался партийной работой, был членом Златоустовского комитета РСДРП. Именно в это время Е.А. Преображенский, стараясь не порывать связь с сибирскими эсдеками, отправил заметку в читинскую газету.

Характер заметки свидетельствует, что Преображенский не исключал своего возвращения в Сибирь. Уфа воспринимается им как временный пункт на пути в Петроград. Вообще город произвёл на одного из крайних даже для большевиков «леваков» неприятное впечатление. Напрасно он ищет в мае 1917 г. «следы переворота» в уфимской жизни, всё тихо и мирно, солдаты отдают честь офицерам, даже французские булки продаются[2].

Преображенский, видимо, намеревался отправить в Читу цикл очерков, хотя продолжения не последовало. Поэтому он позволил себе длительное объяснение ситуации, с естественной примесью политического вранья, утверждая: «в первые дни революции местная с.-д. организация стояла во главе переворота». Единичные эсдеки в Уфе сорганизовались лишь после крушения старой власти. В этой заметке видно начало фальсификации истории, которая в советское время примет глобальный масштаб[3].

В Сибири Е.А. Преображенский призывал к созданию широкой коалиции демократических организаций, осторожности в проведении революционных преобразований. На первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов выступал с осуждением Временного правительства за оттягивание социальных реформ. Видимо, несколько месяцев революции заставили его разочароваться в идеях коалиционной власти. Е.А. Преображенскому явно не понравилась верхушка уфимских социал-демократов, ещё единой организации большевиков и меньшевиков. Не удивительно, так как во главе уфимского совета в мае 1917 года стоял… помещик, арендатор крупного пригородного имения адвокат и меньшевик И.А. Ахтямов, а лидерами будущих большевиков являлись успешный предпринима-

---

[1] Е.А Преображенский: архивные документы и материалы. 1886–1920. М., 2006. С. 198.

[2] В современной местной историографии высказывается мысль об отсутствии вообще каких-либо предпосылок революции 1917 г. в крае. См.: *Роднов М.И.* Уфимская губерния накануне революции: к вопросу о предпосылках // 1917 год в судьбах народов России. Т. I. Уфа, 2017.

[3] О методах превращения информирования в пропаганду подробнее см.: *Рынков В.М.* «Забайкальский рабочий» – большевистский орган реконструкции сознания провинциального читателя (март 1917 – июнь 1918 г.) // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Екатеринбург, 2017. С. 111–120.

тель А.Д. Цюрупа, сотрудник банка Н.П. Брюханов и юрист А.И. Свидерский (оба последних дворяне)[1].

Не случайно Е.А. Преображенский после съезда не остался в губернском центре, мещанской Уфе, а вернулся в знакомый Златоуст. В Златоусте он встретил большевистский переворот, участвовал в установлении здесь советской власти. Гражданскую войну провёл на Урале, в 1920 г. – секретарь Уфимского губкома партии большевиков. Затем перешёл в центральные органы большевистского руководства, член «левой оппозиции», служил в хозяйственных структурах, с 1933 г. неоднократно подвергался арестам, расстрелян в 1937 г.[2]

Е.А. Преображенский – плодовитый автор, выпустил с 1916 г. несколько книг, самая известная «Новая экономика (теория и практика)», большое количество статей. Одной из неизвестных (забытых) публикаций стала его заметка в читинскую газету, которая полностью приводится ниже.

Письма с Урала.
Уфа

На пути в Петроград я заехал на Урал, где работал в партии восемь лет назад. Уфа заметно изменилась, подчистилась, разрослась.

Вглядываюсь в лица встречающейся публики и хочу заметить в них «следы переворота».

Напрасно. Идут солдаты, гимназисты, рабочие, чиновники, много татар, но ни у кого на лице не написано, что Россия республика, что у нас народовластие, что страна переживает острый экономический кризис.

На улицах все солдаты козыряют офицерам. Ага! подумал я – Россия отстала от Сибири. Кой где развеваются красные флаги. С интересом смотрю на места расклейки афиш. Нет ли объявлений от общественных организаций.

Узнаю, что существует Комитет общественных организаций, продовольственная управа, Совет рабочих и солдатских

[1] См.: *Роднов М.И.* Кошелёк революционеров // Революция 1917 года и Гражданская война как определяющие факторы российской истории XX века. Оренбург, 2017; *Он же.* Благородные революционеры // Вестник ВЭГУ (Уфа). 2017. № 4 (80).

[2] Не случайно поэтому Е.А. Преображенский – «активный деятель троцкистской оппозиции» – единственный раз появился на страницах советской башкирской историографии (Очерки истории Башкирской организации КПСС / отв. ред. В.П. Иванков. Уфа, 1973. С. 157, 706). В большинстве книг по истории революции 1917 г. в Башкирии он не упоминался вообще.

депутатов.

Покупаю за пятачёк местную социальдемократическую газету «Вперёд»[1] и иду в редакцию.

Газета печатается на жёлтой бумаге. Расходится в количестве 5 ½ тысяч. Тираж всё увеличивается.

Знакомлюсь с членами комитета. Встречаю старых товарищей по работе. Но большинство организации, как оказывается, все социальдемократы сегодняшнего или вчерашнего дня. Членов в организации около 450 человек. Организация растёт туго. Уфа – город не пролетарский. Рабочих всего до 5000 на 100000 жителей.

Другой причиной медленного роста является та же беда, которая и нас преследовала в Сибири: лучшие силы заняты в общегражданской, а не в пролетарской работе. В первые дни революции местная с.-д. организация стояла во главе переворота и её представителям пришлось занять ответственные места, которые потом уже трудно было покинуть.

Но в последний месяц положение изменилось, о чём я скажу дальше.

Вечером прихожу на заседание Совета рабочих и солдатских депутатов. Как представитель Читинского Совета, получаю «совещательный голос». Принимаю участие в обсуждении вопроса о слиянии особой военной организации с Советом рабочих и солдатских депутатов[2]. Здесь с момента переворота сложилась

---

[1] Ежедневная газета, орган Уфимского комитета РСДРП(б). Выходила с 19 марта по 30 декабря 1917 г. Ранее в 1906–1908 гг. имела другое название – «Уральский рабочий». В нём публиковался Е.А. Преображенский.

[2] Февральский переворот в Уфе был поддержан младшими офицерами Уфимского гарнизона, которые и производили аресты военных и гражданских руководителей в городе. Офицеры 5 марта 1917 г. создали свой Комитет офицеров военной организации уфимского гарнизона (председатель президиума – прапорщик Трибульский). Но затем они не смогли удержать нахлынувшую анархию в частях, быстро разочаровались в идеалах революции и отошли от всякой общественной и партийной работы. Остатки офицерской организации слились с солдатами, во главе встали единичные офицеры, сочувствовавшие эсдекам и эсерам (см.: *Роднов М.И.* Февральская революция в Башкортостане: смена власти (новые подходы и решения) // Февральская революция и проблемы истории Башкортостана. Уфа, 1997). Вопрос о слиянии Совета военной организации Уфимского гарнизона и Уфимского совета рабочих и солдатских организаций обсуждался на совместных заседаниях 9 и 11 мая 1917 г. Вероятно, одно из них и описывает А.Е. Преображенский. В сохранившихся документах и газетных отчётах фамилии присутствовавших не упомянуты (См.: Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы и документы. К 100-летию создания Совета рабочих и солдатских депутатов / Авт-сост. Г.В. Мордвинцев. Уфа, 2017. С. 173–175).

ещё до возникновения Совета особая военная организация, в которую сначала входили почти исключительно офицеры, а потом вошли в большом числе и солдаты. Эта организация сыграла крупную роль в перевороте. Теперь этот тип уже устарел и предстояло слить этот продукт первых дней революции с Советом. Я высказывался за устранение отдельного представительства солдат и офицеров, как закрепляющего раскол армии. Моё предложение оказалось слишком прогрессивным для Уфы и было оставлено отдельное представительство от офицеров.

Смотрю на общую массу членов Совета и констатирую печальный факт: рабочих в четыре раза меньше, чем солдат.

При обсуждении продовольственного вопроса разгорелись страсти. Слышатся знакомые слова. Исполнительный комитет ничего не сделал, продовольственный комитет только формируется. Раздавались и такие речи, что Комитет общественных организаций служит интересам капиталистов. Уфимская губерния – хлебороднейшая из губерний, а в городе хлеба нет. В редкой булочной за 30–50 коп. можно купить французскую булку. Существует и мясной кризис, мясо 80 к. – 1 р. фунт. Положение городской бедноты самое отчаянное. И вот на почве этого кризиса начались волнения, о которых подробней сообщу в следующий раз.

Е. Преображенский.

(Забайкальский рабочий (Чита). 1917. 1 июня)

М.И. Роднов, Л.Ф. Тагирова*

Банковские операции купца Г.С. Соловьёва в 1870–1890-е гг.

Среди уфимских купеческих династий свой след оставила семья Соловьёвых, подробная история которой ещё не изучалась. Среди редких упоминаний выделим сведения П.В. Егорова о состоянии проживавшего на Мало-Казанской улице Уфы потомственного почётного гражданина Г.С. Соловьёва в 7500 руб.[1] Маленькая справка о товариществе Фёдора Григорьевича Соловьёва (типография) приведена в энциклопедии[2], да в 2017 г. вышла газетная статья А.Л. Чечухи, посвящённая домам Соловьёвых (их отреставрировали в 2018 г.), где наиболее подробно представлена информация о данной фамилии[3].

Бизнес этой семьи связан с пореформенным периодом. В списке жертвователей за 1850 г., включавшем практически всю верхушку уфимского купечества, Соловьёвы ещё не упоминаются[4]. В отличие от Кондратьевых, Сахаровых, Полетаевых, Блохиных, Кузнецовых, Нестеровых, Маминых, Бондаренко, они появляются в Уфе примерно к началу 1870-х гг.

В метрических книгах городских церквей среди крёстных или восприемников в купеческих семействах (а в их число приглашались успешные предприниматели из крестьян и мещан) Соловьёвы не встречаются. Но когда в 1873 г. в Уфе открывается отделение Волжско-Камского коммерческого банка, среди лиц, активно пользовавшихся услугами кредитного учреждения, фамилия Соловьёвых присутствует, причём с весьма заметными активами.

На 1876 г. среди главных торговцев Уфы упомянут Григорий Семёнович Соловьёв, в Гостином дворе продавал железные, скобяные и медные товары[5]. Затем он купец 2-й гильдии и на

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00015.

[1] *Егоров Павел.* Самые богатые уфимцы 1900 года // Уфа: страницы истории. Кн. 1. Изд. испр. и доп. / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2015. С. 227.

[2] Энциклопедия предпринимательства Башкортостана (история и личности). Книга первая / Гл. ред. А.Н. Дегтярёв. Уфа, 2006. С. 192.

[3] *Чечуха А.Л.* За окнами старого дома // Уфимские ведомости. 2017. 15 марта.

[4] См.: *Роднов М.И.* Уфимское купечество середины XIX века: опыт реконструкции // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв. / отв. ред. Е.Ю. Рукосуев. Екатеринбург, 2018. Т. 1.

[5] *Резанцов П.Г.* Адрес-календарь Уфимской губернии с присовокуплением

1883 г. православный Григорий Семёнович Соловьёв входит в учётный комитет Уфимского отделения Государственного банка[1] (на 1876 г. его там не было), важнейший орган, куда приглашались наиболее опытные предприниматели, решавшие вопросы об открытии кредита, учёте (покупке) векселей и пр. По сведениям А.Л. Чечухи фирма Соловьёва существовала с 1872 г.

По данным городской переписи в июне 1879 г. Григорий Соловьёв владел сразу тремя расположенными рядом домовладениями по улице Малой Казанской, начиная от угла с улицей Ханыковской[2]. Состояние купца позволило стать крупным домовладельцем, причём участки лежали вблизи от главного центра уфимской торговли – Верхне-Торговой площади с Гостиным двором. Дома Соловьёвых сохранились до наших дней.

По всей видимости, Григорий Семёнович Соловьёв приехал в Уфу уже с семейством и, можно предположить, из Вятской губернии. Так, в январе 1880 г. купеческие сын и дочь Александр Григорьевич и Клавдия Григорьевна Соловьёвы выступили крёстными новорождённого малыша у елабужского мещанина Николая Александровича Бусыгина и его супруги Марии Семёновны[3]. Наверняка, купеческие дети крестили сыночка своей тётушки, сестры отца.

В сентябре 1881 г. купеческий сын Александр Григорьевич Соловьёв и купеческая жена Ольга Ларионовна Соловьёва стали крёстными у мамадышского крестьянина[4], в августе 1886 г. А.Г. Соловьёва пригласили к казанскому мещанину[5]. Семейство Соловьёвых поддерживало устойчивые связи с выходцами из Среднего Поволжья и Прикамья. Бурно развивавшаяся Уфа привлекала многочисленных уроженцев западных уездов.

Обосновавшись в Уфе, семья укрепляла свой статус в местном бизнес-сообществе через родственные узы. 20 января 1885 г. в Никольской церкви уфимский купеческий сын 22-летний Алексей Григорьевич Соловьёв повёл под венец 19-летнюю Клавдию Григорьевну Груздеву из известного бирского купеческого клана. Интересно, что свидетелями на свадьбе стали мещанин города Нарыма Иван Федотович Соловьёв, видимо, даль-

---

сведений о торговцах и ремесленниках г. Уфы // Уфимский календарь на 1876 год / под ред. В.А. Новикова и Н.А. Гурвича. Вып. 1. Уфа, б. г. С. 73.

[1] *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел I. С. 26.

[2] Там же. Отдел IV. С. 125.

[3] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 21. Л. 4 об.

[4] Там же. Д. 22. Л. 349.

[5] Там же. Д. 27. Л. 486.

ний родственник, а также купеческие сыновья из богатейших семей Сергей Петрович Зайков и Константин Павлович Попов[1]. А когда у молодожёнов 9 февраля 1887 г. родился первенец Валентин, крёстным стал уфимский купец Гавриил Николаевич Груздев вместе Ольгой Илларионовной Соловьёвой[2].

Соловьёвы оставались, вероятно, всё же достаточно чужеродным элементом среди уфимского купечества. В 1886 г. дочь Григория Семёновича Соловьёва 25-летняя Елисавета в Никольском храме, семья проживала недалеко, 27 апреля обвенчалась с 27-летним крестьянином из села Новосёлова Бирского уезда, опять таки Прикамье, Михаилом Никитичем Сальниковым. Свидетельствовали бракосочетание мещанин из Казанской губернии и двое крестьян[3]. Но молодые жили в Уфе, супруг уже был записан уфимским мещанином, где у них 5 августа 1887 г. появился на свет сын Алексей (крёстные А.Г. и О.И. Соловьёвы)[4].

К концу 1880-х гг. в семейном доме также проживали купеческие сын Феодор Григорьевич и дочь Клавдия Григорьевна Соловьёвы[5]. То есть, у Григория Семёновича Соловьёва и Ольги Илларионовны (1838–1898) были сыновья Александр, Алексей (около 1858–1863 г. р.), Фёдор (1861 г. р.), дочери Елизавета (1861 г. р., в замужестве Сальникова) и Клавдия. Александр Григорьевич Соловьёв был женат на Ольге Антоновне, у них 11 октября 1890 г. родилась дочь Зинаида. В крёстные вместе с дедушкой пригласили временную уфимскую купчиху М.Ф. Боровкову[6]. Боровковы происходили из елабужских мещан[7], снова связи с Прикамьем.

---

[1] Там же. Д. 26. Л. 185 об. – 186.
[2] Там же. Д. 28. Л. 176 об. – 177.
[3] Там же. Д. 27. Л. 206 об. – 207.
[4] Там же. Д. 28. Л. 195 об. – 196.
[5] Там же. Д. 29. Л. 207.
[6] Там же. Д. 31. Л. 242 об. – 243.
[7] Там же. Л. 665 об. (крёстные Соловьёвы). Кроме того, 11 января 1890 г. в Уфе скончалась 72-летняя вдова, купеческая жена из Мензелинского уезда Анна Павловна Соловьёва (Там же. Л. 313 об.), возможно, дальняя родственница или однофамилица.

Биографических сведений о семье Соловьёвых в дальнейшем найдено мало. Многие метрические книги по Никольской церкви Уфы, в приходе которой они проживали, не сохранились. Известно, что 26 апреля 1898 г. 27-летний потомственный почётный гражданин Феодор Григорьевич Соловьёв женился на уфимской мещанской дочери 23-летней Людмиле Михайловне Облецовой. У них были дети: дочь Мелитина (1 февраля 1899 – 23 июля 1900), а 3 июня 1901 г. родилась двойня – Анатолий и Ангелина (оба в 1916 г. стали крёстными у надворного советника).

Супруга Григория Семёновича Соловьёва Ольга Илларионовна скончалась от паралича 16 декабря 1898 г. в возрасте 60 лет, а 9 ноября 1903 г. умер

Приехавший в Уфу предприниматель сразу оценил возможности открывшегося в 1873 г. Уфимского отделения одного из крупнейших в Империи Волжско-Камского коммерческого банка (далее ВККБ), годовые отчёты которого позволяют увидеть масштабы бизнеса Соловьёва.

Впервые местному купечеству ВККБ предоставил возможности для быстрого безналичного расчёта. Банк специально создал обширную сеть провинциальных отделений, заключил договора о сотрудничестве с рядом других банков, и уфимские предприниматели могли очень быстро (по телеграфу) осуществлять платежи и любые переводы денег не только в обе столицы, но и во все соседние крупнейшие города Урало-Поволжья (Казань, Нижний, Самару, Сызрань, Оренбург, Пермь, Екатеринбург, Саратов, Астрахань, Рыбинск).

Для этого требовалось открыть текущий счёт, получить чековую книжку и бухгалтер банка выполнял все транзакции по поручению клиента[1]. Банк брал на себя функции бухгалтерского обеспечения операций клиентов за небольшую комиссию.

Само использование предпринимателем безналичного расчёта свидетельствует о высоком уровне его бизнес-культуры, применение новейших технологий резко расширяло скорость оборота денег, избавляло от необходимости перевозить массу наличности или каких либо финансовых документов.

Сохранились, хотя и не все, списки клиентов Уфимского отделения ВККБ, имевших текущие счета, начиная с полного первого года работы банка, с 1874 г. Причём, номера счетов соответствовали времени их открытия и под № 37 текущий счёт держал Соловьёв (инициалы не указывались).

Он открыл простой текущий счёт в 1873 г. К 1 января 1874 г. на нём оставалось 1131 руб. 65 коп. В течение 1874 г. торговые контрагенты перевели Соловьёву 22 836 руб. 80 коп., а сам Соловьёв через банк расплатился «безналом» на сумму 19 593 руб. 45 коп. К 1 января 1875 г. на его текущем счету оставалось 4375 руб., банк начислил ему процентов 70 руб. 73 коп.[2]

уфимский купец Алексей Григорьевич Соловьёв, также от паралича на 45 году жизни (Там же. Д. 43. Л. 461 об. – 462, 496 об.; Д. 45. Л. 443 об.; Д. 48. Л. 607 об.; Оп. 5. Д. 1. Л. 95 об.; Д. 4. Файл 0645). Дочь последнего, Валентина Алексеевна, по сведениям А.Л. Чечухи, вышла замуж за стерлитамакского купеческого сына Василия Михайловича Звездина. Сам же Григорий Семёнович Соловьёв скончался, видимо, до 1908 г.

[1] Подробнее см.: *Роднов М.И.* Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка: начало истории (1873–1875 гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2016/17. М., 2017.

[2] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1177. Л. 13.

Много это или мало? Каково было место Соловьёва среди всех уфимских предпринимателей (текущие счета открыли 113 человек)? Соловьёв по величине поступивших денег занимал 25-е место. Но торговля развивалась успешно.

На следующий год, в 1875 г., величина оборота денег по текущему счёту Соловьёва составила 67 744,27 руб. (прибыло на счёт 31 704,27 руб., убыло со счёта 36 040 руб.). Уже 15-е место по обороту капиталов. В течение 1875 г. Соловьёв совершил покупок и продаж на 67,7 тыс. руб., внушительная сумма.

Кроме того, в 1875 г. Соловьёв открывает условный текущий счёт, по которому платили больший процент, но деньги выдавали не сразу, а с небольшой задержкой. На втором текущем счету оборот капиталов Соловьёва составил 30 425 руб. (+15 225 руб. и –15200 руб.)[1]. В сумме по двум счетам более 100 тыс. руб.

А так как отделение ВККБ было в Уфе единственным филиалом крупного столичного банка, здесь кредитовался почти весь крупный и средний местный бизнес, текущие счета показывают состояние деловой активности конкретного предпринимателя, расцвет или упадок.

Из следующей таблицы виден текущий счёт Соловьёва в 1870–1890-е гг. (когда имеются сведения). С 1880 г. в банковской ведомости указывались инициалы – Г.С. Соловьёв, это Григорий Семёнович (в 1884 г. ошибочно записали Д.С.). Оборот средств включает деньги, поступившие на счёт Соловьёва и снятые с его же счёта. То есть, на какую сумму в год он покупал и продавал товаров или услуг[2]:

Год	Оборот (руб.)	Год	Оборот (руб.)
1876	109 206	1889	простой 271 995,92 специальный 170 036,56
1877	25 962,25	1890	простой 247 819,22 специальный 185 638,32
1880	304 181,03	1891	простой 230 859,54 специальный 46 513,87
1881	410 128,94	1892	157 604,38
1882	613 425,88	1893	239 708,68

[1] Там же. Д. 1178. Л. 85 об., 88 об. Условный текущий счёт Соловьёв закроет в следующем году.

[2] Там же. Д. 1179. Л. 7 об.; Д. 1180. Л. 75 об.; Д. 1183. Л. 81 об.; Д. 1184. Л. 77 об.; Д. 1185. Л. 77 об.; Д. 1186. Л. 77 об.; Д. 1187. Л. 76 об., 77 об.; Д. 1189. Л. 78 об., 82; Д. 1190. Л. 77 об., 81; Д. 1194. Л. 7, 12; Д. 1196. Л. 6, 10; Д. 1197. Л. 75, 79; Д. 1198. Л. 75; Д. 1200. Л. 7; Д. 1202. Л. 7; Д. 1203. Л. 71; Д. 1205. Л. 9; Д. 1206. Л. 73. В 1884 г. мелькнул И.Ф. Соловьёв, наверняка, это упомянутый выше нарымский мещанин (оборот 46 900 руб.)

1883	500 534,99	1894	217 210,6
1884	570 163,96	1895	131 874,77
1886	простой 522 413,51 специальный 13 806,67	1896	321 325,59
1887	простой 205 523,97 специальный 336 581,03	1897	430 193,65

Бизнес Григория Семёновича Соловьёва в 1880–1890-е гг. не просто успешно развивался, он входил в ряды крупнейших предпринимателей Уфы с оборотом безналичных расчётов до полумиллиона рублей и свыше. В 1886 г. Г.С. Соловьёв открывает дополнительно специальный текущий счёт, для получения денег по которому требовалось отдать банку в залог пакет ценных бумаг, закрыт в конце 1891 г.

Отметим устойчивость бизнеса Соловьёва, спад в 1877 г. – шла русско-турецкая война и экономика страны переживала тяжёлые времена, затем стабильность на самом высоком уровне. Приход в Уфу в 1888 г. железной дороги также не сказался отрицательно, Григорий Семёнович успешно адаптировался к новым условиям.

Например, в 1882 г. первая пятёрка крупнейших предпринимателей и организаций Уфы, проводивших операции через Уфимское отделение ВККБ, включала: 1) Уфимский городской общественный банк – 814 826,28 руб., 2) Соловьёв Г.С. – 613 425,88 руб., 3) Поносов В.Е. – 603 907,82 руб., 4) братья Ушковы – 379 681,69 руб., 5) Чижёв Ф.Е. – 338 703 руб.[1]

Лишь учреждённый местный городской банк, широко кредитовавшийся в ВККБ, обогнал Григория Семёновича. Позади него оказались попавший в уфимские легенды Василий Епифанович Поносов, крупнейшие торговцы химическими товарами из Прикамья купцы Ушковы, уфимский «крез», лесопромышленник Фёдор Егорович Чижёв.

Уфимский справочник за 1876 г. меланхолически сообщал, что Г.С. Соловьёв в Гостином дворе продавал железные, скобяные и медные товары. Розничная торговля просто не могла обеспечить такие огромные обороты. Соловьёв не вывозил хлеб, не занимался пароходством, видимо, его специализация действительно ограничивалась металлами. Можно лишь предположить, что помимо розницы, поставок всевозможных металлических изделий на рынок Уфы и губернии, Григорий Семёнович участвовал в сбыте продукции южноуральских горных заводов.

Приведённые в таблице огромные суммы не лежали на лич-

[1] Там же. Д. 1185. Л. 77 – 79 об. (без специальных текущих счетов).

ном счёте, они быстро поступали и также быстро переводились по назначению. Так, на 25 июля 1880 г. на текущем счету Григория Семёновича Соловьёва остаток составлял всего 8200 руб.[1] Деньги работали. Это счета исключительно предпринимателей. К концу года на текущих счетах обычно оставались совсем небольшие суммы. Процент по ним был самый маленький, их открывали не для накоплений, а именно для безналичного расчёта (уплаты всевозможных платежей, перевода денег, расчёта по векселям и пр.).

Изучение годовых отчётов уфимского отделения ВККБ неожиданно не даёт никаких сведений о вексельных операциях Г.С. Соловьёва. Например, за 1884 г. есть сведения о всех векселях, отосланных и принятых на комиссию, Григорий Семёнович не упоминается, как и в ежегодных списках остатков трансфертов (переводов денег), которые к 31 декабря Уфимское отделение не успело исполнить. Нет Соловьёва и среди должников отделения по учёту векселей.

Лишь в отчёте за 1887 г. записано в переходящих суммах (на следующий год), что Уфимское отделение ВККБ приняло от Г.С. Соловьёва «для внесения на тек[ущий] счёт Стахеева Д.И.» в Московском Купеческом банке 15 тыс. руб.[2]

Торговыми партнёрами Г.С. Соловьёва были представители крупнейших купеческих родов России и столичные банки. С другой стороны, отсутствие информации может говорить об осторожной политике Григория Семёновича, избегавшего операций в кредит и не принимавшего долговые расписки (векселя). Кроме того, анализ материалов Уфимского отделения ВККБ показывает, что лишь два ближайших к Уфе металлургических предприятия (Благовещенский и Архангельский) до 1890 г. проводили платежи через Уфу. Крупные южноуральские заводы вели операции через столичные банки. Возможно, с этим связано отсутствие сведений о Г.С. Соловьёве, тогда как иные уфимские купцы постоянно фигурируют в отчётах Уфимского отделения.

Найдены лишь данные об операциях Г.С. Соловьёва с ценными бумагами. В 1886 г. он открывает специальный текущий счёт под залог ценных бумаг[3]. В 1887 г. свои основные сделки

---

[1] Там же. Д. 1183. Л. 107 об.

[2] Там же. Д. 1190. Л. 71. Возможно, торговым партнёром Соловьёва был Д.И. Стахеев (1840–1918), занимавшийся также литературным творчеством. Московский Купеческий банк основан в 1866 г., среди его пайщиков В.А. Кокорев (хозяин ВККБ), И.Ф. Базилевский.

[3] Только в 1885 г. государством был разрешён залог и перезалог ценных бумаг (См.: *Беспалов С.В.* Экономическая модернизация России в конце XIX - начале XX в.: Современная историография. Аналитический обзор. М.,

проводит по второму счёту (см. таблицу). В конце года, к 1 января 1888 г. за Соловьёвым числился долг по специальному текущему счёту на сумму в 17 061 руб. 40 коп., а в банке в качестве обеспечения лежали его ценные бумаги на 17 965 руб.[1]

Это подтверждает осторожный, продуманный бизнес Григория Семёновича. Он не выходит за пределы отпущенного кредита. Впрочем, Уфимское отделение за этим строго следило.

Аналогичную картину видим за следующий, 1888, год. К 1 января 1889 г. за Г.С. Соловьёвым по специальному текущему счёту числилась задолженность всего в 20 руб. 97 коп., тогда как в обеспечение он положил в банк бумаг на 17 565 руб. При этом, Соловьёв приобретал только гарантированные правительством ценные бумаги, по которым казна в любом случае обещала уплатить дивиденд.

В собственности Г.С. Соловьёва находились самые высокодоходные на российском финансовом рынке 5%-ные билеты Первого внутреннего с выигрышами займа, а также 5%-ные облигации восточных займов, 5%-ные свидетельства железнодорожной ренты, 5%-ные акции Юго-Западной железной дороги и 5%-ные закладные листы Государственного Дворянского земельного банка[2]. Эти бумаги отнёс Григорий Семёнович на улицу Большую Казанскую в залог Уфимскому отделению ВККБ.

Анализ пакета ценных бумаг, принадлежавших Г.С. Соловьёву, рисует образ расчётливого бизнесмена, вкладывавшего капиталы в самые перспективные (железнодорожные), высокодоходные (выигрышный займ, сочетавший акцию и лотерею) и надёжные государственные (восточные займы и закладные листы Дворянского банка) ценные бумаги.

Это предприниматель, работавший на общероссийском рынке, видимо, основные сделки Григорий Семёнович осуществлял за пределами Уфы. Что принесло ему заслуженный авторитет, на 1889 г. купец 2-й гильдии Г.С. Соловьёв гласный (депутат) Уфимской городской думы, кандидат в члены от купечества в Губернское податное присутствие (оно контролировало налогообложение)[3]. На 1891 г. Г.С. Соловьёв входил в состав Учётного комитета Уфимского отделения Волжско-Камского банка. За участие в заседаниях Григорий Семёнович получил 90 руб. (по пятёрке за каждое)[4].

2014. С. 48).

[1] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1190. Л. 25.

[2] Там же. Д. 1191. Л. 23, 25.

[3] Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года / Сост. Н.А. Гурвич. Уфа, 1889. С. 43, 82.

[4] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1197. Л. 71 об.

К началу 1890-х гг. Григорий Семёнович Соловьёв являлся владельцем четырёх участков (домовладений) во второй части Уфы, сельских имений он не покупал. На осень 1892 г. ему принадлежала по городской оценке недвижимость стоимостью в 360 руб., 2800 руб., 1200 руб. и 1600 руб., всего на 5960 руб. Это позволяло Г.С. Соловьёву входить в число выборщиков в городскую думу. Со своей собственности он платил в доход города 59 руб. 60 коп. и ещё 11 руб. 25 коп. по выборке гильдейского имущества тоже в городской бюджет[1]. Эти четыре, расположенных недалеко друг от друга участка представляли собой землю и строения, как жилые, так и хозяйственные.

Г.С. Соловьёв не гнался за почётным членством в благотворительных организациях, чем увлекались многие уфимские толстосумы стремясь за наградами и желанием находиться поблизости от власть предержащих. Видимо, сказывался характер бизнеса, связанный с разъездами и проживанием за пределами Уфы. Но в старости он вносил деньги на конкретные цели.

Так, в статье Н. Тюнина о деятельности Уфимского Православного миссионерского общества отмечено, что крупным жертвователем «в 1891 году явился Уфимский купец Гр.С. Соловьёв»[2]. А когда в конце 1894 г., на 40-й день со дня кончины императора Александра III организовали поминальный обед для городских бедняков, Григорий Семёнович Соловьёв пожертвовал 10 руб., а Ольга Михайловна Соловьёва не пожалела 15 руб.[3]

Торговое дело Григория Семёновича Соловьёва продолжили сыновья, вплоть до Первой мировой войны действовало товарищество «Г. Соловьёв и К°»[4].

Привлечение разнородных источников – генеалогических сведений и материалов банковской отчётности – позволяет в общих чертах реконструировать историю семьи уфимского предпринимателя и его бизнеса, увидеть реальное состояние торгового дела, масштабы хозяйства. Оставившие память в краеведческом сообществе Уфы лишь как домовладельцы, Соловьёвы находились в рядах крупнейшего купечества города, основу процветания семьи заложил успешный бизнесмен Григорий Семёнович Соловьёв.

---

[1] Уфимские губернские ведомости. 1892. 31 октября. Приложение.
[2] Там же. 9 мая.
[3] Там же. 1894. 11 декабря.
[4] *Роднов М.И.* Уфимская товарная биржа (1905–1917 годы). Уфа, 2016. С. 188.

С.С. Завидова

Узытамак-Алкино. Тайна старого кладбища

В 40 километрах от Уфы находится село Узытамак. На другой стороне федеральной трассы Уфа-Москва – деревня Алкино. Что я знаю про Узытамак? До прошлого лета никогда там не была. С тех пор побывала дважды. Оба раза целью посещения стало местное кладбище. Кладбище, если смотреть на него со стороны, кажется довольно молодым. Ярко-синий сетчатый забор, такие же ворота. Метрах в тридцати от ворот начинаются современные захоронения. Действующее кладбище, ничего примечательного для несведущего, случайно попавшего сюда человека. Мне бы никогда не найти того, что я ищу, если бы не пожилой, давно вышедший на пенсию смотритель. В глубине кладбища, в зарослях кустарника – цель визита – старый могильный камень. Когда-то белый, сейчас немного позеленевший от времени, совсем невысокий (метр с небольшим), правильные геометрические формы, арабская вязь. Иске имлә, которую мне не прочесть без переводчика.

Смотритель Фаниль пробирается дальше. Там, ещё глубже в кустах, метрах в четырёх от первого, второй камень. Сначала кажется – родной брат. Приглядевшись, замечаешь некоторые различия в форме. Этот, второй, находится в небольшом углублении, чуть наклонён и покачивается. Фаниль объясняет: в советское время могилу вскрывали «кладоискатели». Следом указывает на осколки кирпичей, разбросанные по периметру. Оказывается, это остатки кладки мавзолеев, когда-то воздвигнутых над могилами, а потом, опять же в советское время, растащенных жителями деревушки по окрестным дворам…

Могилы соседствуют явно не случайно. И, видимо, не случайно так схожи между собой памятники. Оба из белого мрамора, который, стоит его очистить от пыли и мха, вновь сверкает на солнце, словно лишь вчера установленный. Хотя «младшему» уже больше века, а «старшему» – все полтора. Про существование одного из них я знала (почему и искала). Наличие рядом второго – полная для меня неожиданность.

К слову сказать, этими двумя камнями находки для меня не заканчиваются. Метрах в десяти от второго – ещё один могильный камень. Ещё более старый. Этот, как поясняет Фаниль, из песчаника. Буквы на нём уже едва разборчивы, наполовину осыпались от времени. Плита большая, метра полтора, сильно наклонилась и стоит явно «неправильно», не по сунне. Тоже «кладоискатели» поработали, сняли, а потом воткнули кое-как…

Ещё в трёх метрах – кусок четвертого камня, самой его верхушки, сантиметров 30–35, не больше. Тоже, похоже, песчанник. Тут уж точно ничего из надписей не разберёшь.

Чьи они, эти могилы? Фаниль точно не знает, знает только, что люди знатные, вроде как бывшие владельцы имения Алкино. Тот камень из двух мраморных «близнецов», что постарше, чьё фото я видела раньше, имеет уже известную мне надпись, которая переводится: «Султан Мухаммад Мирза сын Гарей Алкин, умер в апреле 1867 года». А чей же второй? Это мне только предстоит узнать, после того, как пошлю фото камня переводчикам. И вот приходит ответ:

«Хадича бикэ мирза Арслангалий Муратоф кызы Тефкелева санэ 1901 26-нче июньда вафат олды (булды) рахимана Аллаху Тагаля. Мархуманен гумер газизлэре 63 санэ…»

Пытаюсь сопоставить полученные от переводчика имена и даты со своими записями. Получаю – Тевкелева (Муратова) Хадича Арслангалиева. Умерла 26 июня 1901 г.

Это могилы мужа и жены! Умерли с разницей в 34 года. Султан в возрасте около 37 лет, а Хадича, 63 летней, дважды после Султана побывавшей замужем, родившей, помимо троих в браке с Султаном, ещё минимум двоих, а, возможно, и четверых детей. И нашедшая свой последний приют рядом с могилой первого мужа.

Кто они? Какова была их жизнь? Попробую рассказать то, что удалось раскопать мне, далёкому от истории человеку, об их жизни, их семье и судьбе.

Султан Мухамет Мухаметгареев Алкин. Мурза, губернский секретарь, дворянский заседатель Бирского уездного суда. Внук основателя рода Алкиных в Уфе Юсупа Алкина. Русское имя, скорее всего, Александр. Приблизительная дата рождения (между 1829 или 1831 г.) вычислена по формулярному списку его отца[1], Алкина Мухаметгарея Юсуповича, за 1830 г., где значится сын Александр в возрасте одного года, и формулярным списком самого Султана Мухамета за 1858 г.[2], где указан возраст – 27 лет. Мать – Алкина Гайнилахаят Ибрагимовна (русское имя – Анна Алкина).

Согласно тому же формулярному списку, С.-М.М. Алкин до 1848 г. учился в Казанской губернской гимназии (но по каким-то причинам не прошёл полный курс обучения). В феврале 1848 г. поступил на службу в Казанское губернское правление в число канцелярских служащих. В октябре 1850 г. по прошению пере-

[1] См.: НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1040.

[2] Там же. Д. 3070.

ведён писцом в штат Оренбургского губернского правления. В феврале 1852 г. Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству от 20 сентября 1852 г. за № 184 произведён в коллежские регистраторы со старшинством. Через год по прошению переведён в штат Оренбургской пограничной комиссии младшим толмачом. С ноября 1854 по декабрь 1855 гг. числился уволенным от службы по болезни. Однако зимой 1855 г. идёт в ополчение Оренбургской губернии и, будучи определён в дружину № 311, служит там в звании прапорщика. По окончании Крымской войны, летом 1856 г. восстанавливается в чине коллежского регистратора с причислением к канцелярии начальника Оренбургской губернии сверхштатным чиновником. В январе 1857 г. избран дворянством Оренбургской губернии на должность дворянского заседателя Бирского уездного суда, в коей утверждён в апреле того же года Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству от 2 апреля 1857 г. за № 70. На лето 1858 г. указал, что владеет нераздельно с братом имением в Уфимском уезде (96 душ крестьян и 1527 десятин земли).

В браке с упомянутой Хадичёй у Султана было трое детей: две дочери, Магиперваз (Биби Магиперваз), родившаяся 2 ноября 1856 г., и Умугульсума (родилась 24 июня 1860 г.), а также сын – Кутлумухамед, родившийся 15 января 1862 г.

Умер, как было упомянуто, С.-М.М. Алкин весной 1867 г. в своём имении в деревне Узытамак. Причина смерти неизвестна.

О происхождении жены Султана, Хадичи, известно мне пока немного. Но была она явно из богатой и знатной семьи. Отец – сотник, мурза Арслан Гарей Муратов. Согласно информации, указанной в формулярном списке её мужа Султана Алкина, в июле 1858 г. была указана в качестве владелицы неразрывно с братьями имением в Вятской губернии Елабужского уезда (210 душ и 1600 дес.).

Стоит, пожалуй, рассказать и о брате Султана, Гадильгарее Алкине, тем более что судьба его была так похожа на судьбу самого Султана, а сам он имеет непосредственное отношение к рассказываемой истории. Гадильгарей (встречается также написание «Адильгарей», «Гадиль Гарей» и «Адиль Гарей», русское имя, предположительно, Константин) родился между 1832 и 1834 гг. Согласно формулярному списку за 1862 г.[1], учился в Первой Казанской гимназии, аттестат же о науках получил в Оренбургской губернской гимназии. С апреля 1851 г. поступил на службу в канцелярию Оренбургского гражданского губернатора канцелярским служащим первого разряда. Через два года произведён

[1] Там же. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 4252.

в коллежские регистраторы со старшинством. С февраля 1856 г. определён младшим помощником правителя канцелярии, через полгода становится уже старшим помощником правителя канцелярии по хозяйственному столу и казначея канцелярии. В декабре 1856 г. производится в губернские секретари со старшинством, однако уже летом 1857 г. по прошению перемещается секретарём в Оренбургское Магометанское духовное собрание. Ещё через три года следует новый чин, теперь коллежского секретаря. В 1862 г. за усердную службу Высочайше награждён орденом Св. Станислава 3-й степени для ношения в петлице[1]. Награда наградой, но за получение её в те времена кавалер должен был платить гербовую пошлину, которая в данном случае составила 15 руб. серебром[2].

Чуть раньше награждался также бронзовой медалью в память войны 1853–1856 гг. (которую получил, судя по всему, в качестве гражданского служащего). В декабре 1862 г. Гадильгарей уже титулярный советник с годовым окладом в 285 руб. 71 ½ коп. сер. Последняя карьерная ступень – коллежский ассесор, достигнутая Г. Алкиным в возрасте около 32 лет, в 1865 г.

В 1867 г. умирает брат Султан. Его жена, Хадича, остаётся с тремя маленькими детьми: старшей дочери одиннадцать, младшему – пять. Трудно теперь сказать, что было побудительным мотивом. Однако вдова выходит замуж за брата покойного мужа, Гадильгарея. Мне приходилось слышать о существовании подобного обычая в мусульманских странах. Говорят, что в основе его – желание семьи помочь женщине и поддержать детей умершего мужчины. Возможно, в данном случае примешивалась и материальная сторона, дети, даже малолетние, являлись наследниками довольно большого состояния, которое необходимо было оставить в семье. Но факт остается фактом, Хадича выходит замуж за Гадильгарея. Когда именно это произошло, неизвестно, но явно где-то между 1867 и 1870 г.

С 1868 г. у Гадильгарея начинаются серьезные проблемы со здоровьем. Возникают неожиданные приступы, очень похожие на приступы эпилепсии: больной неожиданно падает, появляется пена изо рта, тело и конечности сводит судорогой, в конце приступа наступает кратковременная потеря сознания, придя в себя больной жалуется на сильную головную боль и упадок сил. Доктора ставят Гадильгарею диагноз «подучей болезни». В связи с этим он сначала уходит в месячный отпуск[3], а позже, в конце

[1] Там же. Д. 4253.
[2] Там же. Оп. 3. Д. 5940.
[3] Там же. Оп. 4. Д. 6445.

1868 г., понимая, что уже не сможет вернуться к полноценной службе, подаёт в отставку[1]. 18 августа 1870 г., в возрасте 38 лет Гадильгарей Алкин умирает «от припадочной болезни»[2].

Хадича вновь остаётся одна с тремя детьми. Правда, ненадолго. В 1871 г. она вновь, уже в третий раз выходит замуж. Теперь её избранник – гвардии полковник в отставке, потомок известного татарского рода[3], владелец имения в Килимово Сеитгарей Шагингареевич (по-русски – Алексей Петрович) Тевкелев. Сеитгарей к тому моменту тоже вдовец. Первая его жена – Зюлейха (Бибизюлейха), дочь хана Букеевской Орды Джангира Букеева, умерла в 1866 г. в возрасте 34 лет[4] бездетной.

Брак же с Хадичёй оказался крепким, продлился до самой смерти Сеитгарея в 1891 г. В этом браке родилось то ли двое, то ли четверо детей, правда, до взрослых лет дожила лишь одна дочь Сеитгарея, Суфия, вышедшая замуж за Салимгарея Джантурина и унаследовавшая после своего отца большую часть отцовского имения в Килимово. Джантурин был известным политическим деятелем того времени, мировым судьей, земским начальником Белебеевского уезда, гласным уездного и губернского земств, депутатом Государственной Думы I-го созыва[5].

Дети Хадичи от первого, с Султаном Алкиным, и третьего, с Сеитгареем Тевкелевым, замужества росли вместе и были явно в дружеских отношениях. «Золотая молодёжь» вставала на ноги, делала успешную карьеру на политическом и общественном поприще. Браки многих из них, во всяком случае внешне, были весьма успешны. Старшая дочь Хадичи, Магиперваз Султановна Алкина, выходит замуж за военного из известного кумыкского рода Махмута Шейхалиева и впоследствии становится генерал-майоршей. Судьба её мужа, как и двух её детей, Дауда Махму-

---

[1] Там же. Д. 6446.

[2] Там же. Д. 9081.

[3] Сеитгарей Шагингареевич Тевкелев (дата рождения неизвестна, умер в 1891 г.), а также братья его Салимгарей (1805–1885, муфтий Оренбургского Магометанского духовного собрания, похоронен на территории первой соборной мечети Уфы) и Батыргарей (дата рождения неизвестна, умер в 1891 г., майор) – правнуки Кутлуг-Мухамеда Тевкелева (1674–1766), генерал-майора, российского дипломата и сподвижника Петра I, называемого основателем Челябинска и Орска и обвиняемого в жестоком подавлении башкирского восстания 1735–1740 гг. (см.: *Азаматова Г.Б.* Интеграция национального дворянства в российское общество: на примере рода Тевкелевых. Уфа, 2008).

[4] НА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 8525.

[5] *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 154–155.

довича Шейх-Али (именно так впоследствии стала писаться эта фамилия) и Амины Шейхалиевой, в замужестве Сыртлановой – тема отдельного рассказа.

Вторая дочь Хадичи, Умугульсума Султановна (встречается также написание Гульсума) на 1891 г. значится уже Ахтямовой, что видно из прошения жены генерал-майора Магипарваз Султановны Шейхалиевой о выдаче ей метрического свидетельства о смерти матери[1].

Сын Хадичи, Кутлумухамет Султанович Алкин, считается крупным землевладельцем. Юность его, судя по всему, была бурной. Из Уфимской гимназии по окончании VI класса его увольняют за самовольную отлучку из города в деревню[2]. Обвинялся в связях с народовольцами и финансировании их деятельности, за ним устанавливался полицейский надзор[3]. Женился на Фатиме Мухамедсафиной Юсуповой. Имела ли Фатима отношение к известному татарскому роду, пока неизвестно.

Кутлумухамед и муж четвёртой дочери Хадичи – Суфии, Салимгарей Джантурин, ведут многие дела вместе[4], учреждают газету «Аль-Галлями ал Ислами», выступают членами попечительского совета медресе «Галия» и уфимского приюта престарелых мужчин и мальчиков сирот-магометан. Не отстают и женщины. Фатима Алкина, Суфия Джантурина и Магиперваз Шейхалиева участвуют в учредительном собрании «Мусульманского дамского общества» в Уфе в 1907 г.[5], участвуют в строительстве здания для медресе «Галия».

Вот такие дети выросли у Хадичи Муратовой. В 1891 г. похоронила она третьего своего мужа, Сеитгарея Шагингареева Тевкелева, умершего в Уфе[6]. Пережила его на 10 лет и летом 1901 г. нашла свое последнее пристанище в имении своего первого мужа, Султана Алкина.

Кстати, удалось мне разгадать и тайну третьего могильного камня, который из песчаника. Хотя состояние надписей очень

---

[1] НА РБ. Ф. И-295. Оп. 5. Д. 685.

[2] Там же. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1391.

[3] См.: *Славнитский Н.Р.* К.-М.С. Алкин и его связь с партией Народная Воля // Река времени. 2017 / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2017.

[4] См.: *Мамлеев М.Ш.* Дорожить дружбой (http://dereksiz.org/mamleev-maksat-sharafutdinovich-dorojite-drujboj.html?page=2).

[5] См.: http://www.idmedina.ru/books/regions/?1571.

[6] Во владение наследством в 1892 г. (земля в Уфимском уезде) судом были введены вдова полковника Хадича Тевкелева, жена генерал-майора Махи Парваз Шейхалиева и дворянин Кутлуг-Мухамед Алкин (Уфимские губернские ведомости. 1892. 18 июля, 21 ноября). В 1894 г. все трое являлись избирателями в Уфимское уездное земство на правах совладения поместьем в 1109 дес. в Казанской волости (Там же. 1894. 30 апреля. Приложение).

плохое. Но то, что удалось разобрать переводчикам, звучит как «История погребения 1812, по лунному календарю хиджри 1228 г., в городе Казань, Юсуф сын Абдуррашида». Очень похоже, что этот камень принадлежит самому основателю Алкино, деду Султана, Юсупу Абдреевичу Алкину, купившему в 1790 г. у вотчинников башкир землю в местечке Узытамак и обосновавшемуся там вместе со своей женой Суфьей (Софьей) Юсуповной Алкиной, урожденной Тевкелевой[1] (видимо, по имени его жены и носила раньше вторая часть Узытамака название «Софьино»). Был Юсуп Абдреевич (по-русски – Осип Андреевич) титулярным советником. Родился в 1763 г. в Казани. Дата его смерти была точно неизвестна, видимо, умер между 1811 и 1816 гг., так как последнее упоминание о нём присутствует в ревизской сказке от 22 сентября 1811 г. по деревне Узытамак (Маметгиреева, Алкино), а в следующей сказке за 14 марта 1816 г. Юсуп записан уже как умерший. Так что «Юсуф сын Абдуррашида», скончавшийся в 1812 г. и похороненный на семейном кладбище Алкиных – вполне подходящая версия.

Вот такие тайны хранит старое кладбище Узытамака. И, наверняка, ещё не одна осталась нераскрытой. Потому что где-то в Алкино нашли свой приют брат Султана Гадильгарей и их мать Гайнилахаят Ибрагимова. Вероятно, некоторые другие представители этой семьи покоятся там же.

[1] Приходившейся, судя по всему, внучкой Кутлуг-Мухамеда Тевкелева.

Кладбище дер. Узы-Тамак. Памятник Султана Алкина. Фото автора

Кладбище дер. Узы-Тамак.
Памятник Хадичи Тевкелевой (Муратовой). Фото автора

История дворянского рода Алкиных затрагивалась в ряде исследований. О жизни Хадичи Тевкелевой и её третьего супруга Саитгарея Тевкелева, который выстроил знаменитый дворец в Старо-Килимово, говорится в монографии Г.Б. Азаматовой[1]. Генеалогические сведения об Алкиных приведены в книге И.Р. Габдуллина[2], изучается судьба поместья Алкиных[3], публикуются краткие сведения справочного характера. Но подробной истории этой известной фамилии ещё не создано.

Появление Алкиных связано с учреждением в 1782 г. Уфимского наместничества. Складывался обширный административный аппарат и в крае, где вторым, а часто первым языком межнационального общения являлся татарский, возникает острая потребность в специалистах, свободно общавшихся с тюркским населением. Для чиновников-мусульман открывались перспективы карьерного роста и с 1784 г. судьёй в Уфе служит Мендияр Бекчурин, в 1786 г. должность исправника Нижнего земского суда в Белебее занимал прапорщик князь Маматгарей Черкаской, а в 1790 г. при прокуроре, которым являлся Тимофей Аксаков, отец будущего великого писателя, одним из стряпчих стал губернский секретарь Юсуб Алкин[4], в 1793 г. – Юсуп Андреев сын Алкин[5]. Именно он покупает землю и закладывает поместье, его могила сохранилась до наших дней на тихом сельском кладбище в деревне Узытамак.

---

[1] *Азаматова Г.Б.* Интеграция национального дворянства в российское общество: на примере рода Тевкелевых. С. 102–111.

[2] *Габдуллин И.Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. С. 97.

[3] *Роднов М.И.* Татарская дворянская усадьба (Уфимский уезд второй половины XIX века) // На пути к возрождению / сост. М.У. Сюндюков, А.Г. Терегулов. Уфа, 2018. С. 300.

[4] Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1790. СПб., б. г. С. 281.

[5] Там же 1793. СПб., б. г. С. 252.

Кладбище дер. Узы-Тамак.
Памятник на могиле Юсупа Алкина. Начало XIX в. Фото автора

В семейном архиве Алкиных бережно хранится копия формулярного списка известного военного и общественного деятеля генерал-майора Махмута Шихалиева. Его супругой стала Махи-Парваз, дочь уфимского помещика Султана-Мухаммеда Алкина. В конце жизни семья переехала на постоянное жительство в Уфимскую губернию.

Формулярный список был выдан при выходе М.М. Шихалиева в отставку в 1890 г., с него несколько раз снимали копии, одна из которых и сохранилась в роде Алкиных. Текст приводится точно по документу, с небольшим исправлением пунктуации и в современной орфографии. Выделены также абзацы для лучшего восприятия материала.

Из формулярного списка становится известна точная дата рождения генерала – 16 октября 1835 г., также он показывает в деталях всю военную карьеру боевого офицера-кавалериста. С 1859 по 1864 гг. М. Шейхалиев непосредственный участник по-

корения восточных и западных земель Северного Кавказа, особенно большое участие принимал в завоевании владений шапсугов (совр. Краснодарский край). Во главе Кубанского казачьего полка сражался на Кавказском фронте во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Приложение. Формулярный список генерал-майора М.М. Шихалиева, 1890 г.

По указу
Его Величества Государя Императора
Александра Александровича. Самодержца
Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая

Предъявитель сего Генерал-Майор Махмут Шихалиев кавалер орденов: Св. Владимира 4 ст. с бантом, св. Анны 2 ст. с мечами, 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст., той же ст. с короною, 3 ст. с мечами и бантом, Датского Данеброга Командоского креста 2 класса, имеет золотую саблю с надписью за «храбрость»; медали: бронзовую в память войны 1853 г. – 1856 г.; серебрянные: за покорение Чечни и Дагестана в 1857–1859 гг.; за покорение Западного Кавказа в 1859–1864 гг. и в память войны 1877–1878 гг. и крест за службу на Кавказе.

Родился в 1835 г. Октября 16. Из Горцев, потомственный дворянин Тифлисской губернии. Вероисповедания Магометанского. Воспитывался в кадетском корпусе. По выдержании в Кадетском корпусе Экзамена Высочайшим приказом произведён в Корнеты тысяча восемьсот пятьдесят первого года Августа седьмого с зачислением по кавалерии 1851 г. Августа 7; приказом по Гвардейскому гренадерскому корпусу от 26 Августа 1851 г. № 216, прикомандирован к Владимирскому Уланскому Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полку в том же году Августа 26; отправлен из корпуса в том же году Августа 29; прибыл Сентября 7; Поручиком 1854 г. Сентября 11; переведён в оный полк 1855 г. Августа 11; командирован в Камчатский пехотный полк, находившийся на передовой позиции против союзников в Крыму 1855 г. Августа 18; прибыл обратно к своему полку 1856 г. Июля 20; из оного переведён в 17 драгунский Северский полк (ныне 45 драгунский Северский Его Величества Короля Датского) 1858 г. Сентября 28; отправлен по переводу в том же году Сентября 30; прибыл в том же году Ноября 29; назначен Заведующим 4 эскадроном 1859 Ноября 3-го; сдал эскадрон 1860 г. Февраля 4-го; за отличие в делах против горцев произведён в Штабс-Капитаны 1861 г.

Февраля 21; заведывал 5 эскадроном с 13 Июня по 19 Августа 1861 г.; за отличие против горцев награждён орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом 1862 г. Декабря 5; за таковое же отличие произведён в Капитаны 1863 г. Октября 24; со старшинством с 1862 г. Октября 3; назначен командовать 3 эскадроном 1865 г. Марта 3; за отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 г. награждён орденом св. Анны 3 ст. с мечами и бантом 1865 г. Октября 25-го; на вакансию произведён в Майоры 1866 г. Июня 19; утверждён командиром эскадрона в том же году Ноября 5; за отличие по службе награждён орденом Св. Станислава 2 ст. 1868 г. Ноября 9, за таковое же отличие награждён орденом Св. Станислава 2 ст. с короною 1871 г. Сентября 22; сдал Эскадрон и утверждён командиром 1-го дивизиона и заведующим хозяйством в полку 1873 г. Мая 1-го, за отличие по службе произведён в Подполковники 1874 г. Апреля 8; сдал должность заведующего в полку хозяйством 1875 г. Марта 11; награждён орденом Св. Владимира 4 ст. с бантом для нехристиан, установленный за выслугу 25 лет в офицерских чинах 1876 г. Сентября 22-го; сдал должность командира 1-го дивизиона и командирован по распоряжению Начальства для командования Кубанским казачьим полком 1877 г. Июля 5; назначен командующим этим полком в том же году Июля 25; за отличие в сражении с Турками награждён золотою саблею с надписью за «храбрость» в 1877 г. Августа 30-го; за отличие в сражении с Турками Всемилостивейше пожалован орденом св. Анны 2 ст. с мечами в том же году Октября 31; за таковое же отличие в делах с Турками 2 и 3 Октября награждён орденом Св. Анны 2 ст. с мечами (Мусульманский) в том же году Декабря 14; сдал командование полком и возвращён к своему полку 1878 г. Января 26; назначен состоять при Кавказской Армии с зачислением по армейской кавалерии в том же году Декабря 24; Его Величеством королём Датским пожалован орден Данеброга Командорский крест 2 класса, на принятие и ношение которого последовало Высочайшее соизволение 1881 г. Октября 8; взамен вторично пожалованной 14 Декабря 1877 г. Св. Анны 2 ст. с мечами произведён в Полковники 1881 г. Октября 23; старшинство в чине Полковника отдано с 5 Октября 1877 г., о чём сообщено Главным Штабом 1882 г. Января 30; указом Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 11 Декабря 1889 г. за № 6020, Полковник Шихалиев с его женою Махи-Парваз и сыном Даудом причислены к Потомственному дворянству Тифлисской губернии 1889 г. Декабря 11; в гражданской службе и по выборам дворянства не служил. Всемилостивейших рескриптов и Высочайших благоволений не получал.

В отпусках был: в 2 месячном с сохранением содержания с 15 Ноября 1878 г. по 15 Января 1879 г.; в 28 дневном с содержанием с 20 Июля 1879 г.; возвратился 4 днями ранее срока; в 2-х месячном с 23 Мая 1880 г., отпуск этот продолжен ещё на 14 дней; возвратился в срок; за всё время этого отпуска содержание не производилось и 6% взносов в эмеритальную кассу не сделано, в 28 дневном с 23 Сентября по 6 Октября 1881 г.; в 14 дневном с 19 Июня 1882 г., продолжен срок отпуска ещё на 14 дней, возвратился того же года Июля 23; просрочил 6 дней, просрочка эта Начальством признана уважительной и на всё это время содержание было сохранено; в 14 дневном с 16 по 30 Сентября 1882 г.; в 3 месячном с сохранением содержания с 14 Августа 1883 г., возвратился 9 Ноября того же года, в 4 месячном без содержания и 6% взносов в эмеритальную кассу не сделано с 5 Июня по 30 Октября 1884 г., в 2 месячном с сохранением содержания с 24 Ноября 1888 г., возвратился в срок; в 28 дневном с 19 Января по 17 Февраля 1890 г. В отпуску для пользования ран, в плену у неприятеля по роду оружия без должности и в отставке не был.

Женат на дочери помещика Коллежского Регистратора Султан-Мухаммеда Алкина, девице Махи-Парваз, имеет сына Дауда, родившегося 24 октября 1881 г. и дочь Амину, родившуюся 25 Мая 1884 г. Жена и дети Магометанского закона.

Имущества родового или благоприобретённого не имеет.

В штрафах по суду, или без суда, а также под следствием не был.

В походах и делах находился в 1855–1856 гг. в Крымской компании против союзных войск с 1855 г. Августа 20 по 1856 г. Июля 1. В 1859 г. с 25 Февраля по 14 Апреля движение и действие Дагестанского отряда в Аух и Ичкерии; в продолжении этого времени были следующие дела и перестрелки: 2 Марта при следовании отряда к Зандаку, 3-го при рекогносцировке местности впереди Зандака, взятии неприятельского редута Зандак-Кала и уничтожении хуторов; 5 при сел. Гасан-Бек-Кенте; 10 – поражение скопищ неприятельских при сел. Баши-Юрт; 14 – при переселении жителей хуторов Агач-Отар и рекогносцировке к аулам Алерою и Саясану и Шамхал-Берды; 19 – при занятии леса на правом берегу Аксая между Аллероем и Шамхал-Берды; с 19 Марта по 5 Апреля при рубке просеки по направлению к Аулу Аллерою; 5 Апреля при движении и истреблении аулов Шамхал-Берды, Давлет-Бей-Отар, Новый Отар-Дербин Макх и Даван-Берды; 9 при отступлении отряда к Гайтмировским воротам 1859 г. Апреля 14; в том же году с 25 Мая по 1 Сентября в Главном Дагестанском Койсубулинском и в отдельных отрядах пере-

довой линии. В продолжении этого времени были следующие дела и перестрелки: 15 Июня при взятии Бурундук-Кальской башни; 16 – в Бурундук-Кальском ущелье; 18 – на Тавлинских горах; 26 – при движении к уроч. Чох; 24 Июля при занятии неприятельского укрепления Ириба; с 10 Августа под личным Начальством Главнокомандовавшего Кавказскою армиею при блокаде и 25 при взятии штурмом Гуниба и пленении Шамиля 1859 Сентября 1; в 1860 г. с 10 Апреля по 31-е Декабря занятие Адагумского отряда по устройству Адагумской кордонной линии и действие в земле Шапсугов.

В течении этого времени были следующие дела и перестрелки: 4 Июля во время рекогносцировки с частью отряда между рр. Шебином и Абином; 8 при уничтожении аулов по р. Бугундырю; 9 при движении одной части отряда для уничтожения аулов вверх по р. Абину, взятии с боя аула Кяуххико и уничтожении другою частью отряда аулов на р. Коафо; при осмотре места для покосов по дороге к уроч. Перу; 15 при разорении 12 аулов, лежавших в глубоких оврагах левого берега р. Коафо; 23 при покосе у аула Киох-Иок и уничтожении 3-х аулов; 28 – при обратном движении колонны посланной в укр. Крымское; 29 на покосе между курганом и р. Бугундырем и при уничтожении 2-х аулов на р. Бугундырю; 30 при рекогносцировке частью отряда покосных мест вниз по р. Бугундырю, 1 Августа при покосе на р. Бугундырю; 2 при покосе и производстве топографической съёмки на той же р.; 4 при движении части отряда с Адагумской кордонной линии; 5 при покосе у аула Киох-Иок и при входе в Адагумское ущелье; ночью с 6 на 7 при взятии с боя аула Мергаль на р. Абине; 8 – при движении колонны в Крымское укрепление и истреблении моста на р. Коафо; 9 – при производстве покоса у уроч. Перу; с 10 по 16 при покосе в окрестностях Абинского укреплённого лагеря; 16 – при нападении на табун, пасшийся у уроч. Перу и движении колонны в укрепл. Крымское на р. Шебик; 17 – на фуражировке в верховьях р. Коафо; 19 – при отступлении к лагерю колонны косившей сено на уроч. Перу; с 23 по 26 при взятии с боя аулов на уроч. Хауначук; 29 – при уничтожении 2 аулов на р. Анхтыре; 31 при рекогносцировке лесистой местности в направлении на р. Иль; ночью на 1 Сентября при движении части отряда к выходу р. Абина из ущелья и взятии с боя аула Одобрич при чём отбито у неприятеля одно орудие; 6 Сентября при уничтожении аулов и разных запасов между укр. Константиновским и Геленджикским; 11 Сентября при рекогносцировке восточного берега Чёрного моря частью войск под начальством Генерал Квартирмейстера Кавказской армии у бывшего Вельяминского укрепления; 11, 17 и 18 Сен-

тября при движении колонн на уроч. Айридж; 16 Сентября при истреблении 2 больших аулов, находившихся на одном из притоков р. Абина; 22 Сентября при взятии с боя аула Куй-Хабль, где было отбито у неприятеля орудие и истреблении аулов, расположенных по низовью р. Бугундыря; 23 Сентября при рекогносцировке правого берега р. Бугундыря; 26 при устройстве переправы через эту речку; 27 при рубке просеки; 28 Октября при набеге в ущелье р. Бугундыря; 30 Ноября при переходе отряда из укреплённого Абинского лагеря на р. Бугундырь; 1 Декабря при переходе отряда с р. Бугундыря на р. Антхирь; 3 на фуражировке в аулах, расположенных по ущелью Гукецекош; 14 Декабря при движении отряда вверх по р. Антхирю для уничтожения аулов, общей фуражировки и осмотра местности и 15 Декабря во время набега на р. Псежтеж для отбития скота и уничтожения аулов 1860 г. Декабря 31. В 1861 г. с 1 по 10 Января движение Адагумского отряда от Абина к р. Иль и обратно в Абинский укреплённый лагерь, при чём были перестрелки с неприятелем: 2, 3, 4, 5, 7, 8 и 9 Января; с 16 по 28 Января расположение в Абинском лагере; с 28 Января по 5 Февраля движение к укреплению Григорьевскому при перестрелках, с 5 по 9 пребывание отряда в укр. Григорьевском и окрестностях его; с 9 по 12 движение по р. Шебш и её притокам для уничтожения неприятельских аулов и возвращение к укр. Григорьевскому при жарких с неприятелем перестрелках; 14 движение Адагумского отряда в Кубань и роспуск его на зимовые квартиры; 8 Марта сбор части отряда у бывшего Ольгинского укрепления; с 8 по 18-е Марта осмотр местности и работы по исправлению сообщения от Ольгинского к Абину сопровождавшейся: 8, 9 и 15 чисел перестрелками на р. Аушец; 18 Марта сосредоточение отряда в Абинском лагере; 19 движение части войск вверх по Абину с целью отбросить неприятельские аванпосты; 22 движение отряда в Абинское ущелье и расположение там; с 22 Марта по 16 Апреля разработка дороги между Абинским укреплённым лагерем и бывшим Николаевским фортом; в течении этого времени были 25 Марта перестрелки при рекогносцировке Абинского ущелья и 29 жаркое дело при уничтожении неприятельских аулов в верховьях р. Бугундыря; с 16 Апреля по 8 Мая работы по исправлению дорог от Абинского лагеря к укреплению Крымскому, Николаевской поляне и посту Ольгинскому; с 8 по 11 Мая движение войск от Абинского лагеря и постов Ольгинского и Елинского к укреплению Ильинскому и р. Убину и потом к посту Великолагерному, для уничтожения неприятельских посевов; при чём во все дни были жаркие перестрелки; 13, 14, 15 и 16 Мая движение от поста Великолагерного в Абинский укреплённый лагерь с

перестрелками; с 20 по 25 Мая движение от Абинского укреплённого лагеря к Геленджикской бухте, при этом были следующие дела и перестрелки: 22 Мая при овладении неприятельскими позициями, преграждавшими доступ к поляне на хребте Кецегур; 23 при овладении многолюдным аулом в ущелье Адерби и при движении по ущелью; 24 при дальнейшем следовании к бывшему Геленджикскому укреплению и уничтожении аула Кецуко-Хабль; с 26 по 29 Мая обратное движение отряда чрез бывшее Кабардинское укрепление; при чём 27 была перестрелка; с 1 по 18 Июня движение отряда в разных направлениях на пространствах между Абином и Убином; при чём были перестрелки при истреблении неприятельских аулов и посевов; 1, 2 и 3 Июня по р. Антхырю; 4, 5 и 6 по р. Хаблю; 7 и 8 по р. Азипсу; 9 по р. Иль; 12 и 13 по рр. Азипсу и Малому Хаблю; 14 и 15 по р. Большому Хаблю; 16 по р. Антхырю; 17 при отражении значительной партии близ Абинского лагеря; с 18 Июня по 30 Июля занятие отряда по заготовлению фуража, причём были перестрелки: 2 Июля при набеге на аул Хуанак и истребление его; 15 при рекогносцировке по р. Бугундырю; 17 и 20 во время фуражировок; с 30 Июля по 2 Сентября работы по исправлению дороги через Небержайское ущелье; с 27 Сентября по 20 Октября занятие по разработке и исправлению дорог от укр. Крымского к Абинскому лагерю и от сего лагеря к Ольгинскому посту; с 27 Октября по 1 Января действия и занятия по разработке дорог от укрепления Крымского к укр. Варениковскому и бывшему Гастогаевскому и устройству оград вновь возведённых станиц Варениковской и Гастогаевской: 1861 г. Декабря 31; с 24 Декабря 1861 г. по 3-е Июня 1862 г. занятие войск по проложению дорог и просек и постройке станичных оград и постов в Натухайском округе; с 3 Июля по 31 Декабря действия на пространстве от Адагумской кордонной линии до рр. Иль и Пшады по обе стороны Кавказского хребта и занятия по устройству станичной ограды на Хабль, постов на этой реке и проложению дорог и просек на означенном пространстве: при чём были следующие дела и перестрелки; 3 Июня при передвижении лагеря с р. Адагума на р. Абин; 5, 6, 7 и 8 при наступательном движении по р. Хабль; 9 при следовании колонны в укреплённый Абинский лагерь; 12 при рекогносцировке от лагеря на р. Хабль к Кубани; 21, 22 и 23 при уничтожении неприятельских жилищ и посевов на р. Иль и Азипс, 4 и 5 Июля при движении части отряда по р. Адагуаф; 19 Июля при уничтожении частью войск отряда неприятельских посевов на р. Азипс; с 22 Июля по 11 Августа перестрелки при фуражировках; 2 Августа при движении колонны по направлению к р. Сухой-Хабль; 5 Августа при преследовании

хищников колонною расположенною на р. Аутец; 20 Августа при набеге на ур. Куропаш; 17 Сентября при атаке нашими охотниками партии Горцев, выехавшей на плоскость для уборки хлеба, сложенного в лесу близ р. Хабль; 14 Октября при движении в верховья р. Бугундырь с целью уничтожить в горах неприятельские поселения и вместе с сим ис[с]ледовать местность, предназначенную для заселения казачьими станицами; с 14 по 23 Октября при уничтожении аулов по Антхырю, Бугундырю, Абину, Шипсу и их притокам; с 25 Октября по 5 Ноября при движении из Абинского укр. и из Неберджайской станицы, с целью окончательно очистить от туземного населения пространство от Адагумского кордона по обе стороны Кавказского хребта до Абина и Мезиба; 17 и 18 Ноября при движении вверх по р. Хабль; с 20 по 24 при движении по р. Азипсу, Бугай и Иль; 27, 28 и 29 во время рекогносцировки рр. Азипса и Хабля; 8 Декабря во время рекогносцировки верховья Малого Хабля; 9 при фуражировке в ущелье Дагогоюк и одновременно при движении от ст. Крымской вверх по р. Абину и далее по рр. Коаф, Азипс и Куагуаф, для уничтожения уцелевших неприятельских аулов 1862 г. Декабря 31. В том же году на Адагумской, Анапской и Нижне-Кубанской кордонных линиях; 3 Октября при появлении Горцев близ ст. Неберджайской при нападении большого скопища на ст. Нижне-Баканскую, при чём Горцы после первоначального успеха были отражены и затем понесли большой урон от преследовавших войск и от колонны, вышедшей по тревоге из Абинского укр. лагеря в верховья Шипс и ставшей на пути отступления неприятеля; с 1 Января по 8 Декабря 1863 г. действия и занятия войск в земле Шапсугов, с целью окончательного утверждения на Северной и Южной покатостях западной части Кавказского хребта по рр. Иль и Шапухо, заселения местности от Адагумского поста до Иля, продолжение дорог и рубке пасек [надо: просек] на означенном пространстве: 1 Января при набеге, произведённом частью отряда в верховьях р. Азипса; 6 при движении отряда из Хабльского окопа в ущелье р. Хабль; с 7 по 13 при рубке просеки в верховьях этой реки; с 13 по 16 при уничтожении отдельными колоннами неприятельских аулов в верховьях р. Антхырь; 20 при движении отряда к р. Иль на уроч. Вонецук и при фуражировке на р. Мерзетх; 21 при уничтожении частями отряда неприятельских аулов на рр. Кончесюм, Мерзетх, Большой и Малый Иль; 23 при движении отряда с позиции при уроч. Вонецук к р. Убин на уроч. Цутз-Хабль и уничтожении неприятельских аулов на этом пути; 24 при уничтожении неприятельских аулов в верховьях р. Убина и в окрестностях горы Собер-Оиш; 25 при движении отряда в низовья р.

Убин к уроч. Чуйнак и на фуражировке; 26 при уничтожении неприятельских аулов между рр. Убином и Афипсом и Убином и Илем; с 10 по 17 Февраля при разработке дороги в верховьях р. Хабль; 26 при движении отряда в присутствии Его Императорского Высочества Главнокомандовавшего Кавказскою армией из Хабльской ст. через бывшее Ильское укрепление в укр. Григорьевское; 27 при движении вместе с Шебшским отрядом в присутствии Его Императорского Высочества Главнокомандовавшего Кавказскою армией из укр. Григорьевского к р. Уанубат; 28 жаркое дело при движении к р. Псекупс; 1 Марта при обратном движении к позиции на р. Уанубат; 3 при движении отряда на р. Афипс; с 3 по 16 при работах одной части отряда в верховьях р. Хабль; с 5 по 10 при уничтожении другою частью отряда неприятельских аулов между рр. Афипсом и Шебшем; 6 и 7 при уничтожении отдельными колон[н]ами неприятельских аулов на р. Бедчепс в ущельи Афипса; 10 и 11 при обратном движении отряда к Хабльскому окопу; 23 во время рекогносцировки верхнего течения р. Хабль, в направлении на хребет Папай; 24, 25 и 26 при рекогносцировке местности от верховий Хабля через Папай в долину Пшады; 27 при истреблении неприятельских аулов в ущельях притоков р. Хабля; 5 Мая при занятии частью отряда перевала на хребте Кецегур; 6 Мая на позиции на хребте Кецегур и при обратном движении с перевала; 13, 17 и 19 при движении охотничей команды для осмотра дорог в окрестностях Абина, на хребте Кецегур и в ущельи Адерби; 24 при рекогносцировке дороги в ущельях рр. Схабеда и Адерби; 29 при движении части отряда на р. Мезиб; 1 Июня при рубке просеки к ущелью р. Схабеды; 12 при уничтожении неприятельских жилищ на р. Иль; 18 Августа при движении отряда к истокам р. Адерби; 15 Октября при движении части отряда вверх по р. Пшаде и далее через возвышенность Самочупас, в ущелья р. Чуэпеина и при уничтожении неприятельских аулов на этом пути; 20 при рекогносцировке прямой дороги с позиции на р. Пшаде в ст. Мингрельскую; 26 и 27 при движении отряда по рр. Текос и Вулан и уничтожении неприятельских аулов в долинах этих рек; 28 при уничтожении неприятельских аулов частью отряда в верховьях Вулана и его притоков: Схоштоко и Нешуяк; 29 при уничтожении неприятельских аулов на реках Бжеду и Темепсу; 30 и 31 при движении к устью реки Джубы и вверх по этой реке на протяжении 7 ½ вёрст; 1 и 2 Ноября при движении отряда с позиции на р. Вулан в Пшадский укреплённый лагерь; 5 при истреблении неприятельских аулов между р. Пшадою и морем; 6, 7 и 8 при истреблении отдельными колон[н]ами неприятельских аулов между реками Пшадою и Мезибом; 12, 13, 14, 15 при истребле-

нии неприятельских аулов по обе стороны Главного хребта от верховьев р. Пшады до истоков р. Шебша; 18 при движении части отряда в верховьях реки Схоштоко и при истреблении неприятельских аулов между реками Вуланом и Бжидом; 19 и 20 при истреблении неприятельских аулов в устьях Бжеляко, Бжид и Джубы и между этими реками, а также при движении к устью Шапсухо и далее вдоль Морского берега по направлению к Шуапсухо и далее; Декабря 5 при наступлении части отряда вверх по левому притоку р. Нечепсухо-Псебе к истокам р. Туи-Небух, уничтожении неприятельского аула Небух и других и при движении вниз по р. Ту 1863 г. Декабря 18. В 1864 г. на Адагумской кордонной линии и Натухайском округе; с 5 по 15 Февраля поиски кордонных войск для очищения от туземного поселения местности на берегу моря от ущелья Мезиба до поста Цуковского и перестрелки бывшие при разновременных движениях колонн 1864 г. Февраля 15.

В 1877 и 1878 г. против Турок в составе войск, действовавшего корпуса на Кавказско-Турецкой границе; с 12 Апреля 1877 г. по 25 Октября 1878 г. и участвовал в 1877 г. 12 Апреля при переходе через границу главных сил корпуса, под начальством Генерал-Адъютанта Лорис-Меликова и в бывших при этом перестрелках, 16 в перестрелке кавалерии под Карсом, у Азат-Кева; с 16 по 19-е Апреля в поиске кавалерии под Начальством Генерал-Майора Князя Чавчавадзе, по южную сторону Карса к Саганлугу и преследовании части Карсского гарнизона; Мая 4 в рекогносцировке Северовосточных фортов Карса Генерал-Майором Комаровым 3-м и в деле кавалерии, под Начальством Свиты Его Величества Генерал-Майора Князя Челокаева, впереди укрепл. Карадаг; 8 в рекогносцировке форта Карадаг и Чахмахских высот Генерал-Майором Комаровым 3-м; 13 в деле кавалерии под начальством Генерал-Майора Лорис-Меликова у Магораджиха; 18 в деле кавалерии под Начальством Генерал-Майора Князя Чавчавадзе у сел. Бегли-Ахмет; 20 в усиленной рекогносцировке Шарахских и Чахмахских укреплений и местности перед ними Генерал-Адъютантом Лорис-Меликовым; 22 при установлении блокад Карса, 27 в рекогносцировке Генерал-Лейтенантом Гейманом Шарахских высот; Июня 3 в атаке 17 драгунского Северского Его Величества Короля Датского полка при вылазке войск Карсского гарнизона на лагерь колонны Генерал-Лейтенанта Геймана у сел. Авартана и Чифтлиха; 13 в бою отряда Генерал-Лейтенанта Геймана; под Зивином; 28 при прекращении бомбардирования и снятия блокады Карса; Июля 14 в рекогносцировке Генерал-Майором Лорис-Меликовым правого фланга расположения неприятеля на Аладжинских высотах у

разв. Ани; 16 при рекогносцировке Генерал-Адъютантом Лорис-Меликовым левого фланга неприятельского расположения у Визинкева и в кавалерийском деле у горы Б. Агны; 18 при занятии развалин г. Ани; 27 при рекогносцировке Полковником Рыдзевским центра Турецкого расположения у сел. Хаджи-Вали; Августа 2 в перестрелке у Ани; 6 в усиленной рекогносцировке Генерал-Адъютантом Лорис-Меликовым Аланджинской позиции турок; с 7 на 8 Августа в ночном деле кавалерии Генерал-Лейтенанта Князя Чавчавадзе у сел. Буланах; 13 в сражении под горой Кизиль-Тапа отряда под начальством Генерал-Лейтенанта Князя Чавчавадзе; Сентября 1-го в усиленной рекогносцировке Генерал-Майором Лорис-Меликовым расположения неприятеля у сел. Донала и на горе Инах-Тепеси; 20, 21 и 22 в трёхдневном сражении с Турецкой армией под Аладжинскими высотами и у гор Б. и М. Ягны, под Начальством Генерал-Адъютанта Лорис-Меликова и под личным руководством Его Императорского Высочества Главнокомандовавшего армиею; 27 в кавалерийском деле Генерал-Майора Лорис-Меликова у горы Инах-Тепеси; Октября 3 при поражении Турецкой армии на Аладжинских высотах войсками действовавшего корпуса под Начальством Генерал-Адъютанта Лорис-Меликова и под личным руководством Его Императорского Высочества Главнокомандовавшего армиею; 5 в перестрелке кавалерии с частями войск Карсского гарнизона у сел. Магараджиха; 8 при втором обложении кр. Карса; с 5 на 6 Ноября при штурме кр. Карса частью войск, действовавшего корпуса под Начальством Генерал-Адъютанта Лорис-Меликова и под непосредственным руководством Его Императорского Высочества Главнокомандовавшего армией и в 1878 г. по сдаче Кубанского казачьего конного полка, находился в распоряжении Командовавшего Карсским отрядом Генерал-Лейтенанта Лазарева до расформирования отряда, т. е. с 20 Июня по 25 Октября. Ранен и контужен не был. Особых поручений сверх прямых обязанностей по Высочайшему повелению и от своего Начальства не имел. В службе Генерала сего не было обстоятельств, лишающих права на получение знака отличий беспорочной службы, или отдаляющих срок выслуги к сему знаку. Высочайшим приказом тысяча восемьсот девяностого года Марта 14 дня Полковник Махмут Шихалиев произведён в Генерал-Майоры с увольнением от службы с мундиром и пенсией из Государственного Казначейства в размере полного оклада по восьмисот шестидесяти рубл. и из эмеритальной кассы военно-сухопутного ведомства по одной тысяче сто двадцати девяти рубл. в год. В удостоверение всего вышеизложенного и дан ему указ сей за подписом моим с приложением казённой печати 22 Мая 1890 г.

Тифлис.

[далее перечислены все исправления в формулярном списке и добавления, сделанные на каждой странице]

За отсутствием Начальника Штаба Кавказского военного Округа Генерал-Майор Гаврилов, Старший Адъютант Подполковник (подпись неразборчива). Указ, данный уволенному от службы Генерал Майору Махмуту Шихалиеву. За помощника Старшего Адъютанта Коллежский Ассесор (подпись неразборчива) (печать штаба Кавказского военного округа).

[далее печатный штамп, с вписанными в него чернилами сведениями]

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю верность этой копии с подлинником её предъявленным мне, Петру Тимофеевичу Дрожжину, С.-Петербургскому Нотариусу, в Конторе Моей Московской части, Невский пр. 73 [?, не ясно], Генерал Майором Махмутом Шихалиевым, живущим в С.-Петербурге Николаевская улица № 7. [далее перечислены все исправления в формуляре]. Подлинник гербовым сбором оплачен в 3 руб. 20 коп. 1913 года Февраля 20 дня. По реестру № 1363. Копия эта не оплачена гербовым сбором на основании 73 ст. герб. устава.

Нотариус (Дрожжин)

Три печати нотариуса Петра Дрожжина

С этой копии Дрожжин в Санкт-Петербурге выдал ещё две копии г-ну Шихалиеву 4 июля 1913 г. и г. Шейхалиевой 5 августа 1913 г.

И.Р. Габдуллин

Богадинская волость – кузница кадров татарской интеллигенции Уфимской губернии

Среди волостей Уфимской губернии конца XIX – начала XX вв. особое место занимает Богадинская волость Белебеевского уезда. В 1887 г. в состав волости входили следующие населённые пункты: Богады – 993 души (527 муж., 466 жен.), Арсланово – 1087 (605 муж., 482 жен.), Буздяк – 1072 (543 муж., 529 жен.), Устюба – 998 (465 муж., 533 жен.), Кыска-Илга – 495 (223 муж., 272 жен.), Шланлыкулево – 1380 (842 муж., 538 жен.), Токтагулово – 1370 (617 муж., 753 жен.), Бикметово – 850 (443 муж., 407 жен.), Бишкураз – 1285 (633 муж., 652 жен.), Ермунчино – 765 (352 муж., 413 жен.), Актово – 1059 (566 муж., 493 жен.), Ураново – 682 (383 муж., 299 жен.), Уразайбаш – 1208 (545 муж., 663 жен.), Сабанаево – 433 (212 муж., 221 жен.), Ново-Амирово – 469 (245 муж., 224 жен.), Байряшево – 581 (302 муж., 279 жен.), Каран – 840 (462 муж., 378 жен.), Ново-Каргалино – 256 (151 муж., 105 жен.), Булатово-Бакаево – 446 (200 муж., 246 жен.), Саны-Ильчимбет – 732 (381 муж., 351 жен.), Старо-Амирово – 192 (98 муж., 94 жен.), поселок Ташлы-Кульский – 174 (91 муж., 83 жен.), Сыртлановка – 92 (55 муж., 37 жен.)[1].

Богадинская волость была одной из самых густонаселённых в Белебеевском уезде (3-е место в уезде). Одной из главных особенностей волости являлось проживание в ней большого количества дворян из татар.

Появление татарского привилегированного слоя в составе российского дворянства связано с опубликованием указа императрицы Екатерины II 22 февраля 1784 г. «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства». Начиная с 1790 г. в дворянском достоинстве был утверждён ряд татарских княжеских и мурзинских родов Уфимского наместничества, ранее переселившихся из Пензенской и Тамбовской губерний (Темниковский, Красно-слободский и ряд других уездов). В настоящее время потомков тех переселенцев зовут «тюменцами» (наименование происходит от названия города Темникова, вблизи которого большинство из них проживало). В Белебеевском и ряде соседних уездов образовались целые районы с «тюменским» населением вокруг тех или иных селений. Здесь можно назвать Старо-Калмашевский и

[1] См.: НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 900. В материалах по народонаселению учитывалось только крестьянское население без дворян.

Буздякский кусты селений с жителями – переселенцами с Темниковской стороны. Вокруг Буздяка «тюменцы» также обосновались в деревнях Шланлыкулево, Батырша-Кубово, Копей-Кубово, Тлякей-Кубово, Новые Каргалы, Устюба.

Среди дворянских родов из татар проживавших в Богадинской волости можно назвать следующие династии: деревни Буздяк (ныне село Старый Буздяк) – Еникеевы, Кудашевы, Маматовы, Мамлеевы, Муратовы, Шихмаметевы; Арсланово – Яушевы; Новые Каргалы – Дивеевы, Еникеевы, Мамлеевы, Терегуловы; Ташлыкулево – Кудашевы, Мамлеевы; Шланлыкулево – Мамлеевы. Вместе с ними в этих же селениях проживало и множество других родов из татарских князей и мурз, которые не смогли подтвердить своё дворянское происхождение и оставались в сословии государственных крестьян. Среди них можно назвать роды Акчуриных, Байтеряковых, Дашкиных, Дулатовых, Ефаевых. Кальметьвых, Кугушевых, Кудояровых, Кулунчаковых, Сакаевых, Утяшевых, Янтудиных и др.[1]

Селения Богадинской волости с «тюменским», в т. ч. дворянским населением были достаточно зажиточными. Так, по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. из 360 дворов в д. Буздяк в 66 имелось 10 и более десятин посевов[2]. Проводилась в Буздяке и ежегодная ярмарка с 6 по 13 декабря. Базарные дни приходились на вторник[3]. О Буздякской ярмарке писал в конце XIX века выдающийся российский географ В.П. Семёнов-Тян-Шанский, отмечая, что она «замечательная по значительному пригону скота; привоз товаров на последнюю достигает 530 т. р.»[4]. Основными предметами торговли на ярмарке и базарах являлись сельскохозяйственные товары: зерно, мука, крупа, мясо, мёд, яйца, живой скот (лошади, коровы, овцы, козы), кожа, шерсть, дрова. Купцы привозили для продажи сукно, разноцветные валенки, сапоги яловые, хромовые и из шеврета, разного рода деликатесы, чай и прочее. Несомненно, в качестве обязательного товара на ярмарке всё чаще предлагались книги, календари, игрушки.

Важным событием в жизни Богадинской волости стало от-

---

[1] *Габдуллин И.Р.* Формирование татарского дворянства в конце XVIII – первой половине XIX веков // На пути к возрождению / сост. М.У. Сюндюков, А.Г. Терегулов. Уфа, 2018. С. 12–14.

[2] НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 686.

[3] *Кудашев Р.Ш., Габдуллин И.Р.* История рода князей Кудашевых. Уфа, 2013. С. 74.

[4] См.: *Семёнов-Тян-Шанский В.П., Штрупп Н.М.* Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып. IV. Центральная хлеботорговая полоса. СПб., б. г. С. 406–415.

крытие в 1860-е гг. мужского одноклассного училища в д. Буздяк, находившегося в ведении Министерства народного просвещения. Первоначально на содержание училища ежегодно отпускалось 350 руб. Преподавал в училище в 1880-е гг. местный уроженец Кинзекеев, окончивший три класса Оренбургской татарской учительской школы (жалованье 300 руб. в год). В 1885/86 учебном году в школе обучалось 24 чел.[1] В 1892 г. в школе занималось 22 ученика, из них пятеро закончили полный курс обучения. Вероучителем в это время был Нигматулла Кальметьев, а преподавателем Кудашев Гадельгарей Мухаметгареев (на преподавательской работе с 1 июля 1878 г.). Позднее в школе преподавал также Мамлеев Миннигарей Хайруллович (с 1 августа 1901 г.)[2]. В конце XIX в. в Буздяке упоминается наличие и земского женского училища, в котором работала Файзуллина. На нужды училища и заработную плату учительнице земством отпускалось 420 руб.[3] К 1911 г. учителями здесь были Тайчинова и Правоторова (обе окончили по пять классов гимназии)[4].

Заметным явлением стало открытие в Буздяке в 1905 г. земством на время полевых работ в целях охраны здоровья детей от эпидемических болезней и травматизма детских ясельприюта. Работой яслей руководили местные учителя и врачи[5].

Главными событиями общественной жизни в Российской империи второй половины XIX в. стали Великие реформы 1860-х гг. Была ликвидирована кантонная система управления в Башкирии. Вместо военно-административной структуры создавалось волостное крестьянское самоуправление. Одной из главных стала земская реформа 1864 г., в Уфимской губернии земские учреждения были введены с 1874 г.

Именно благодаря земству в крае стало уделяться пристальное внимание народному образованию, медицинскому обслуживанию населения. К 1914 г. в Богадинской волости были открыты следующие земские начальные училища: Актовское (смешанное; учителя – Габдулмазитов и Михайлов), Актовское (женское), Бишкуразовское (женское; Губеева), Богадинское

[1] Система народного и в частности инородческого образования в Казанском крае. СПб., 1886. С. 47.

[2] НА РБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 10. Л. 2; Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания с приложениями. XVIII очередное собрание 1892 года. Уфа, 1893. С. 206.

[3] Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания с приложениями. XXV очередное собрание 1899 года. Белебей, 1900. С. 276.

[4] *Азаматова Г.Б.* Уфимское земство (1874–1917 гг.): социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. Уфа, 2005. С. 205.

[5] История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. I. Уфа, 2006. С. 115.

(женское; Николаева), Буздяковское (женское), Карановское (мужское; Сунчаев, Кучуркин), Каргалинское (женское; Гринёва, Еникеева), Крым-Сараевское (смешанное; Кузнецов, Кошолкина), Михайло-Ташкупырское (смешанное; Вяткин), Моисеевское (смешанное; Сергачёва), Санлы-Ильчембетевское (женское), Ташлыкулевское (мужское; Халфин), Уразайбашевское (мужское), Шланлыкулевское (женское; Шейхальисламова, Кузина). Имелись в волости и министерские училища: Бишкуразовское (мужское; Кудашев, Попов), Богадинское (мужское; Байтеряков, Коземаслов), Буздяковское (мужское; Кудашев Гадельгарей, Мамлеев, Кудашев), Каргалинское (мужское; Сюндюков, Терегулов, Еникеев), Киска-Илгинское (смешанное; Илларионов), Санны-Ильчимбетевское (Абдулханнанов), Шланлыкулевское двухклассное (мужское; Эделев, Дашкин, Сыртланов, Сакаев)[1]. Имелись и народные библиотеки в волости. Каргалинской районной библиотекой заведовал в это время дворянин Еникеев Шагибек Гизатуллович, а Буздякой библиотекой – член Белебеевской уездной земской управ Сакаев Шагибек Нигаметдинович[2].

Образование татарское население, как правило, начинало получать в местных земских училищах. В этой связи большое значение для более качественного обучения имело открытие в 1911 г. в д. Новые Каргалы 4-классного городского училища, в 1912 г. оно стало именоваться как Высшее начальное училище[3].

Интересными являются данные об образовании учителей Белебеевского уезда. Так, по сведениям на 1912 г. шланлыкулевские учителя двухклассного училища имели следующее образование: Байтеряков Хайрулла Гизатуллович – окончил Белебеевское городское училище, Дашкин Якуп Нурмухаметович и Сакаев Гизитдин Нигматуллович – то же училище и педагогический класс при нём. В д. Арсланбеково Чукадытамакской волости преподавал Еникеев Хабибулла Нигматуллович, закончивший Казанскую татарскую учительскую школу, Оренбургскую татарскую учительскую школу окончил учитель Тузлукушевского земского училища Яфаев Давлетша Абдулвагапович[4]. Большинство учителей в русско-татарских (башкирских) училищах образование получали в Белебеевском городском училище и педагогическом классе этого же училища. По данным на лето 1918 г. в Белебеевской учительской семинарии в приготовительный класс были приняты, судя по фамилиям, ряд уроженцев Богадинской волости: Кальметьевы Губейдулла и Гумер, Еникеев Акрам, Куту-

[1] *Азаматова Г.Б.* Указ. соч. С. 203–221.
[2] Там же. С. 226, 229.
[3] *Мамлеев М.Ш., Мамлеев Р.Ф.* Каргалинские корни. Уфа, 2003. С. 116.
[4] НА РБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об. – 10.

ев А., Кутушев Валиулла, Кудашев Муса, Мамлеев Минниахмет, Чанборисов Хайрулла, Яушев Гайнулла. Среди кандидатов в приготовительный класс показаны: Яфаев Макарим, Кутуев Карамутдин и Кутушев Шарафзян[1].

Ряд уроженцев Богадинской волости преподавали в земских училищах в других волостях губернии или же служили в различных губернских учреждениях. Так, уроженец д. Буздяк Яфаев Рахметзян Валиахметович в 1910-е гг. преподавал в д. Каран Каръявдинской волости[2]. С 1908 г. в земском училище в д. Верхнее Аташево Имянликулевской волости работал уроженец д. Новые Каргалы Сюндюков Гали Низамутдинович, в д. Кандры-Кутуево Чукадытамакской волости – уроженец д. Шланлыкулево дворянин Мамлеев Ильяс Ибрагимович (с 1909 г.), в д. Каракучуково Старо-Калмашевской волости – уроженец д. Новые Каргалы дворянин Терегулов Гадельгарей Зинатуллович, в Старо-Калмашево той же волости – Терегулов Абубакир Бикмухаметович[3]. Этот перечень можно продолжить. Ряд уроженцев волости служили на различных должностях в губернской администрации. Так, в Уфе служили Кудашев Мухаметгарей Салимгареевич из д. Буздяк (губернский секретарь)[4], Мамлеев Сайфетдин Шамсутдинович (коллежский регистратор), его сын Шагибек состоял в Палате Гражданского и уголовного суда, Ибрагим Мамлеев был становым приставом в Златоустовском уезде[5].

Многие уроженцы волости внесли заметный вклад в образование и культуру Уфимской губернии. Имена их были широко известны в соседних регионах, да и в Российской империи в целом. Таковым являлся, например, Габдуллатиф Хабибуллович Байтеряков (1873–1951). Родился он в д. Шланлыкулево, окончил начальную русско-татарскую школу и в 1887 г. поступил в Оренбургскую русско-татарскую учительскую школу. С 1894 г. служил в армии, ушёл в запас в 1899 г. в звании унтер-офицера. После службы в армии работал в Давлекановском лесничестве, вплоть до повторного призыва на русско-японскую войну в 1904–1905 гг. С 1908 г. заведующий по военно-конской повинности, с 1911 г. счетовод в Богадинском волостном правлении (годовое жалованье 400 руб.). Гласный Белебеевского уездного земского собрания.

---

[1] Там же. Д. 55. Л. 25, 26.
[2] Там же. Д. 33. Л. 34.
[3] Там же. Д. 14. Л. 1 об. – 10.
[4] Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 886. Л. 27 об.
[5] *Сюндюков М.У.* Буздякские корни. Ч. 2. Уфа, 2017. С. 92–93.

Фото начала 1950-х гг. Г.Х. Байтеряков (справа) со своей женой и дочерьми (верхний ряд слева направо: Закия, Асма, Галия). В первом ряду его зять Г.Ш. Мамлеев.

В 1912 г. Г.Х. Байтеряков был избран в IV Государственную Думу от Уфимской губернии, входил в мусульманскую фракцию, где сотрудничал с Еникеевым и Тевкелевым. После возвращения в д. Шланлыкулево Уфимской губернии работал счетоводом и активно занимался садоводством, имел обширную домашнюю библиотеку, насчитывавшую полный комплект томов энциклопедии Брокгауза и Ефрона, добротный бревенчатый дом и современную по тем временам мебель, привезённую из Северной столицы. После Октябрьской революции Габдуллатиф Байтеряков отошёл от государственной деятельности и работал в общественных и кооперативных организациях в Уфе (1920–1921 гг.), в Буздякском хлебозаготовительном пункте. В 1924–1929 гг. он бухгалтер Буздякского кредитного товарищества).

В 1929-1933 гг. Г.Х. Байтеряков находился в ссылке в Архангельске. После возвращения вместе с семьей поселяется в Уфе и до конца дней своих работал бухгалтером в Уфимском авиатехникуме (1933–1951 гг.). Он похоронен на мусульманском кладбище Уфы.

Мухаррям (Мухаррем) Халилрахманович Кальметев, просветитель татарского и башкирского народов, родился 24 января 1863 г. в дер. Буздяк Белебеевского уезда. Отец Мухарряма работал в Уфе, в промышленном заведении у купца Александра Фёдоровича Мамина, владевшего мыловаренным заводом, кон-

дитерской и крендельной фабрикой. Мать Амина работала в деревне.

В 1870 г. семья навсегда переехала в Уфу. В возрасте восьми лет Мухаррем начал учиться в мусульманской школе, где обучался канонам исламской религии и изучением языков – арабского и фарси.

В 12 лет Мухаррем поступил в аптеку Г.М. Штехера, работал в заведении фруктовых и искусственных минеральных вод. Вместе с аптекарскими учениками трудился в лаборатории по приготовлению лекарств, изучая одновременно латинские буквы. Видя у мальчика огромную тягу к знаниям, аптекарь предложил отцу отдать его в Уфимскую татарскую учительскую школу, где велась подготовка будущих учителей русских классов при мектебе и медресе и русско-татарских (башкирских, казахских) училищ. В то время она располагалась в Уфе (ул. Гоголя, д. 68), но, по причине якобы сильного влияния магометанского духовенства и низкого уровня преподавания и знания выпускниками русского языка, школу в 1876 г. переводят в Оренбург.

В октябре 1882 г., после окончания Оренбургской татарской учительской школы и получив звание начального учителя, был назначен преподавателем в д. Старо-Дюмеево Каръявдинской волости Белебеевского уезда. С 1884 г. Мухаррем инспектировал инородческие школы Троицкого уезда. В 1888 г. получил назначение в Тунгатаровскую русско-башкирскую школу Троицкого уезда Оренбургской губернии.

5 июня 1898 г. Мухаррем Халилрахманович был награжден серебряной медалью «За усердие» на Александровской ленте для ношения на груди. В 1912 г. за заслуги в области народного просвещения получил звание (сословие) «потомственный почётный гражданин». В октябре 1913 г. его назначили на должность учителя русского языка и литературы в двухгодичное русско-татарское училище города Троицка. С 30 октября 1913 г. Мухаррем стал заведующим училища.

М. Кальметьев преподавал русский язык в шестилетней национальной татарской школе «Сююмбика», открытой под попечительством благотворительного общества «Жамгыяте Хайрия». Он активно пропагандировал русский язык и литературу среди татарского и башкирского населения. Будучи секретарём му-

сульманского сиротского приюта, занимался большой общественной деятельностью. Приют входил в состав Троицкого мусульманского благотворительного общества, основанного наиболее образованной и состоятельной частью жителей. Троицкое мусульманское благотворительное общество не только оказывало материальную поддержку беднейшему населению, но и вносило посильный вклад в повышение культурного уровня горожан.

Как чиновник, состоявший на государственной службе, в 1914 г., награждён юбилейной медалью «В память 300-летия царствования дома Романовых». В 1919 г. его избрали членом попечительского совета Троицкой женской гимназии. С 1922 г. заведовал мусульманскими советскими школами города, одновременно являясь секретарем 2-го отдела просвещения национальных меньшинств при Троицком уездном отделе народного образования. Умер М.Х. Кальметьев в расцвете творческих сил в 1923 г. от тифа[1].

Ещё одной яркой фигурой являлся Адильгарей (Гадельгарей) Мухаметгареевич Кудашев (1854 г. р.), уроженец д. Уйбулатово Белебеевского уезда Оренбургской губернии (ныне Чекмагушевский район РБ). В 1876 г. он закончил Оренбургскую учительскую школу и сразу был назначен преподавателем в д. Урметово Куручевской волости. С 1877 г. преподает в русском классе медресе в Оренбурге. С 1885 г. переведён на должность учителя мужского одноклассного училища в д. Буздяк Богадинской волости Белебеевского уезда, где преподавал вплоть до советской власти.

В отчётах уездной земской управы о преподавательской деятельности А.М. Кудашева говорится, что: «с приездом А.М. Кудашева училище возсияло и симпатия населения к училищу росла, как семя, брошенное в почву». Адильгарей Мухаметгареевич широко использовал в педагогической практике переводы текстов классиков русской литературы на татарский язык. Впервые ввёл вечернюю форму обучения для детей, занятых в дневное время сельскохозяйственными работами. Многие воспитанники А.М. Кудашева поступили в городские учебные заведения и гимназии. 30 его питомцев, в т. ч. два сына (Хусаин, Ильдархан) стали учителями. В неоднократных ходатайствах о поощрении его педагогических заслуг в Белебеевском уездном земском собрании отмечалось, что он «как первый светоч в области народного просвещения»[2].

Этот список можно продолжить именами депутата Госу-

[1] *Сюндюков М.У.* Буздякские корни. Ч. 1. Уфа, 2017. С. 295–297, 435–439.
[2] *Кудашев Р.Ш., Габдуллин И.Р.* Указ. соч. С. 102.

дарственной Думы Гайсы Еникеева, адвоката Калимуллы Терегулова и его внука статского советника с многолетним педагогическим стажем Ибрагима Терегулова и многих других.

Таким образом, можно констатировать, что Богадинская волость Белебеевского уезда Уфимской губернии являлась одним из центров народного образования среди мусульманского населения. Получив начальное образование в родном крае, многие из татар и башкир продолжали обучение в городах Уфимской, Казанской и Оренбургской губерний. По своему социальному статусу будущие учителя и иные служащие в немалой степени происходили из дворян.

М.И. Роднов

Уфимские студенты в Московском университете

Одним из редких источников, используемых при изучении региональной истории, являются списки студентов российских университетов XIX – начала XX вв. Эти сведения показывают процесс формирования отечественной интеллектуальной элиты, степень развития местного начального образования, дают важные сведения генеалогического характера.

Изучение данного источника постепенно привлекает внимание. В интернете, кроме баз данных выпускников последних десятилетий, уже выложены отдельные сведения по наиболее выдающимся студентам прошлого. В Википедии доступна информация по выпускникам Императорского Московского университета за несколько лет[1]. Такие же выборочные сведения имеются по Казанскому университету, ряду других вузов[2].

Среди научных публикаций выделяются работы кандидата биологических наук, сотрудника МГУ М.В. Леонова, который в своих статьях привёл данные по воронежским студентам[3].

Списки студентов – сложный источник. Изначально подобные списки представляли собой внутреннюю документацию и самые ранние издания являются библиографической редкостью, которые отсутствуют даже в ведущих библиотеках страны. Не случайно, на списке студентов Московского университета за 1850–1851 гг. наклеен листочек: «Антикварная Книжная Торговля П.В. Шибанова Москва»[4].

Кроме того, эти маленького формата книжечки содержат лишь краткую информацию по студентам: имя, фамилия, из какого звания, где прежде обучался. Из Оренбургской гимназии в 1850 г. в Московском университете никого не было. А в справочнике по Санкт-Петербургскому университету на 1866 г. вообще отсутствуют географические сведения[5].

---

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki.

[2] См., напр.: Знаменитые универсанты: очерки о питомцах Санкт-Петербургского – Петроградского – Ленинградского университета: Именной указатель [Авт.-сост.: М.В. Ходяков, О.А. Ходякова]. СПб., 2002; мн. др.

[3] *Леонов М.В.* Базы данных по студентам Московского университета как источник для воронежского краеведения // Из истории воронежского края. Вып. 24 / ответ. ред. А.Н. Акиньшин. Воронеж, 2017 (здесь историография).

[4] Список студентов Императорского Московского университета на 1850/51 Академический год. Б. м. и г.

[5] Список гг. профессоров, преподавателей и студентов Императорского С. Петербургского университета на 1866/67 учебный год. СПб., 1866.

Далеко не все вузы Империи выпускали подобные справочники, сильно различались помещавшиеся материалы и форма их подачи. Лишь в конце XIX в. часть университетов перешла к достаточно регулярной публикации списков своих студентов.

По Московскому университету просмотрены списки студентов с 1901 по 1915 гг. и выбраны студенты, кто происходил родом из Уфы и Уфимской губернии, обучался в Уфимской мужской гимназии или иных учебных заведениях края.

Изучение списков студентов было не простым делом по ряду причин. Увеличивалась общая численность обучавшихся. Если к 25 декабря 1901 г. в Московском университете числилось 4362 студента[1], то к 1 января 1916 г. на всех факультетах состояло уже 11 184 студента[2]. Избежать пропусков становилось моей основной целью.

В каждом списке сведения о ранее поступивших студентах повторялись, иногда менялась печатавшаяся информация. Если в 1900-е гг. указывался семестр, то затем только факультет. Обилие данных приводило составителей сборников к сокращениям, которые сейчас не очень ясны.

Ниже приводятся списки всех уфимских студентов, обучавшихся в Московском университете (уроженцы нашей губернии или учившихся здесь). Не указаны семестры. Так как абсолютное большинство студентов являлись православными, то религиозная принадлежность проставлена только у представителей иных конфессий (остальные по умолчанию православные).

Персональные данные указаны только при поступлении, в следующие годы – лишь фамилия и, если имеются, различные замечания, добавления. Историко-филологический факультет в московских справочниках указывался как «Фил.», что сохранено в таблицах. Порядковый номер введён мною. Начиная со студентов, поступивших в университет в 1909 г., стали указываться номера дипломов гимназий и год окончания учёбы. Здесь эти сведения опущены, за небольшими исключениями.

После фамилии, имени и отчества записан один из факультетов (в сокращении: Ест., Юр., Мед., Мат., Фил.), сословие, год и место рождения. В третьей графе таблиц указано место предыдущего обучения, из какой гимназии поступил студент, с наградами, если имелись.

Персональные данные открывают массу новой информа-

[1] Алфавитный список студентов Императорского Московского университета за 1901–902 академический год. М., 1901. Ведомость о числе студентов.

[2] Алфавитный список студентов и посторонних слушателей Императорского Московского университета за 1915–1916 академическ. год. М., 1916. Ведомость о числе студентов.

ции. Например, на 1900 г. в Московском университете на естественном факультете (отделении) обучался сын коллежского советника Василий Васильевич Завьялов, родившийся в Москве в 1874 г., но закончивший Уфимскую гимназию в 1890-е гг.

Это сын педагога, библиографа, редактора «Оренбургских губернских ведомостей» в 1850-е гг. Василия Васильевича Завьялова и Серафимы Петровны (урождённой Угличининой). Семья в 1860-е гг. покинула Уфу[1].

Оказывается, Завьяловы проживали в столице, где появился на свет Василий. И на московском же Ваганьковском кладбище похоронили отца, Василия Васильевича Завьялова (5 марта 1824 – 15 октября 1873)[2]. Затем вдова с детьми вернулась в Уфу, где сын долгое время преподавал.

Уфимские студенты в Московском университете

Уфимские студенты в 1901–1902 учебном году[3]			
№	Студент, факультет, сословие, год и место рождения	Место обучения	Год поступления
1	Боголюбов Александр Васильевич, Ест., сын статского советника, 1875, Уфа	Саратовская гимназия	1894
2	Жирнов Сергей Семёнович, Ест., сын коллеж. советника, 1882, Уфим. губ.	Уфимская гимназия	1901
3	Завьялов Василий Васильевич, Ест., сын колл. сов., 1874, Москва	Уфимская гимназия	1897
4	Катаринский Владимир Васильевич, Юр., сын чиновн., 1879, Уфим. губ.	Оренбург. гимн., зол. медаль, бывш. студент Киев. ун-та	1900
5	Лопатинский Борис Львович, Фил., сын дейст. статс. советника, 1881, Уфа	Тифлисская 1-я гимназия	1899
6	Ляуданский Юрий Никодимович, Ест., потомств. дворянин, 1879, Уфа	Уфимская гимн. сер. медаль	1898
7	Медведев Сергей Иванович, Юр., сын личн. почёт. гражд., 1878, Москва	Уфимская гимназия	1898
8	Менчинский Владимир Феофилович, Мед., катол., с. ст. сов., 1876, Воронеж	Уфимская гимназия	1897

[1] *Ребелинский А.С.* Родословная Рода Ребелинского (публикация М.И. Роднова) // Река времени. 2018 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2018. С. 34–37.

[2] *Великий князь Николай Михайлович.* Московский некрополь. Т. I (А–I). СПб., 1907. С. 455.

[3] Алфавитный список студентов Императорского Московского университета за 1901–902 академический год. С. 23, 82, 84, 104, 137, 140, 148, 149, 156, 163, 174, 180, 184, 187, 209, 212, 217, 225, 227, 257, 264, 266.

9	Мохнин Феодор Иванович, Мед., единоверец, мещанин, 1878, Уральск	Уфимская гимназия	1897
10	Несмелов Пётр Аркадьевич, Мед., сын коллежского секретаря, 1874, Уфа	Екатеринбург. гимназия	1896
11	Панов Сергей Владимирович, Ест., потомственный дворянин, 1880, Уфа	Симбирская гимн. зол. мед.	1899
12	Пикачев Сергей Николаевич, Мат., сын статс. советника, 1882, Уфа	Уфимская гимн. зол. медаль	1900
13	Покровский Аполлоний Васильевич, Мат., сын диакона, 1876, Юрьевск.	Уфимская гимназия	1900
14	Понырко Михаил Николаевич, ест., сын чиновника, 1874, Уфа	Симбир. гимн., бывш. студент Казан. ун-та	1898
15	Сахаров Василий Александрович, Мед., мещ., 1882, Ставрополь	Уфимская гимназия	1901
16	Сахаров Михаил Васильевич, Мед., мещ., 1880, Ставрополь	Уфимская гимназия	1898
17	Серебровский Сергей Павлович, Ест., пот. почёт. гражд., 1879, Минск	Уфимская гимназия	1897
18	Смирнов Донат Андреевич, Ест., сын колл. секр., 1882, Уфимская губерния	Екатеринослав. гимназия	1901
19	Стеблин-Каменский Григорий Евгеньевич, Мед., сын д.с.с., 1876, Томск	Уфимская гимназия	1896
20	Стрижёв Григорий Алексеевич, Юр., пот. дворянин, 1881, Златоуст	Пермская гимн., бывш. студ. Моск. ун-та	1898
21	Чернавский Владимир Николаевич, Мед., сын колл. совет., 1877, Уфим. губ.	Уфимская гимназия	1896
22	Шестаков Александр Васильевич, Ест., мещ., 1876, станица Илецкая	Уфимская гимназия	1897
23	Шляев Николай Яковлевич, Мед., сын надвор. советника, 1879, Коканд	Уфимская гимназия	1898
Уфимские студенты в 1902–1903 учебном году[1]			
1	Жирнов Сергей Семёнович		
2	Костерин Владимир Павлович, Мат., купец, 1881, Уфа	Уфимская гимназия	1902
3	Лопатинский Борис Львович		
4	Ляуданский Юрий Никодимович		
5	Матвеев Павел Владимирович, Юр., сын д.с.с., 1881, Уфа	Уфимская гимназия	1902
6	Менчинский Владимир Феофилович		
7	Мохнин Фёдор Иванович		
8	Панов Сергей Владимирович		
9	Пикачев Сергей Николаевич		

[1] Алфавитный список студентов Императорского Московского университета за 1902–903 академический год. М., 1902. С. 76, 112, 134, 137, 144, 146, 155, 174, 180, 211, 214, 220, 226, 228, 233, 270.

10	Сахаров Михаил Васильевич		
11	Серебровский Сергей Павлович		
12	Смирнов Донат Андреевич		
13	Сосновцев Анатолий Петрович, Фил., из обер-офицер. детей, 1880, Самара	Уфимская гимназия	1902
14	Стрижёв Григорий Алексеевич		
15	Таланин Василий Ильич, Фил., сын священника, 1876, Уфимская губерния	Москов. духов. академия	1902
16	Шляев Николай Яковлевич		
	Уфимские студенты в 1903–1904 учебном году[1]		
1	Бурдуков Владимир Афанасьевич, Фил., потом. почёт. гражд., 1881, Оренб. губ.	Уфимская гимназия	1903
2	Гудков Владимир Васильевич, Юр., сын колл. совет., 1882, Уфимская губерния	Уфимская гимназия	1903
3	Жирнов Сергей Семёнович		
4	Катаринский Владимир Васильевич		
5	Коровкин Сергей Михайлович, Юр., сын купца, 1883, Уфа	Уфимская гимназия	1903
6	Матвеев Павел Владимирович		
7	Морозов Пётр Дмитриевич, Юр., сын купца, 1884, Уфимская губерния	Уфимская гимназия	1903
8	Панов Сергей Владимирович		
9	Пикачев Сергей Николаевич		
10	Сахаров Василий Александрович		
11	Сахаров Михаил Васильевич		
12	Смирнов Донат Андреевич		
13	Сосновцев Анатолий Петрович		
14	Стрижёв Григорий Алексеевич		
15	Таланкин Василий Ильич		
16	Шляев Николай Яковлевич		
	Уфимские студенты в 1904–1905 учебном году[2]		
1	Бурдуков Владимир Афанасьевич		
2	Гудков Владимир Васильевич		
3	Жирнов Сергей Семёнович		
4	Катаринский Владимир Васильевич		
5	Коровкин Сергей Михайлович		
6	Морозов Пётр Дмитриевич		
7	Ножин Сергей Владимирович, Юр., сын статского советника,1885, Уфа	Сувалкская гимназия	1904

[1] Алфавитный список студентов Императорского Московского университета за 1903–904 академический год. М., 1904. С. 32, 67, 86, 111, 125, 162, 175, 197, 203, 238, 248, 255, 259, 264, 308.

[2] Алфавитный список студентов Императорского Московского университета за 1904–1905 академический год. М., 1905. С. 34, 72, 92, 119, 133, 187, 199, 209, 253, 254, 258, 265, 282, 325.

8	Панов Сергей Владимирович		
9	Сахаров Василий Александрович		
10	Сахаров Михаил Васильевич		
11	Серебровский Сергей Павлович, Юр., п.п.г., 1879, Минск	Уфим. гимн., прослушал курс естеств. наук	1897
12	Смирнов Донат Андреевич		
13	Таланкин Василий Ильич		
14	Шляев Николай Яковлевич		
Уфимские студенты в 1907–1908 учебном году[1]			
1	Вавилов Борис Павлович, Юр., сын купца, 1886, Уфимская губерния	Бывш. студент СПб. ун-та	1907
2	Агишев Всеволод Николаевич, Юр., сын свящ., 1885, Уфимская губерния	Екатеринбург. гимназия	1905
3	Анфилов Борис Иосафович, Юр., дворянин, 1882, Уфа	Михайловский Воронежский кадет. корпус	1907
4	Архангельский Аполлоний Михайлович, Юр., сын свящ., 1880, Златоуст. уезд	Уфим. духовная семинария	1905
5	Архангельский Павел Владимирович, Юр., сын статс. советн., 1882, Уфа	Бывш. студ. Казан. ун-та	1907
6	Архангельский Павел Михайлович, Юр., сын свящ., 1885, Златоустовский уезд	Троицкая гимназия	1905
7	Болдырев Борис Николаевич, Мед., единоверец, сын статс. советн., 1885, Златоуст	Калужская Николаевская гимназия	1906
8	Вознесенский Алексей Николаевич, Мед., сын протоиерея, 1888, Уфа	Московская 1-я гимназия	1906
9	Вознесенский Феодор Николаевич, Фил., сын протоиерея, 1887, Уфа	Московская 1-я гимназия	1905
10	Горшенин Константин Павлович, Юр., мещ., 1886, Уфимская губерния	Уфимская гимназия	1906
11	Гудков Владимир Васильевич, Златоуст		
12	Дворжец Яков-Шмуил Хаимович, Юр., иудей, мещанин, 1880, Минск	Уфимская гимназия	1906
13	Киснемский Владимир Иванович, Юр., сын дворянина, 1880, Уфимская губ.	Уфимская гимназия	1906
14	Коровкин Сергей Михайлович		
15	Лобода Александр Васильевич, Юр., сын коллежск. советн., 1887, Полтава	Уфимская гимназия	1907
16	Медведев Борис Николаевич, Ест., мещ., 1878, Тамбовская губерния	Уфимская гимназия	1907

[1] Алфавитный список студентов Императорского Московского университета за 1907–1908 академическ. год. М., 1908. С. 3, 4, 13, 16, 17, 39, 72, 100, 107, 111, 178, 192, 231, 252, 269, 286, 301, 306, 328, 357, 363, 370, 380, 442.

17	Морозов Пётр Дмитриевич, Бирск		
18	Ножин Сергей Владимирович		
19	Панов Сергей Владимирович		
20	Перцов Дмитрий Петрович, Юр., потомственный дворянин, 1890, Уфа	Реальное училище Воскр.[1]	1907
21	Привалов Назарий Иванович, Юр., сын крест., 1885, Уфимская губерния	Уфимская гимназия	1906
22	Савин Александр Никонович, Юр., единоверец, сын кол. асс., 1878, Урал	Уфимская гимназия	1906
23	Сахаров Василий (Александрович)		
24	Серебровский Сергей Павлович		
25	Смирнов Донат Андреевич		
26	Худяков Константин Николаевич, Мед., дворянин, 1888, Уфа	Симбирская гимн. сереб. мед.	1907
Уфимские студенты в 1908–1909 учебном году[2]			
1	Агишев Всеволод Николаевич		
2	Анфилов Борис Иосафович		
3	Вавилов Борис Павлович		
4	Вознесенский Алексей Николаевич		
5	Вознесенский Феодор Николаевич		
6	Горшенин Константин Павлович		
7	Гудков Владимир Васильевич		
8	Дворжец Яков-Шмуил Хаимович		
9	Киснемский Владимир Иванович		
10	Коровкин Сергей Михайлович		
11	Лебедев Павел Яковлевич, Мат., сын купца, 1887, Пенза	Уфимская гимназия	1908
12	Лобода Александр Васильевич		
13	Медведев Борис Николаевич		
14	Морозов Пётр Дмитриевич		
15	Ножин Сергей Владимирович		
16	Панов Сергей Владимирович		
17	Перцов Дмитрий Петрович		
18	Привалов Назарий Иванович		
19	Смирнов Донат Андреевич		
20	Худяков Константин Николаевич		
Уфимские студенты в 1909–1910 учебном году[3]			
1	Агишев Всеволод Николаевич		
2	Анфилов Борис Иоасафович		

[1] Видимо, имеется в виду реальное училище К.П. Воскресенского, основанное в 1871 г. в Москве.

[2] Алфавитный список студентов Императорского Московского университета за 1908–1909 академическ. год. М., 1908. С. 5, 17, 69, 89, 123, 131, 137, 217, 234, 266, 277, 302, 321, 342, 358, 364, 390, 447, 522.

[3] Алфавитный список студентов и посторонних слушателей Императорского Московского университета за 1909–1910 академическ. год. М., 1909. С. 5, 19, 43, 55, 77, 90, 99, 125, 133, 154, 262, 266, 311, 340, 403, 412, 443, 506, 538, 560, 587.

3	Берноф Феодор Гисбертович, Мед., мещ., 1890, Уфимская губерния	Московская 10-я гимназия	1909
4	Болдырев Борис Николаевич		
5	Вавилов Борис Петрович		
6	Вагнер Виктор Петрович, Мед., сын потомств. дворянина, 1890, Златоуст	Харьковская 2-я гимн. зол. м.	1908
7	Виллиус Пётр Евгений Оскарович, Ест., еванг.-лютер., гражд., 1888, Оренбург	Уфимская гимназия	1907
8	Вознесенский Алексей Николаевич		
9	Вознесенский Феодор Николаевич		
10	Гладков Константин Михайлович, Мат., сын купца, 1890, Самара	Уфимская гимназия	1909
11	Гопиус Николай Александрович, Мат., сын колл. советн., 1889, Уфа	Троицкая гимназия	1909
12	Дворжец Яков-Шмуил Хаимович		
13	Киснемский Владимир Иванович		
14	Коровкин Сергей Михайлович		
15	Котлецов Сергей Васильевич, Юр., сын колл. советн., 1889, Мензелинск	Уфимская гимназия	1909
16	Лобода Александр Васильевич		
17	Медведев Борис Николаевич		
18	Падалка Пётр Петрович, Юр., сын дворянина, 1892, Уфа	Моск. реал. училище Мазинга[1]	1909
19	Перцов Дмитрий Петрович		
20	Привалов Назарий Иванович		
21	Смирнов Донат Андреевич		
22	Тамплон Иван Константинович, Мед., сын крест., 1888, Уфимская губерния	Елабужское реал. учил.-1907	1909
23	Тушнов Вадим Владимирович, Мат., мещанин, 1892, Москва	Уфимская гимн. сер. мед.	1909
24	Худяков Константин Николаевич		
Уфимские студенты в 1910–1911 учебном году[2]			
1	Анфилов Борис Иоасафович		
2	Берноф Феодор Гисбертович		
3	Борис Мечислав Иосифович, Юр., католик, сын колл. совет., 1888, Уфим. губ.	Уфимская гимназия	1910
4	Вавилов Борис Петрович		
5	Вагнер Виктор Петрович		
6	Виллиус Пётр Евгений Оскарович		
7	Вознесенский Алексей Николаевич		

[1] В 1877 г. Карл Карлович Мазинг (1849–1926), инженер и педагог, открыл в Москве частное реальное училище, с 1897 г. – «Коммерческое училище К.К. Мазинга».

[2] Алфавитный список студентов и посторонних слушателей Императорского Московского университета за 1910–1911 академическ. год. М., 1910. С. 20, 47, 61, 82, 96, 104, 141, 144, 163, 202, 273, 278, 282, 299, 329, 416, 421, 427, 432, 438, 470, 495, 537, 572, 587, 605, 615, 623, 661.

8	Гопиус Николай Александрович		
9	Горшенин Константин Павлович		
10	Дворжец Яков-Шмуил Хаимович		
11	Зайков Владимир Сергеевич, Ест., сын купца, 1890, Уфа	Моск. ком. учил. зол. медаль[1]	1910
12	Кононов Василий Иванович, Ест., сын мещанина, 1891, Уфа	Уфимская гимназия	1910
13	Коровкин Сергей Михайлович		
14	Котлецов Сергей Васильевич		
15	Кузнецов Константин Алексеевич, Ест., сын купца, 1888, Стерлитамак	Уфимская гимн.-1906	1910
16	Лобода Александр Васильевич		
17	Логинов Михаил Александрович, Фил., сын чиновн., 1879, Урал. (Уральск?)	Уфимская гимназия	1910
18	Оленин Михаил Егорович, Мат., мещ., 1889, Самара	Уфимская гимназия	1910
19	Осипов Николай Семёнович, Юр., сын мещ., 1890, Казанская губерния	Уфимская гимназия	1910
20	Падалка Пётр Петрович		
21	Паршин Константин Андреевич, Мат., сын чиновн., 1892, Уфа	Моск. реал. учил. Мазинга-1909	1910
22	Перцов Дмитрий Петрович		
23	Привалов Назарий Иванович		
24	Россинский Владимир Евгеньевич, Юр., потомств. дворянин, 1890, Уфа	Уфимская гимназия	1910
25	Смирнов Донат Андреевич		
26	Тамплон Иван Константинович		
27	Худяков Константин Николаевич		
28	Томашевский Пётр Алоизиевич, Ест., католик, сын колл. советн., 1891, Уфа	Самарская гимназия	1910
29	Фенин Анатолий Константинович, Фил., крест., 1890, Уфимская губерния	Уфимская гимн. зол. мед.	1910
30	Хайкин-Кушнер Наум Нахман, Юр., еванг.-лютер., мещ., 1876, Витебск	Уфимская гимн.-1901	1910
31	Штехер Геннадий Геляриевич[2], Ест., мещ., 1891, Уфа	Сызранское реал. училище[3]	1910

[1] Московское коммерческое училище, диплом № 1062 1910 г., золотая медаль, дополнительные испытания в Московском учебном округе, диплом № 536-1910 г. После окончания учебных заведений, не дававших права на прямое поступление в университет, выпускники сдавали дополнительные испытания по ряду предметов, после которых можно было поступить в университет. Испытания принимали в гимназиях и учебных округах.

[2] Одновременно в Московском университете на историко-филологическом факультете учился Сергей Гиляриевич Штехер, сын провизора, род. в 1886 г. в Саратовской губернии. Свидетельство зрелости получил в Московской 3-й гимназии в 1909 г. и тогда же поступил в университет.

[3] Сызранское реальное училище, диплом № 413-1910 г., дополнительные испытания в Симбирской гимназии, диплом № 623-1910 г.

Уфимские студенты в 1911–1912 учебном году[1]			
1	Барсов Сергей Константинович, Мат., пот. почёт. гражд., 1880, Казань	Уфимская гимназия	1911
2	Бернгоф Феодор Гисбертович		
3	Борис Мечислав Иосифович		
4	Брусов Андрей Иванович, Мед., крест., 1891, Уфимская губерния	Уфимская гимн. зол. мед.	1911
5	Вагнер Виктор Петрович		
6	Вениаминов Юрий Николаевич, Мат., потомств. почётн. гражд., 1892, Уфа	Серпуховская гимназия	1911
7	Виллиус Пётр Евгений Оскарович		
8	Вознесенский Алексей Николаевич		
9	Гопиус Николай Александрович		
10	Горшенин Константин Павлович		
11	Дворжец Яков-Шмуил Хаимович		
12	Зайков Владимир Сергеевич		
13	Кононов Василий Иванович		
14	Коровкин Сергей Михайлович		
15	Котлецов Сергей Васильевич		
16	Кречетов Николай Матвеевич, Фил., сын свящ., 1891, Уфимская губерния	Уфимское реал. училище[2]	1911
17	Кузнецов Константин Алексеевич		
18	Куликовский Григорий Григорьевич, Мат., сын статс. советн., 1892, Лубны	Уфимская гимназия	1911
19	Логинов Михаил Александрович		
20	Лопатто Стефан Валерианович, Ест., католик, дворянин, 1889, Уфа	Костромская гимназия[3]	1911
21	Мельников Никифор Иванович, Фил., крест., Стерлитамакский уезд	Св. зр. М.У.О.[4]	1911
22	Михалевский Владимир Васильевич, Юр., кол. секр., 1871	Уфимская гимн.-1901	1911
23	Никольский Константин Геннадиевич, Юр., сын протоиерея, 1892, Оренб. губ.	Уфимская гимназия	1911
24	Осипов Николай Семёнович		
25	Падалка Пётр Петрович		
26	Паршин Константин Андреевич		
27	Перцов Дмитрий Петрович		
28	Прокофьев Василий Платонович,	Рязанская	1910[5]

[1] Алфавитный список студентов и посторонних слушателей Императорского Московского университета за 1911–1912 академическ. год. М., 1911. С. 35, 39, 43, 54, 57, 63, 75, 83, 88, 96, 129, 133, 149, 186, 252, 256, 260, 267, 276, 278, 305, 306, 337, 347, 376, 391, 396, 400, 406, 438, 459, 460, 496, 497, 501, 530, 532, 556, 560, 563, 572, 580, 606, 616.

[2] Свидетельство Уфимского реального училища № 175-443-1910 г., дополнительное испытание в Уфимской гимназии № 537-1911 г.

[3] Свидетельство зрелости Костромской гимназии № 1388-911 г.

[4] Свидетельство зрелости Московского учебного округа № 624-1910 г.

[5] Но в списке за 1910 г. В.П. Прокофьев не выявлен.

	Мед., сын колл. секр., 1891, Бирск	2-я гимназия	
29	Россинский Владимир Евгеньевич		
30	Рубинский Борис Александрович, Юр., сын протоиерея, 1891, Уфа	Уфимская гимназия	1911
31	Смирнов Владимир Алексеевич, Юр., сын купца, 1887, Уфа	Уфимская гимназия	1911
32	Снегирёв Анатолий Иванович, Фил., сын статс. советн., 1890, Уфимск. губ.	Нижегородская гимназия	1911
33	Соббев Афанасий Иванович, Ест., болгарский подданный, 1878, Болгария	Уфим. дух. семинария	1911
34	Серовиков Анатолий Васильевич, Мат., горн. техн., 1891, Уфимская губерния	Уфимская гимн.-1910	1911
35	Тамплон Иван Константинович		
36	Усманов Габдуларий Хайруллич, Мед., магом., пот.поч. гр., 1889, Стерлитамак	Уфимская гимн.-1910	1910
37	Фальковский Николай Владимирович, Юр., сын священника, 1892, Бирск	Уфимская гимназия	1911
38	Фенин Анатолий Ксенофонтович		
39	Хайкин-Кушнер Наум Нахман		
40	Худяков Константин Николаевич		
41	Худяков Николай Николаевич, Юр., сын пот. двор., 1892, Уфимская губ.	Симбирская гимназия	1911
42	Шестаков Алексей Михайлович, Юр., сын священника, 1891, Бирск	Уфимская гимназия	1911
43	Штехер Геннадий Гиляриевич		
44	Безкишкин Георгий Васильевич, Мат., сын кол. советн., 1891, Бирский уезд	Смоленская гимназия	1911
45	Смиренин Владимир Сергеевич, Ест., сын статс. сов., 1892, Стерлитамак	Нижегородская гимназия	1911
46	Болдырев Борис Николаевич		
	Уфимские студенты в 1912–1913 учебном году[1]		
1	Барсов Сергей Константинович		
2	Безкишкин Георгий Васильевич		
3	Бернгоф Феодор Гисбертович		
4	Болдырев Борис Николаевич		
5	Борис Мечислав Иосифович		
6	Брусов Андрей Иванович		
7	Вагнер Виктор Петрович		
8	Вениаминов Юрий Николаевич		
9	Виллиус Пётр-Евгений Оскарович		
10	Вознесенский Пётр Николаевич, Юр., сын священника, 1892, Уфа	Московская 1-я гимназия	1912

[1] Алфавитный список студентов и посторонних слушателей Императорского Московского университета за 1912–1913 академическ. год. М., 1913. С. 31, 35, 38, 46, 49, 54, 65, 72, 77, 84, 114, 115, 126, 130, 136, 161, 198, 220, 224, 228, 232, 235, 242, 244, 268, 269, 296, 305, 307, 331, 345, 350, 387, 406, 407, 415, 438, 442, 443, 470, 493, 496, 499, 514, 545.

11	Горшенин Константин Павлович		
12	Гофстрем Георгий Феликсович, Ест., сын полковника, 1888, Уфа	Моск. реал. уч. Мазинга[1]	1912
13	Гусельников Иван Аркадьевич, Юр., сын статс. советн., 1894, Самара	Уфимская гимназия	1912
14	Дворжец Яков-Шмуил Хаимович		
15	Дмитриев Александр Валерианович, Юр., мещанин, 1893, Уфа	Самарская 1-я гимназия	1912
16	Зайков Владимир Сергеевич		
17	Кононов Василий Иванович		
18	Кононов Сергей Иванович, Юр., сын мещанина, 1892, Уфа	Уфимская гимназия	1912
19	Коноплёв Михаил Яковлевич, Юр., сын коллеж. секр., 1890, село Тепляково	Уфимская гимназия	1912
20	Коровкин Сергей Михайлович		
21	Котлецов Сергей Васильевич		
22	Красносельцев Михаил Владимирович, Мат., сын свящ., 1890, Уфимская губ.	Уфимская дух. семин.[2]	1912
23	Кречетов Николай Матвеевич		
24	Кузнецов Константин Алексеевич		
25	Куликовский Григорий Григорьевич		
26	Логинов Михаил Александрович		
27	Лопатто Стефан Валерианович		
28	Мельников Никифор Иванович		
29	Михалевский Владимир Васильевич		
30	Мозжухин Фёдор Глебович, Юр., сын купца, 1893, Оренбургская губерния	Уфимская гимназия	1912
31	Никольский Константин Геннадиевич		
32	Осипов Николай Семёнович		
33	Падалка Пётр Петрович		
34	Прокофьев Василий Платонович		
35	Россинский Владимир Евгеньевич		
36	Рубинский Борис Александрович		
37	Садовников Иван Иванович, Юр., сын канц. служ., 1890, Уфа	Реальное учил. в Уфе[3]	1912
38	Смиренин Владимир Сергеевич		
39	Снегирёв Анатолий Иванович		
40	Соббев Афанасий Иванович		
41	Тамплон Иван Константинович		
42	Усманов Габдуларий Хайруллич		

[1] Московское реальное училище Мазинга 1908-№ 272, дополнительное испытание по латинскому языку – Московский учебный округ 1912 г. № 1095.

[2] Уфимская духовная семинария, диплом 1910-№ 685, дополнительное испытание по математике, физике, немецкому языку в Казанской 1-й гимназии, диплом 1912-№ 734.

[3] Реальное училище в Уфе, диплом № 142-436-910, дополнительные испытания в Оренбургской гимназии, диплом № 98-912.

43	Фальковский Николай Владимирович		
44	Фенин Анатолий Ксенофонтович		
45	Фенин Николай Константинович, Юр., крест., 1893, Уфимская губерния	Уфимская гимназия	1912
46	Худяков Константин Николаевич		
47	Худяков Николай Николаевич		
48	Штехер Геннадий Гиляриевич		
49	Касимовский Александр Васильевич, Ест., сын чиновника, 1894, Стерл. уезд	Уфимская гимназия	1912
Уфимские студенты в 1913–1914 учебном году[1]			
1	Барабаш Георгий Михайлович, Мат., сын статс. сов., 1895, Могилёв	Уфимская гимназия	1913
2	Барсов Сергей Константинович		
3	Безкишкин Георгий Васильевич		
4	Бернгоф Феодор Гисбертович		
5	Болдырев Борис Николаевич		
6	Борис Мечислав Иосифович		
7	Брусов Андрей Иванович		
8	Вениаминов Юрий Николаевич		
9	Вознесенский Пётр Николаевич		
10	Гофстрем Георгий Феликсович		
11	Гусельников Иван Аркадьевич		
12	Дмитриев Александр Валерианович		
13	Зайков Владимир Сергеевич		
14	Иванов Николай Николаевич, Мат., сын титулярного советника, 1892, Смоленск	Уфимская гимназия	1913
15	Касимовский Александр Васильевич		
16	Кононов Василий Иванович		
17	Кононов Сергей Иванович		
18	Коноплёв Михаил Яковлевич		
19	Коровкин Сергей Михайлович		
20	Костылев Сергей Филиппович, Юр., мещ., 1894, Уфимская губерния	Оренбургская гимн.-1912	1913
21	Красносельцев Михаил Владимирович		
22	Кречетов Иван Матвеевич, Юр., сын свящ., 1894, Уфимская губерния	Уфимская гимназия	1913
23	Кузнецов Константин Алексеевич		
24	Куликовский Григорий Григорьевич		
25	Лезенков Николай Васильевич, Фил., сын свящ., 1895, Уфимская губерния	Уфимская гимназия	1913

[1] Алфавитный список студентов и посторонних слушателей Императорского Московского университета за 1913–1914 академический год. [М.], 1914. С. 24, 26, 29, 32, 38, 40, 43, 59, 68, 92, 100, 109, 130, 143, 158, 175, 179, 181, 185, 187, 193, 195, 208, 215, 234, 235, 242, 244, 256, 262, 272, 276, 280, 312, 318, 319, 326, 344, 347, 361, 368, 370, 386, 388, 390, 403, 407, 412, 427.

26	Лопатто Стефан Валерианович		
27	Медзыблоцкий Витольд-Станислав Эдуардович, Юр., католик, пот. двор., 1892, Брянский уезд	Уфимская гимн.-1911	1913
28	Мельников Никифор Иванович		
29	Михалевский Владимир Васильевич		
30	Мозжухин Фёдор Глебович		
31	Некрасов Андрей Михайлович, Юр., купец, 1892, Уфимская губерния	Уфимская гимназия	1913
32	Никольский Константин Геннадиевич		
33	Осипов Николай Семёнович		
34	Падалка Пётр Петрович		
35	Паршин Константин Андреевич		
36	Рашковский Семён Григорьевич, Юр., мещанин, 1889, Николаев	Уфимская гимн.-1909	1913
37	Россинский Владимир Евгеньевич		
38	Рубинский Борис Александрович		
39	Рубинский Александр Александрович, Ест., сын протоиерея, 1895, Уфа	Уфимская гимн. сер. мед.	1913
37	Садовников Иван Иванович		
38	Смиренин Владимир Сергеевич		
39	Снегирёв Анатолий Иванович		
40	Соббев Афанасий Иванович		
41	Стрежнев Владимир Михайлович, Юр., сын статс. сов., 1890, Мензелинск	Костромская гимн.-1911	1911
42	Тамплон Иван Константинович		
43	Телисницкий Борис Клавдиевич, Юр., сын дворянина, 1893, Уфа	Уфимская гимназия	1913
44	Усманов Габдуларий Хайруллич		
45	Фальковский Николай Владимирович		
46	Фенин Анатолий Ксенофонтович		
47	Фенин Николай Константинович		
48	Худяков Константин Николаевич		
49	Худяков Николай Николаевич		
50	Чижов Константин Дмитриевич, Юр., сын колл. регистр., 1893, Уфим. губ.	Уфимская гимн. зол. мед.	1913
51	Штехер Геннадий Геляриевич		
52	Чеботарёв Лев Александрович, Ест., сын надв. сов., 1890, Херсон. губерния	Уфимское реал. уч.[1]	1913
Уфимские студенты в 1914–1915 учебном году[2]			

[1] Уфимское реальное училище, диплом 909 г. № 106/708. Самарская 1-я гимназия (дополнительные испытания), диплом 910. № 1256.

[2] Алфавитный список студентов и посторонних слушателей Императорского Московского университета за 1914–1915 академическ. год. М., 1915. С. 25, 27, 31, 34, 46, 47, 66, 72, 83, 98, 108, 117, 126, 140, 152, 170, 183, 188, 195, 199, 201, 208, 210, 214, 224, 231, 247, 252, 254, 255, 262, 264, 275, 277, 280, 284, 303, 326, 340, 347, 348, 355, 374, 378, 394, 404, 421, 424,

1	Барабаш Георгий Михайлович		
2	Барсов Сергей Константинович		
3	Безкишкин Георгий Васильевич		
4	Бернгоф Феодор Гисбертович		
5	Брусов Андрей Иванович		
6	Будаев Иван Титович, Мед., крест., 1896, Оренбург	Уфимская част. гимн.[1]	1914
7	Виноградов Евгений Иванович, Юр., сын учителя, 1895, Оренбургская губ.	Уфимская гимназия	1914
8	Вознесенский Пётр Николаевич		
9	Гарлицкий Чеслав Антонович, Юр., католик, сын надв. сов., 1893, Урал. обл.	Уфимская част. гимн.[2]	1914
10	Гофстрем Георгий Феликсович		
11	Гусельников Иван Аркадьевич		
12	Гусельников Яков Аркадьевич, Юр., сын статс. сов., 1895, Симбирск	Уфимская гимназия	1914
13	Дмитриев Александр Валерианович		
14	Дудкин Николай Григорьевич, Юр., сын кол. асс., 1896, Уфимская губерния	Азовская гимназия	1914
15	Зайков Владимир Сергеевич		
16	Иванов Николай Николаевич		
17	Касимовский Александр Васильевич		
18	Козырев Александр Андреевич, Фил., сын крест., 1894, Уфимская губерния	Петровская гимназия	1914
19	Кононов Василий Иванович		
20	Кононов Сергей Иванович		
21	Коноплёв Михаил Яковлевич		
22	Костылев Сергей Филиппович		
23	Красносельцев Михаил Владимирович		
24	Кречетов Иван Матвеевич		
25	Кузнецов Константин Алексеевич		
26	Куликовский Григорий Григорьевич		
27	Кутлин Дмитрий Владимирович, Мат., сын мещанина, 1894, Уфа	Уфимская гимназия	1914
28	Лезенков Николай Васильевич		
29	Лопатто Стефан Валерианович		
30	Мартыновский Александр Николаевич, Мед., сын статс. советн., 1893, Уфа	Виленская част. гимн.[3]	1914
31	Медзыблоцкий Витольд-Станислав Эдуардович		
32	Мельников Никифор Иванович		
33	Менчинский Владимир Викторович,	Уфимская	1914

426, 429, 430, 434, 440, 446, 451, 468.

[1] Уфимская частная гимназия Верниковской и Ница, диплом № 214-914 г.

[2] Уфимская частная гимназия Верниковской и Ница, диплом № 213-914 г.

[3] Виленская частная гимназия Виноградова, диплом № 25-143-914 г.

	Юр., пот. двор., 1893, Уфимская губ.	гимназия	
34	Михалевский Владимир Васильевич		
35	Мозжухин Фёдор Глебович		
36	Наумов Сергей Владимирович, Юр., сын чиновн., 1894, Стерлитамак	Уфимская гимназия	1914
37	Некрасов Андрей Михайлович		
38	Нехорошев Анатолий Константинович, Юр., мещанин, 1893, Оренбург	Уфим. гимн. Верниковской	1914
39	Никольский Константин Геннадиевич		
40	Паршин Константин Андреевич		
41	Постников Иван Павлович, Юр., сын колл. регистр., 1894, Уфимская губерн.	Уфимская гимназия	1914
42	Рашковский Семён Григорьевич		
43	Россинский Владимир Евгеньевич		
44	Рубинский Борис Александрович		
45	Рубинский Александр Александрович		
46	Садовников Иван Иванович		
47	Смиренин Владимир Сергеевич		
48	Снегирёв Анатолий Иванович		
49	Соббев Афанасий Иванович		
50	Стрежнев Владимир Михайлович		
51	Телисницкий Борис Клавдиевич		
52	Усманов Габдуларий Хайруллич		
53	Фальковский Николай Владимирович		
54	Фенин Анатолий Ксенофонтович		
55	Фенин Николай Константинович		
56	Фокин Василий Степанович, Мат., сын надворн. советн., 1893, Петроград	Уфимская гимн.-1913	1914
57	Фосс Николай Евгеньевич, Мед., сын статс. советн., 1896, Уфимская губ.	Воронежский кадет. корп.[1]	1914
58	Хапугин Константин Семёнович, Юр., мещанин, 1892, Бирск	Св. Уфим. реал. учил.[2]	
48	Худяков Константин Николаевич		
49	Худяков Николай Николаевич		
50	Чижов Константин Дмитриевич		
51	Штехер Геннадий Геляриевич		
52	Чеботарёв Лев Александрович		
Уфимские студенты в 1915–1916 учебном году[3]			

[1] Воронежский кадетский корпус, диплом № 2803-913 г., дополнительные испытания в Воронежской 2-й гимназии, диплом № 754-914 г.

[2] Свидетельство Уфимского реального училища № 282-512-912 г., дополнительные испытания в Испытательной комиссии Оренбургского учебного округа, диплом № 291-913 г.

[3] Алфавитный список студентов и посторонних слушателей Императорского Московского университета за 1915–1916 академическ. год. М., 1916. С. 5, 20, 29, 34, 50, 52, 68, 70, 74, 79, 91, 119, 130, 139, 154, 169, 171, 186, 189, 204, 210, 211, 218, 223, 225, 226, 235, 239, 250, 259, 271, 275, 281,

1	Азанкин Владимир Романович, Фил., сын крест., 1894, Уфа	Св. Вифанск. дух. семин.[1]	1915
2	Артёмов Владимир Алексеевич, Фил., сын надворн. советн., 1897, Уфим. губ.	Симбирская 1-я гимназия	1915
3	Барабаш Георгий Михайлович		
4	Безкишкин Георгий Васильевич		
5	Бромс Августин Петрович, Юр., сын крест., 1894, Лифляндская губерния	Уфимская гимн. Верник[2].	1915
6	Будаев Иван Титович		
7	Вейерсберг Донат Рейнгардович, Юр., сын надворн. советн., 1896, Уфим. губ.	Пермская гимназия	1915
8	Вениаминов Юрий Николаевич[3] Серпуховская гимн., серебр. медаль		
9	Виноградов Евгений Иванович		
10	Вознесенский Пётр Николаевич		
11	Гарлицкий Чеслав Антонович		
12	Гусельников Иван Аркадьевич		
13	Гусельников Яков Аркадьевич		
14	Дмитриев Александр Валерианович		
15	Дудкин Николай Григорьевич		
16	Зайков Владимир Сергеевич		
17	Иванов Николай Николаевич		
18	Изергин Аполлон Алексеевич, Юр., сын священника, 1888, Уфимская губерния	Св. Уфим. дух. семин.[4]	1915
19	Караулов Владимир Антониевич, Юр., пот. двор., 1896, Уфимская губерния	Нижегород. двор. ин-т[5]	1915
20	Касимовский Александр Васильевич		
21	Козырев Александр Андреевич		
22	Козырев Борис Андреевич, Юр., сын письмоводителя, 1896, Уфимская губ.	Петровская гимназия	1915
23	Коновалов Александр Георгиевич, Юр., мещанин, 1893, Москва	Уфим. гимн. Верниковск.[6]	1915
24	Кононов Василий Иванович		
25	Кононов Сергей Иванович		
26	Коноплёв Михаил Яковлевич		
27	Костылев Сергей Филиппович		
28	Красносельцев Михаил Владимирович		

283, 292, 293, 307, 308, 310, 314, 358, 373, 377, 381, 383, 387, 391, 411, 415, 416, 432, 435, 450, 466, 469, 470, 474, 481, 487, 492, 508.

[1] Свидетельство Вифанской духовной семинарии 4 кл. № 1009-915 г. Вифанская духовная семинария находилась при Спасо-Вифанском монастыре Троице-Сергиевой лавры, открыта в 1797 г.

[2] Уфимская гимназия Верниковской и Ница, диплом № 297-915 г.

[3] В предыдущем году в списках не было.

[4] Свидетельство Уфимской духовной семинарии № 709-910 г.

[5] Нижегородский Дворянский институт, диплом № 709-910 г.

[6] Уфимская гимназия Л.Н. Верниковской и В.А. Ница, диплом № 308-915 г.

29	Кречетов Иван Матвеевич		
30	Кринари Владимир Андреевич, Юр., сын личн. почёт. гражд., 1895, Уфа	Уфимская гимназия	1915
31	Куликовский Григорий Григорьевич		
32	Кутлин Дмитрий Владимирович		
33	Левитский Георгий Митрофанович, Ест., сын статс. советн., 1896, Уфа	Уфимская гимназия	1915
34	Лопатто Стефан Валерианович		
35	Малышев Михаил Васильевич, Юр., сын священника, 1894, Уфимская губерния	Уфимская дух. семинария	1915
36	Мартыновский Александр Николаевич		
37	Мельников Никифор Иванович		
38	Менчинский Владимир Викторович		
39	Медзыблоцкий Витольд-Станислав Эдуардович		
40	Михалевский Владимир Васильевич		
41	Мозжухин Фёдор Глебович		
42	Некрасов Андрей Михайлович		
43	Некрасов Павел Михайлович, Юр., сын купца, 1897, Уфимская губерния	Уфимская гимназия	1915
44	Нехорошев Анатолий Константинович		
45	Никольский Константин Геннадиевич		
46	Постников Иван Павлович		
47	Рашковский Семён Григорьевич		
48	Роецкий Константин Михайлович, Юр., сын дворянина, 1893, Оренбург. губ.	Уфимская гимн. Верн.[1]	1915
49	Россинский Владимир Евгеньевич		
50	Рубинский Борис Александрович		
51	Рубинский Александр Александрович		
52	Рышков Александр Александрович, Фил., сын надвор. советн., 1894, Уфа	Уфимская гимназия	1915
53	Садовников Иван Иванович		
54	Смиренин Владимир Сергеевич		
55	Снегирёв Анатолий Иванович		
56	Соббев Афанасий Иванович		
57	Стрежнев Владимир Михайлович		
58	Суздальский Александр Александрович, Мед., сын врача, 1897, Смоленская губ.	Уфимская гимн. Верн.[2]	1915
59	Томашевский Пётр Алоизьевич		
60	Фенин Анатолий Константинович		
61	Фокин Василий Степанович		
62	Фосс Николай Евгеньевич		
63	Хапугин Константин Семёнович		

[1] Уфимская гимназия Верниковской, диплом № 581-915 г.

[2] Уфимская гимназия Верниковской и Ница, золотая медаль, диплом № 310-915 г.

64	Худяков Николай Николаевич
65	Чеботарёв Лев Александрович
66	Чижов Константин Дмитриевич
67	Штехер Геннадий Геляриевич

Представленные материалы позволяют проанализировать состав уфимских студентов в Московском университете в начале XX в. В следующей таблице учтены только выпускники *уфимских* учебных заведений (гимназий, реального училища, духовной семинарии), которые впервые поступили в данном году (Усманов учтён за 1911 г., хотя был принят студентом в предыдущем академическом году).

Студенты разбиты по сословным группам, сыновья чиновников, священников, мещан, купцов, крестьян и прочие, кого не удалось отнести в какую-либо из перечисленных групп. В первую включены дети чиновников и дворян. Здесь смешаны выходцы из семей крупных администраторов и мелких служащих, включая учителя (1914) и врача (1915). В составе купцов учтены личные и потомственные почётные граждане. Год – начало очередного академического, учебного года.

Состав уфимских студентов в Московском университете

Год	Сыновья						Всего
	чинов.	свящ.	мещан	купцов	крест.	иные	
1901	1		1				2
1902	2	1		1			4
1903	1			3			4
1904							0
1907	1		1				2
1908				1			1
1909	1		1	1		1	4
1910	3		4	1	1		9
1911	3	5		3	1	1	13
1912	4	1	1	1	1		8
1913	6	3	1	1			11
1914	7		3		1		11
1915	4	2	1	2	1		10
Итого	33	12	13	14	5	2	79

В начале 1900-х гг. из Уфы в Московский университет поступали единицы, а в 1904 г. ни один новичок в столицу из уфимской гимназии не пробился. Но и после революции 1905 г., когда в вузах Империи резко увеличился набор студентов, были облегчены условия приёма из духовных семинарий и реальных училищ, наплыва уфимцев в Белокаменную не случилось.

Лишь с 1910 г. количество уфимских студентов возрастает и стабильно держится на уровне около десяти поступивших в каждом академическом году. Качественная работа педагогов частной уфимской гимназии Верниковской и Ница обеспечила регулярный успех на экзаменах в Москве её выпускников. С 1911 г. много детей православного духовенства начинает поступать в Московский университет, основную часть составляли воспитанники Уфимской духовной семинарии.

По сословно-социальному составу уфимское студенчество в Московском университете было разноплановым. Основную часть, но не большинство, составляли дети служащих (чиновников и дворян). Причём дворяне стали идентифицировать себя лишь с 1910 г., до этого все записывались по родительским чинам (табели о рангах). В первой графе смешаны дети мелких служащих, интеллигенции, выходцы из семей уфимской элиты.

Персональный состав уфимского студенческого землячества в Московском университете, однако, свидетельствует об очень небольшом присутствии сыновей из провинциальной административной и помещичьей верхушки (Ляуданский, Россинский, Матвеев, Лопатто, др.).

С другой стороны, сыновья священников, мещан и купцов в сумме превосходили дворянско-чиновническую прослойку (39 против 33). Дети известных уфимских предпринимателей охотно поступали в Московский университет (Костерин, Коровкин, Морозов, Дворжец, Лебедев, Зайков, Штехер, Усманов). Именно из купеческой среды вышли студенты иудеи и единственный мусульманин, сын крупного стерлитамакского предпринимателя.

С 1910 г. постоянно поступали в Московский университет выходцы из крестьян. Вообще большинство среди уфимских студентов (56%) составляли сыновья духовенства, сельских и городских непривилегированных сословий, а с учётом интеллигенции и мелких служащих, материальный достаток которых был не велик, можно утверждать, что образование в одном из ведущих вузов Империи, Императорском Московском университете, было доступно отнюдь не только представителям дворянской и чиновничьей верхушки.

Вообще из Уфы ежегодно уезжали десятки молодых людей, поступавших в различные вузы страны – от Варшавы до Томска. В молодом Томском университете открыли только два факультета (медицинский и юридический), сюда существовал небольшой приток абитуриентов из Уфимской губернии, о чём свидетельствуют сведения из списков студентов, например, на 1911–1912 учебный год (это перечень уже поступивших к 1912 г. студентов, в книге перечислены семестры следующего учебно-

го года. Добавлены сведения о военной обязанности), см. следующую таблицу, составленную по образцу московской[1].

Уфимские студенты в Томском университет. Медфак:			
1	Арбузов Борис Иванович, сын чиновника, род. 20 ноября 1893 г. в Уфе. Явка 1915 г.	Аттестат Томской гимназия	14 августа 1912 г.
2	Горбунов Николай Михайлович, сын священника, род. 9 марта 1888 г. в Уфимской губернии. Должен Духовному ведомству 380 руб. Отсрочка до 1912 г.	Свидетельство Самарской духовной семинарии	24 августа 1912 г.
3	Жилин Модест Григорьевич, сын диакона, род. 15 июня 1890 г. в Уфе. Должен Духовному ведомству 105 руб. Отсрочка до 1916 г.	Свидетельство Уфимской духовной семинарии	5 сентября 1911 г.
4	Попов Пётр Васильевич, сын чин., род. 12 июня 1892 г. в Уфе. Явка 1913 г.	Аттестат Томской гимназии	3 сентября 1911 г.
5	Миролюбов Николай Иванович, сын священника, сирота, род. 9 декабря 1886 г. в Уфимской губернии. Должен Духовному ведомству 210 руб. На 2-м курсе был два года, женат. От военной службы освобождён по неспособности	Свидетельство Уфимской духовной семинарии	20 октября 1909 г.
6	Виноградов Владимир Иванович, сын священника, род. 14 января 1883 г. в Нижегород. губ. Должен Духовному ведомству 210 руб. На 2-м курсе был два года. Отсрочка до 1 января 1914 г.	Свидетельство Уфимской духовной семинарии	сентябрь 1907 г.
7	Гольдштейн Александр Вольфович, сын мещанина, иудей, род. 18 мая 1886 г. в Оренбурге. На 2-м курсе был два года. Отсрочка до 27-летнего возраста	Аттестат Уфимской гимназии	20 августа 1907 г.
8	Рухлядев Владимир Иванович, сын мещанина, род. 23 июня 1880 г. в Вятской губернии. Освобождён от платы в счёт 15%. Ратник 1-го разряда	Аттестат Уфимской гимназии	8 ноября 1908 г.
9	Уварова Елизавета Николаевна, дочь священника, род. 20 октября 1874 г. в Уфимской губернии[2]		
Юридический факультет:			
10	Милицын Сергий Дмитриевич, сын священника, род. 22 июня 1891 г. в	Свидетельство Уфим. духовной	12 сентября

[1] Список студентов, вольнослушателей и вольнослушательниц Императорского Томского Университета на 1911–1912 учебный год. Томск, 1912. С. 2, 4, 15, 20, 30, 44–45, 59, 84, 95.

[2] В сентябре 1907 г. зачислена по аттестату Уфимского епархиального училища от 16 июня 1892 г. на первый курс юрфака, имеет свидетельство о выдержании экзамена по латинскому языку за курс гимназии от Испытательной комиссии при Западно-Сибирском учебном округе от 9 июня 1908 г., 27 ноября 1908 г. переведена на первый курс медицинского факультета.

	Уфе. Явка 1912 г.	семинарии	1912 г.
11	Сухарев Виктор Аристархович, сын чиновника, род. 21 сентября 1871 г. в Уфе. На 4-м курсе оставлен на третий год. Ратник 2-го разряда	Свидетельство Уфимской духовной семинарии	9 ноября 1907 г.

Социальный состав уфимских студентов в Томском университет несколько иной, почти целиком состоит из детей духовенства и мещанства. В списке присутствуют великовозрастные студенты, уже в достаточно зрелом возрасте решившиеся получить высшее образование. Ехать на восток, в молодой и ещё не зарекомендовавший себя университет, хотя, возможно, с более низкой платой за обучение, решались немногие. Томский университет открывал карьерные перспективы для выходцев из небогатых семейств.

Самой высокой репутацией пользовались вузы в западной части Империи. При наличии значительного уфимского «землячества» в Московском университете, можно предположить, что не меньшее число выпускников Уфимской гимназии отправлялось поступать в вузы Санкт-Петербурга, которые тогда считались ведущими в России. К сожалению, они почти не публиковали списки студентов, информацию об уфимцах и уфимках, учившихся в Северной Пальмире находим в прессе.

В уфимскую либеральную газету в конце 1913 г. поступило коллективное письмо, в котором говорилось следующее. «Слушательницы высших женских курсов в С.-Петербурге, собравшись 18 сего ноября и заслушав доклад об открытии в Уфе общества вспомоществования учащимся в высших учебных заведениях – уфимцам от всего сердца приветствуют возникновение общества и приносят глубокую благодарность учредителям его.

А. Князева, А. Иванова, Е. Остроумова, А. Остроумова, А. Мыльникова, М. Николаева, Н. Лосинская, А. Деева, З. Бочкарёва, О. Ступель, А. Соколова, Ев. Марченко, Ев. Николаева, М. Безрукова, В. Полфёрова, З. Татищева, З. Торгуд-Лунал, Атманских, Кобякова, Добросмыслова, Ф. Итина, Т. Петухова, П. Блохина, М. Ракитина, Шарина, М. Григорьева, Зубова, Ваганкова, Григорьева, Симонова К., Е. Глазатова, В. Краснова, В. Бессарабова, Д. Елизарьева, Коровиченко, Шуппе, В. Маринко, Пожилова, Скрипова, А. Морозова, А. Свистунова, Звездина, Плаксина, Образцова, М. Свенцицкая, Л. Смирнова, З. Ветошникова, А. Базилева, В. Попова, Н. Кукаркина, Е. Монбланова, Е. Лебединцева, М. Князева, Е. Ковалёва, Р. Самарцева, В. Троицкая, А. Максимова, К. Горюхина, З. Жеребина, О. Башилова, О. Сперанская, Н. Хорькова.

К вышеприведённой резолюции, принятой на высших женских курсах, присоединяются:

Слушательницы С.-Петербургского психо-неврологического института:

Кадомцева, Ачкасова, Порошина, Егорова, Георгиевская, Зырянова, Орлик, Казакова.

Студенты С.-Петербургского психо-неврологического института:

В. Поддьяков, А. Титов, Г. Вильмс.

Слушательницы стебутовских сельско-хозяйственных курсов:

Н. Иванова, М. Жудро, М. Левашева, Л. Целярицкая, Е. Золотова, А. Кавардакова, Палимова, Ревякина.

На заседании, состоявшемся в С.-Петербургском университете 30-го ноября 1913 года заслушан был доклад о возникновении общества вспомоществования учащимся в высших учебных заведениях уфимцам. Настоящим письмом мы нижеподписавшиеся выражаем искреннее сочувствие создавшемуся обществу и выражаем надежду, что на этом поприще оно пойдёт навстречу интересам уфимского студенчества:

Студенты С.-Петербургского университета.

Соболев, Владимиров, Боголюбов, Б. Подбельский, С. Мамлеев, Васильев, Б. Волочков, А. Сизов, Думенский, Маренко, Кулавовский, Макаров, Коропачинский, И. Еникеев, В. Соколов, Усман Токумбетов, Балахонцев, Чистопольский, Узелков[1].

В тексте статьи не говорится, что все подписавшиеся – уфимцы, но это подразумевается, да и фамилии «наши». И хотя студенты ряда (технических) вузов не участвовали в составлении письма, список впечатляет. В Петербурге учились дети уфимских купцов (Деева, Блохина, Скрипова др.), крупных чиновников (Коропачинский, Балахонцев, др.), священников, дворян (Базилева, Мамлеев, Кадомцева) и пр. Всего под письмом подписалось ровно сто человек! И основную часть составляли девушки-студентки, в первую очередь знаменитых Бестужевских женских курсов.

Видимо, именно Санкт-Петербург оставался основным местом притяжения уфимской молодёжи начала XX в., желавшей получить высшее образование.

[1] Уфимский вестник. 1914. 4 января.

Егоров А.В.

Неизвестные страницы биографии уфимского краеведа Николая Николаевича Барсова

Имя Николая Николаевича Барсова (1901–1981) входит в список основоположников уфимского краеведения. Он стал своеобразным переходным «мостом» от сообщества любителей местной старины имперского периода (Р.Г. Игнатьев, Н.А. Гурвич, др.) к советской эпохе (супруги Гудковы, пр.), которые передали эстафету современным исследователям прошлого.

Основные вехи биографии Н.Н. Барсова приводятся в справочных изданиях и интернете, не забыты его членство в партии эсеров, аресты в 1920-е гг.[1] Краевед И.В. Нигматуллина вспоминала: «Мне приходилось встречаться с Н.Н. Барсовым. В нём прежде всего поражала готовность делиться своими знаниями. Он с упоением рассказывал об Уфе, её жителях, зданиях, впитывал в свою очередь, как губка, сведения, которые получал от собеседника»[2]. Журналист Г. Нефёдова вспоминала, что Н.Н. Барсова называли «ходячая энциклопедия», «уфимская знаменитость, помню, произвела на меня сильное впечатление»[3].

Дед краеведа, священник Яков Павлович Барсов появился в Уфе после отмены крепостного права и в 1872 г. купил большое поместье дворянина М.М. Глумилина к северу от города[4] (ранее Барсов был военным). Ему принадлежала земля к востоку от совр. проспекта Октября примерно от остановки «Фирма Мир» до Тужиловки. Участки постепенно распродавались, но даже в 1917 г. в Богородской волости Уфимского уезда недалеко от дер. Дубовки (район остановки «Универмаг Уфа») потомственный почётный гражданин Николай Яковлевич Барсов[5] имел

---

[1] *Валеева М.Г., Хусаинова Г.Т.* Барсов // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 146; более подробная биография в электронном формате Башкирской энциклопедии.

[2] *Нигматуллина Ирина.* Они писали историю Уфы и края. О краеведах города Уфы // Уфа: страницы истории. Кн. 2 / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2014. С. 20. Также: *Нигматуллина И.В.* Старая Уфа. Историко-краеведческий очерк. Уфа, 2007. С. 13.

[3] *Нефёдова Тамара.* Уфимские фамилии // Уфа: страницы истории. Кн. 1 / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2015. С. 373.

[4] См.: НА РБ. Ф. И-334. Оп. 1. Д. 1823. Л. 1 об.

[5] Сын священника Николай Яковлевич Барсов, бывший студент Ярославского лицея, 9 мая 1888 г. обвенчался с 21-летней Надеждой Ивановной Кларк, а уже 22 июня 1888 г. у них родился сын Иван, затем 14 января 1890 г. – Владимир, был ещё сын Яков (12 сентября 1895 – 3 августа 1900). Также в семье Барсовых появились на свет дочери Александра (2 июля

в частной собственности 0,5 дес. под усадьбой, доставшейся ему от матери. 52-летний хозяин служил чиновником в Крестьянском банке[1], семья включала супругу (50 лет, учительница), дочь (22 года, учительница), сноху (26 лет, учительница, отсутствовала во время переписи), внука (6 лет) и двух сыновей. Старший (26 лет) находился в армии, второй учился в гимназии, этот 15-летний гимназист впоследствии и станет известным уфимским краеведом Николаем Николаевичем Барсовым. В 1917 г. около деревни Глумилино лежал также хутор 80-летней вдовы священника Елены Алексеевны Барсовой[2].

Когда в 1918 г. большевики проводили инвентаризацию частных владений Богородской волости, возле деревень Дубовки и Тужиловки Елене Алексеевне Барсовой принадлежало 15 дес. (раньше было 75,5), родственникам В.А. Цветкову – 53,5 дес., М.Я. Падейской – 50 дес.[3]

Н.Н. Барсов оставил огромное историко-краеведческое наследие, от многочисленных газетных статей до работ в различных сборниках. Его публикаторское достояние ещё ждёт своего исследователя, в архиве сохранился личный фонд[4].

Однако, к сочинениям Н.Н. Барсова необходимо относиться критически. Он печатался в условиях продолжавшегося за ним почти всю жизнь политического надзора и пристальной цензуры. В вышедшей в 1976 г. истории Уфы его назвали всего лишь консультантом. В подобной ситуации он часто избирал стиль лёгкого популярного рассказа. Как говорил сам Барсов: «я пишу исторические анекдоты»[5].

Изучение конкретных сюжетов открывает весьма приблизительное и нередко действительно «анекдотичное» изложение Н.Н. Барсовым уфимской истории, как, к примеру, в отношении Е.А. Поносовой-Молло[6]. Без сомнения, на это напрямую влияла политическая «неблагонадёжность» Николая Николаевича.

1898 г.) и Ольга (17 января 1900 г.) (Там же. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 29. Л. 564 об., 580 об.; Д. 31. Л. 562 об.; Д. 38. Л. 18 об.; Д. 46. Л. 508 об.; Д. 47. Л. 25 об., 253 об.). Были и другие дети. Иван Николаевич Барсов учился в Санкт-Петербургском университете.

[1] По адрес-календарям среди сотрудников банка Н.Я. Барсов не значится.

[2] *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 134.

[3] НА РБ. Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 55. Л. 21.

[4] Там же. Ф. Р-1943 (132 дела).

[5] *Нефёдова Тамара.* Указ. соч. С. 373–374.

[6] См.: *Краснова Р.Г.* Первая дама уфимского бомонда // Река времени. 2004. Уфа, 2005. С. 133–134. Такими же анекдотическими сюжетами «грешил» и старший современник Н.Н. Барсова краевед П.Ф. Ищериков.

Так, Барсов поведал краеведам Гудковым, что его родственник А.М. Падейский с женой якобы эмигрировал в Америку, что потом повторит ряд авторов, хотя на самом деле тот оказался в Ялте, где был репрессирован в 1927 г.[1] В советское время, через много десятилетий Николай Николаевич не знал или не хотел говорить правду даже единомышленникам-краеведам.

На это были причины. Семейство Барсовых являлось весьма либеральным, отца, Н.Я. Барсова, расстреляли в 1918 г. в Омске белые. Сам же Николай Николаевич в молодости увлёкся радикальными идеями, примкнув к партии социалистов-революционеров.

Подробности подлинных событий молодости Н.Н. Барсова показывают документы из архива Управления ФСБ РФ по Республике Башкортостан[2]. В двух томах содержатся материалы об арестах Барсова (многие тексты плохо читаются, написаны от руки сотрудниками ОГПУ, бывш. ЧК, на бланках сохранилось старое название, частично добавлена орфография). Во время первого допроса, в протоколе за 27 февраля 1922 г. приводится биография 20-летнего Николая Николаевича Барсова. В машинописном заключении по делу факты изложены более ясно, объединим оба источника[3].

Происхождение, видимо, со слов самого подследственного, указано: «из крестьян г. Уфы с 1918 г.», но «до 1917 г. сын потомств. почётного гражд. г. Уфы». И в дальнейшем Н.Н. Барсов упорно именовал себя крестьянином. «Сын видного эсера, расстрелянного Колчаком в 1918 г. в Сибири».

Образование – среднее, окончил школу 2-й ступени в Уфе в 1920 г. (гимназию), до войны 1914 г. «жил в Уфе до 20 лет безвыездно. С февральской по октябрьскую революции выбор. должностей не занимал. До начала 20 г. не служил, учился. С начала 20 г. был инструктором промысловой кооперации Губсовнархоза и Губсоюза в Уфе до конца 20 г. Выехал в Москву, куда приехал в конце января 21 г.»

Барсов прибыл в столицу «учиться и поступил слушателем на Промысловые кооперативные курсы» при Пречистенском Рабфаке. 21 марта 1921 г. «арестован был на улице с левым с. р. Ивановым для выяснения личности, ничего при обыске, кроме карточки члена МПСР не нашли», отпущен 30 января 1922 г.

«Проживал после своего освобождения в редакции "Народ", где и был арестован засадой от СОГПУ» (секретный отдел) 20

---

[1] *Роднов М.И.* Михайловка: дорогами прошлого. Уфа, 2018. С. 168–170 (http://mihailovka-ufa.ru/selskoe-poselenie/istoricheskaya-spravka.html).
[2] Архив УФСБ РФ по РБ. Ф. 10. Д. В-19328. Т. 1–2.
[3] Там же. Т. 2. Л. 11–13, 15.

февраля 1922 г. «Содержится во Внутренней тюрьме ГПУ. На допросе ответил, что в П.С.-Р. состоял с конца 1917 г., в МПСР с конца 19 года. [Являлся] рядовым членом партии. В настоящее время состоит тоже членом МПСР, уходить из партии не собирается. Слияние с П.С.Р. считает возможным при отказе их от вооружённой борьбы с Сов. властью и считает, что условия выставляемые ими для слияния не приемлемы».

Партийное членство Н.Н. Барсова и его переезд из Уфы в Москву, видимо, были не случайно связаны. Именно в Уфе в 1919 г. группа членов Центрального комитета Партии социалистов-революционеров (ПСР) (В.К. Вольский, К.С. Буревой, Н.И. Ракитников и др.) пошла на сотрудничество с большевиками, отказавшись от вооружённой борьбы. Они создают группу «Народ» по названию издававшейся газеты. ЦК ПСР постановил их распустить, они не подчинились, приняв название МПСР (Меньшинство партии социалистов-революционеров). После Кронштадтского восстания 1921 г., которое часть членов МПСР поддержала, наступил раскол в группировке, а большевистская власть начала их преследование, уничтожив к 1923 г.

Именно после подавления Кронштадтского восстания 18 марта 1921 г., через три дня на улице Н.Н. Барсов был арестован. Пробыв в тюрьме больше года, он с 30 января 1922 г. поселяется в редакции газеты «Народ» по адресу Цветной бульвар, 3. А род занятий Барсов указал – «безработный», значит, его исключили с кооперативных курсов. Почти месяц до следующего ареста Николай Барсов обитает в редакции.

Без сомнения, эсеры-«меньшевики» кого попало к себе на квартиру не пустили бы. Он доверенное лицо в редакции главной партийной газеты, убеждённый эсер с определённым партийным стажем. Н.Н. Барсов на допросе ничего не сказал о своей политической деятельности в Уфе: мол, учился, трудился в кооперации. Интернет добавляет информации: «в 1-й половине 1919 вышел из ПСР (вместе с Уфимской организацией ПСР). В том же году избран товарищем (заместителем) председателя Союза социалистической молодежи Уфы. В 1920 член Уфимского Губкома ПСР(м) и председатель Союза молодежи Уфимской организации ПСР(м). В марте 1920 арестован в Уфе, вскоре освобожден»[1].

[1] http://politike.ru/termin/barsov-nikolai-nikolaevich.html. Если информация достоверна. Здесь также упоминается об аресте Н.Н. Барсова 30 марта 1921 г. по подозрению «в действиях, повлекших за собой волнения среди рабочих завода "Бромлей"», содержался в Таганской тюрьме до 1 февраля 1922 г. Подлинные материалы следствия дают иную картину (арест с 21 марта 1921 по 30 января 1922 г.).

Оказывается, на допросах скромно отвечал совсем не рядовой, а «матёрый» эсер, за спиной которого «отсидка» в тюрьме, руководство молодёжной организацией, близкие связи с проживавшими в Уфе руководителями эсеровской группы «Народ» (МПСР).

Он не открестился от членства в партии, отказался отвечать на вопрос о совещании в начале февраля 1922 г. В показаниях заявил, что является сторонником объединения всех эсеров вплоть до правых (при временном отказе от идеи Учредительного собрания), но против вооружённой борьбы с советской властью. При этом Н.Н. Барсов соглашался, что легальное существование группы «Народ» сейчас «не целесообразно», он является сторонником нелегальной организации. А в конце добавил, что «устав социалистического кружка молодёжи, отобранный у меня при обыске, составил я сам для Центрального бюро МПСР. Отказываюсь назвать состав ЦБ МПСР в настоящее время».

Заключение не «раскололо» упрямого уфимского народника и 14 марта 1922 г. его освобождают под подписку о невыезде из Москвы, какую Н.Н. Барсов дал, обязуясь сообщать «о перемене адреса и места службы» в 3-й отдел СОГПУ[1]. Ему вернули отобранные при обыске материалы: 1) Вестник артельного труда № 1–2 и 3–4, 2) Устав Промыслового кооперативного товарищества, 3) 5 брошюр, 4) 1 книга статей и стихотворений, 5) Учебная тетрадь иностранного языка, 6) Рукопись «Проблема профдвижения», 7) Рукопись «Основы политической экономии», 8) Литература по промысловой кооперации, 9) Устав кружка с-р. молодёжи, 10) Различные заметки по кооперации, 11) 1 фотографическая карточка, 12) Блок-нот, 13) Лекции, по счетоводству, 14) Бумажник с удостоверениями, 15) 5 удостоверений и 2 удостоверения от ЦБМПСР[2].

Из допроса 27 февраля 1922 г., уже во время второго московского ареста, Н.Н. Барсов сообщил сведения о своей семье. Отец расстрелян в Омске, 60-летняя мать – учительница, живёт в Уфе. Братьев нет, две сестры. Мария Николаевна Фоминых в Уфимской губернии была учительницей, муж крестьянствовал. Вторая сестра Александра Николаевна Поносова руководит детским приютом в Уфе, муж студент и с 1920 г. сведений не имею[3]. Видимо, эту вторую сестру Р.Г. Краснова назвала Зоей Николаевной, она рано умерла от туберкулёза. Мужем её являлся

[1] Архив УФСБ РФ по РБ. Ф. 10. Д. В-19328. Т. 2. Л. 16–18. На листе 17-м стоит дата 1921 г., использовались старые, давно отпечатанные бланки, где забывали исправлять год.

[2] Там же. Л. 25.

[3] Там же. Л. 11.

Василий Васильевич Поносов[1]. Барсов не случайно умолчал о нём, тот являлся сыном богатейшего купца, а мать владела одним из самых шикарных особняков в Уфе.

Итак, московский этап жизни Н.Н. Барсова складывался следующим образом: приехал в конце января 1921 г., затем **первый арест** (21 марта 1921 – 30 января 1922 г.) и почти сразу же **второй арест** (20 февраля – 14 марта 1922 г.). Вряд ли Николай Николаевич успел хорошо изучить Белокаменную, скорее только тамошние застенки.

Дальнейшие страницы биографии Н.Н. Барсова узнаём уже из материалов уфимского следствия и сразу всплывают неожиданности. Обмен информацией между структурами ОГПУ в начале 1920-х гг. почти отсутствовал, Барсов спокойно молчал о многих моментах своей жизни, понимая, что проверить в Москве чекисты не смогут. А вот в Уфе его знали хорошо и возможностей для умалчивания уже имелось меньше. Из допроса 3 ноября 1923 г. узнаём не только о членстве Н.Н. Барсова в партии эсеров с 1917 по 1919 гг., оказывается, он был в армии.

Барсов служил рядовым в армии «Учредительного собрания по партийной мобилизации», в Красной армии в 1920 г. находился в 1-м Уфимском Коммунистическом батальоне снова «по мобилизации меньшинства эсеров рядовым». Но при этом он указал, что «не судился»[2]. Значит, если его и задерживали в Уфе, то до суда дело не дошло.

Действительно, молодой человек 1901 г. р., самого призывного возраста, должен был оказаться в какой-либо из воюющих армий. Отметим, что Барсов взял оружие по убеждению, как правоверный эсер он встал на защиту правительства КОМУЧа. Можно предположить, что после установления режима адмирала А.В. Колчака дезертировал, скрывался в уфимских окрестностях. Когда же возникла группа «Народ» (МПСР), он снова берёт в руки винтовку и опять по партийной мобилизации идёт служить в сформированный из уфимцев коммунистический батальон (в губернии полыхало восстание «Чёрного орла»[3]).

В личной карточке арестованного Н.Н. Барсова есть также интересные уточнения о ранних судимостях: привлекался в 1918

---

[1] *Краснова Р.Г.* Указ. соч. С. 134.

[2] Архив УФСБ РФ по РБ. Ф. 10. Д. В-19328. Т. 1. Л. 21 (в нумерации листов первого тома есть пропуски, ряд страниц плохо читается).

[3] Согласно удостоверению штаба 1-го Уфимского Коммунистического батальона от 8 апреля 1920 г., «тов. Барсов Николай освобождён от службы по демобилизации» (Там же. Л. 9). Крестьянское восстание «Чёрного Орла» было подавлено в Уфимской губернии к 18 марта 1920 г. Участвовал ли Н.Н. Барсов в карательных операциях против народа, не известно.

г. как эсер, в 1919 г. за вооружённую борьбу с сов. властью, в 1920 г. за антисоветскую агитацию, с 1921 г. находился в предварительном заключении[1] (это арест в Москве, о котором уже сказано выше). Формально, с юридической точки зрения, Н.Н. Барсов до ареста в Москве в 1921 г. не находился под следствием, но в реальности его постоянно задерживали.

Из материалов уфимского следствия узнаём о третьем аресте Н.Н. Барсова в Москве. После освобождения в марте 1922 г., он недолго наслаждался свободой и «был арестован вновь под фамилией Автономов, в мае 22 г. в г. Вологде во время попытки перевести на нелегальное положение Вологодскую организацию МПСР. Постановлением Комиссии НКВД от 16/VI-22 г. выслан на два года в г. Уфу»[2].

Нарушив подписку о невыезде, нелегально, под фамилией Автономов (потом в следственных материалах его будут именовать как Барсов-Автономов) Николай покидает столицу, партия отправляет его в Вологду для организации местного подполья. Он устраивается инструктором по кооперации в Вологодский Северосоюз[3]. Вот откуда взялся слух среди уфимских краеведов, что Барсов руководил молодёжными организациями эсеров на северо-западе России.

После **третьего ареста** (май – июнь 1922 г.) Н.Н. Барсов по этапу возвращается на родину в Уфу, точнее в деревню Дубовку, где у семьи было поместье и, наверняка, осталось какое-то жильё с огородом. Он крестьянин. По прибытии в Уфу Барсов снова содержался под стражей при Уфгуботделе ГПУ с 26 июня по 27 июля (?, не разборчиво). Но этот срок нельзя считать арестом, местным чекистам прислали «зэка», они подержали и выпустили на свободу, обычная бюрократия.

От недремлющего ока НКВД не спрячешься и в Дубовке. «Находясь в ссылке БАРСОВ поддерживал связь со ссыльными с.-р.-ами как правыми, так и левыми, пытался их сорганизовать и пытался также организовать нелегальный с.-р. студенческий кружок. Кроме того, БАРСОВ неоднократно пытался завязать связь с активными Московскими с-рами»[4]. Характер этой информации показывает, что за Барсовым велась слежка, а пробыл он в Уфе больше года (июнь 1922 – ноябрь 1923).

Чем занимался этот год Барсов? В деле есть паспорт Богородского Волисполкома от 13 сентября 1923 г. на имя Николая Николаевича Барсова (род. 6 сентября 1901 г., студент, холост,

[1] Там же. Л. 53 об.
[2] Там же. Л. 42.
[3] Там же. Л. 96.
[4] Там же. Л. 42.

живёт в Дубовке, «тылоополченец», воинская обязанность). В селе Богородском хранилась ещё дореволюционная документация. На типографском бланке паспорта стояло: «уволен в разные города и селения Российской Империи от нижеписанного числа по» 13 сентября 1924 г. Российскую империю зачеркнули и сверху карандашиком вписали «СССР».

Следующий выцветший листок в деле – удостоверение, что предъявитель (не видно) является действительно студентом Уфимского Практического института народного образования имени К.А. Тимирязева[1].

Значит, Н.Н. Барсов на самом деле учился в единственном в Уфе, возникшем ещё до революции Учительском институте (на совр. ул. Цюрупа) и, что крайне удивительно, он берёт в волостном правлении паспорт на один год! Одновременно, 22-летний Николай Николаевич поступил на службу в Уфимское статуправление, он статистик отдела экономстатистики БЦСУ (профессия – инструктор по кооперации)[2], интерес к статистике он пронесёт через всю жизнь.

Но 9 ноября 1923 г. в Иглинский Волком РКП(б) поступило заявление Курклинского Льва Владиславовича, служившего делопроизводителем в Иглинском ВИКе.

Во время командировки в Уфу он на улице встретил Н.Н. Барсова, с которым вместе учился в гимназии. Встреча произошла «неделю или немного более» назад. То есть Курклинский не сразу сел составлять чистосердечное признание в партком. Он думал, возможно, сомневался. Вера в победу большевиков взяла верх. Курклинский сообщал:

«Разговорившись с ним, он [мне] сказал, что был последнее время в г. Ташкенте, откуда был выслан в г. Уфу как политически-неблагонадёжный, но ухитрился на учёт в Г.П.У. не встать. [Барсов] года рождения 1901, и пользуется отсрочкой от военной службы по болезни. Узнав что я служу делопроизводителем Волвоенотдела в Иглинском ВИК, он мне как бывшему добровольцу белых, сказал, что состоит в тайной организации партии эссеров, показал отношение от Ташкентского Г.П.У. о высылке в Уфу и просил, если можно, достать чистых бланок [не ясно] воинского учёта, необходимых им для конспиративных документов. Которые я обещал ему привести в Уфу 11 ноября с/г. в размере 10-ти штук». В справке БООГПУ (только что возникла большая Башкирия со столицей в Уфе) добавляется, что Барсов при встрече показал Курклинскому «билет члена эссеровской

[1] Там же. Примерно. Л. 7–8.
[2] Там же. Л. 21.

партии и попросил у последнего тридцать экземпляров личных книжек для вручения подпольным членам эссеровской партии»[1].

Вот в это верится с трудом. Встреча Курклинского с Барсовым была случайной, это никто не отрицал, и вряд ли Барсов постоянно таскал с собой членский билет ПСР. Это в советской уже РСФСР, после окончания Гражданской войны? И количество книжек почему-то увеличилось с десяти до тридцати. Не ясна ситуация с ссылкой Барсова в Ташкент после третьего ареста, реальность это или выдумка, документы не позволяют разобраться.

Советская репрессивная машина закрутилась моментально. В тот же день, 9 марта 1923 г. судебный следователь 2-го участка Уфимского кантона, куда партком переправил «заяву», отправляет сообщение в БООГПУ и… «срочно – секретно».

Решено разыграть «спектакль», чтобы получить неопровержимые доказательства для судебного процесса. Всё в тот же день Курклинский пишет записочку: «Друже Барсов! Посылаю просимое с надёжным человеком. Сам приехать не могу. Получи и действуй. 9/XI – 1923 г. / Курклинский»[2].

Письмецо составлено в обтекаемых и совершенно невинных выражениях, типа «союза меча и орала». Курклинский совершенно не собирался себя подставлять, что-то отправил, никакой политики.

Операцию по аресту Н.Н. Барсова гэпэушники провели следующим образом. Из Иглино прислали человека с пакетом и записочкой Курклинского. Зная, что Барсов работает в статуправлении, в субботу 10 ноября 1923 г. туда отправился посыльный в компании двух сотрудников БООГПУ, но Николай Николаевич уже покинул место службы. Троица выезжает в д. Глумилину, но и там неуловимого Барсова не застаёт. Решено отложить операцию на понедельник 12 ноября. Выходной – святое даже для чекистов.

Когда 12 ноября всё та же троица явилась в Башстатуправление, оказалось что Барсов на работу не пришёл, «почему пришлось вторично ехать в Глумилино на квартиру Барсова». Посыльный постучал в дверь, открывшая женщина предложила пройти в комнату, «я всячески отказывался, ссылаясь на грязь, для того чтобы Барсов вышел во двор, где было-бы удобнее его взять». Подошедший Николай Николаевич заявил, если что нужно, зайдите в комнату. Пришлось идти. Следом в дом зашёл уполномоченный I отдела БООГПУ Петерсон, изображавший ку-

[1] Там же. Л. 1–3.

[2] Там же. Л. 6 (в деле три образца записочки).

чера и торопивший, мол, надо ехать.

Надо заметить, что посыльный с пакетом был в курсе происходившего. Им являлся Михаил Николаевич Б., 1899 г. р., беспартийный столяр, жил в Иглино, в ноябре 1923 г. служил организатором политпросвета Иглинского района. Чекисты взяли проверенного человека, который дал очень внятные показания.

Итак, посыльный наконец-то увиделся с Барсовым в дер. Глумилино, где на квартире (а не в своём доме) проживал Н.Н. Барсов. Пакет с десятью чистыми воинскими бланками «личных карточек» передал, Барсов поблагодарил и пригласил того сесть, а сам «лёг на койку». В коридоре затаился Петерсон (дом, значит был большой, многоквартирный с коридорной системой). Получив пакет, Барсов предложил чаю, но гость дал условный знак, в комнату немедленно вошёл Петерсон и объявил Барсову, что тот арестован. Чекист обнаружил его «полулежащим на кровати», рядом стоял посыльный, «возле кровати». Иглинский же столяр-просветитель приводит крайне любопытный факт. После слов Петерсона Барсов сказал: «я так и знал».

Петерсон обрисовал ситуацию: «Причём, при объявлении мною гр-на Барсова арестованным и в начале приступления к производству у него личного обыска, Барсов сам, полулежа на кровати, достал из-под подушки, только что принятый им пакет и передал мне со словами: "Пожалуйста вот этот, я только что получил"». При обыске у Барсова изъяли паспорт, личную воинскую карточку, несколько удостоверений личности. Арестованного Барсова увезли[1].

Это был уже **четвёртый арест** (12 ноября 1923 г.) Н.Н. Барсова за три года. В тот же день, какая скорость!, 12 ноября 1923 г. в протоколе допроса сам Николай Николаевич Барсов заявил, что на прошлой неделе на улице встретил старого товарища Курклинского и «между нами завязался разговор о современном положении крестьянства, интересуясь положением крестьянства и узнав от него, что он является делопроизводителем Иглинского ВИКа, я просил его дать мне материал о сборе прод. налога по Иглинской волости, на что он Курклинский согласился и заявил, что даст мне материал секретного характера. Материал он обещался доставить мне на место моей службы после воскресенья 11-го числа. В понедельник 12-го числа на мою квартиру в д. Глумилино явился не известный мне гражданин с запиской от Курклинского, в которой Курклинский писал, что посылает мне обещанное. Этот гр. вручил мне пакет, который я не развёртывая при нём же положил под подушку и в этот же мо-

[1] Там же. Л. 20 и об., 22–23 об.

мент я был арестован». Пакет Барсов не открывал, Петерсон вскрыл его в комнате, но Николай Николаевич не разглядел, что там были за бумаги, о военных документах в пакете он узнал уже на допросе[1].

Итак, что же это было? Из приведённых выше материалов следственного дела очевидно, что Н.Н. Барсов находился под надзором ОГПУ. По словам чекистов, он поддерживал контакты с эсерами и даже пытался возобновить организацию в Уфе (создать студенческий кружок, видимо, в институте народного образования, совр. БашГУ). В сентябре 1923 г. учащийся студент и работающий статистик зачем-то получает в Богородском волостном правлении годичный паспорт. Это факт. Куда это засобирался Николай Николаевич осенью 1923 г.? Может, чувствовал, «тучи сгущаются». Вспомним его реплику при аресте: «я так и знал»!

Очевидно, что уфимское ГПУ никакого конкретного компромата на Н.Н. Барсова не имело. Он жил в пригородных деревнях, где с детства прекрасно знал местность, сексоты в Дубовке и Глумилино отсутствовали. Но в руководстве местного ГПУ понимали, что у них под боком сидит молодой, энергичный, «матёрый» эсер, который постоянно что-то делает, ходит, «крутится». Легенды уфимского краеведческого сообщества (информация М.И. Роднова) подтверждают именно подобный образ молодого Н.Н. Барсова. По одному из преданий, в обязанности Барсова входило получение информации на телеграфе о курсе рубля и передача данных в местные организации. Тогда стояла сильная инфляция, курс рубля менялся чуть ли не каждый день. Узнавший официальный курс, Барсов по пути посещал рынок и совершал выгодные финансовые операции.

Можно предположить, что руководство местного ГПУ понимало, что молодой эсер-статистик может исчезнуть из Уфы, потом хлопот не оберёшься. Не случайно, операцию по аресту Н.Н. Барсова провели так оперативно. Видимо, «телега» от Л.В. Курклинского пришлась вовремя. Маловероятно, что Курклинский изначально действовал по заданию ГПУ[2]. Ловить на улице Барсова и изображать случайную встречу старых друзей? А вдруг Барсов не пойдёт на контакт? Они его арестовать сразу не смогли.

Отметим, что гэпэушники организовали задержание при передаче «вещдока», значит понимали, какой «скользкий» тип

---

[1] Там же. Л. 21 и об.

[2] 13 ноября 1923 г. БООГПУ попросило «в срочном порядке под благовидным предлогом (не арестовывая) доставить» сведения о Курклинском (Там же. Л. 24). Его допрашивали, делали очную ставку с Барсовым.

этот Н.Н. Барсов, такого надо брать только с поличным.

Итак, Николай Николаевич Барсов за неполные три года четвёртый раз оказался в заключении. И что же выяснили чекисты? Крестьянин Николай Барсов на допросе 13 ноября 1923 г. поведал, что интересовался ценами и поэтому ему были нужны материалы о сборе продналога от Курклинского, что промышленность развивается за счёт сельского хозяйства, интерес чисто теоретический, а военных бланков не просил.

С Курклинским они с 1911–1912 учебного года знакомы по гимназии (по 1918 г.). Месяца два назад случайно встретил его на улице и вот сейчас второй раз. Больше нечего сказать[1].

В тот же день уполномоченный БООГПУ Лепин, изучив дело Барсова, «обвиняемого в приобретении чистых учётных личных книжек» «и в собирании нелегальным путём сведений о настроении населения, ходе компании продналога и проч.», постановил заключить его под стражу «в Башцентроисправдоме по 1-й категории» с содержанием за БООГПУ и предъявить ему обвинение по ст. 62 и 66 Уголовного Кодекса[2].

Началась отсидка, 22 ноября 1923 г. Барсова осмотрела медицинская комиссия, обнаружила туберкулёз верхних долей лёгких и неврастению, вывод: ему вредны север и сырые местности. И уже 24 ноября выносится заключительное постановление, Барсов отрицает свою просьбу бланков, но уполномоченный Козлов считает предъявленное обвинение доказанным, дело законченным, подсудимого перечислить к СОГПУ[3]. Бумаги ушли в столицу.

Там их 12 декабря рассмотрела помощница начальника 3-го отдела СООГПУ В. Браудэ[4] и сделала следующий вывод: «ПОЛАГАЮ, что поведение БАРСОВА в ссылке характеризует его как активного с.-р. пытавшегося и в ссылке продолжать нелегальную с.-р. работу». Чекистка предложила дать Барсову три года концлагеря[5]. И 14 декабря 1923 г. комиссия НКВД по административным высылкам постановила заключить Барсова-Автономова в концлагерь сроком на три года, дело сдать в архив[6]. Вот и всё.

Советская репрессивная машина в 1920-е гг. повторяла действия царской охранки. Доказательств конкретных никаких,

---

[1] Там же. Л. 26 и об.
[2] Там же. Л. 32.
[3] Там же. Л. 40–41.
[4] Дело будущего уфимского краеведа попало на стол к Вере Петровне Брауде (1890–1968), с 1938 по 1946 г. также прошедшей сквозь лагеря.
[5] Архив УФСБ РФ по РБ. Ф. 10. Д. В-19328. Т. 1. Л. 42–43.
[6] Там же. Л. 48.

подсунули бланки, кои Барсов даже в руках не держал, расплывчатое обвинение: настроения, пытался… Почему Барсов потом был реабилитирован. Но, с другой стороны, и царские и советские «опричники» ясно понимали, что перед ними не простой обыватель. Поэтому широко использовался механизм административной ссылки.

Действительно, Н.Н. Барсов никого не выдал, ничего конкретного о связях с эсерами из других регионов, о создании молодежного эсеровского кружка не сказал. В 1923 г. пытки ещё не получили массового распространения, никаким «специальным» методам воздействия Николай Николаевич не подвергался.

Пошли лагерные будни. Сначала уфимская тюрьма, где 31 августа 1924 г. Барсов просит вернуть ему личные деньги и вещи до отправки в Суздаль. Его должны были повезти через Москву, приметы: рост 2 аршина 3 вершка, лицо загорелое, глаза чёрные, волосы чёрные, растительность на усах и бороде жидкая, бреет. Приходили свидеться близкие, наверняка, с передачами. Так, 23 декабря 1923 г. разрешили свидания сестре Александре Николаевне (приходила в мае, июне, июле 1924 г.) и матери Надежде Ивановне (последняя приходила ещё в январе, феврале, марте 1924 г.) Барсовым.

А 31 декабря 1923 г. Государственное политическое управление (ГПУ Областной отдел АБССР, Уфа, Гоголевская, 53) предложило начальнику Башцен[т]роисправдома отправить Барсова в Архангельск с отходящим этапом. Собрались выслать 2 января 1924 г., но задержали до особого распоряжения. В феврале ему по просьбе увеличили время прогулки на один час. В марте Барсова на два месяца отправили лечиться в 3-ю советскую больницу. А 30 мая 1924 г. он даже устроил голодовку, отказался вставать при поверке камеры, тюремщик накричал, чем оскорбил эсера-статистика (закончил голодовку 5 июня)[1].

Затянувшееся пребывания в уфимской тюрьме завершилось приказом из Москвы от 9 июля 1924 г. срочно спецконвоем этапировать Барсова в Москву. Затем он оказался в знаменитом Суздальском политизоляторе. Там получал посылки от организации Помощь политическим заключённым Е.П. Пешковой[2].

Три года пролетели быстро и 14 декабря 1926 г. срок Барсова заканчивался. Но 27 октября уполномоченный посчитал, «что свободного проживания, по отбытии срока наказания, БАРСОВУ разрешить нельзя, предлагаю дело его передать на рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ». Особое

[1] Там же. Л. 49–50, 53 об., 58, 60–62, 64–66, 68–70, 74, 76–77 об., 84, 90.
[2] Там же. Л. 92, 103.

Совещание собралось уже 5 ноября 1926 г. и быстро постановило: «по отбытии срока наказания БАРСОВА Николая Николаевича выслать в Архангельскую губ. сроком на ТРИ года». Правда 8 ноября врач Суздальского политизолятора Алемасов констатировал у Барсова туберкулёз и неврастению и рекомендовал пребывание заключённого «в умеренном сухом климате в степной или гористой местности». Николай Николаевич ходатайствует о ссылке «в какой-либо район с более мягким климатом» и 19 ноября 1926 г. ему заменяют север на высылку в Среднюю Азию тоже на три года. В декабре 1926 г. Барсов оказывается в Москве в Таганской тюрьме[1]. Вот там он и «сломался».

17 декабря 1926 г. Н.Н. Барсов просит начальника СООГПУ остановить исполнение постановления и оставить его в Москве. «Готов дать властям любые гарантии неучастия в антисоветской общественной работе», пишет он карандашом торопясь, так как уже в понедельник 21 декабря уходил этап. Власть соглашается, но потребовала покаяния. Публичного.

27 января 1927 г. Н.Н. Барсов пишет заявление в редакцию главной газеты СССР «Правды» (отправлено из тюрьмы 7 февраля): «Позвольте посредством вашей газеты оповестить всех, знавших меня, как социалиста-революционера, что впредь я никакими отношениями с эсерством и эсерами связанным себя не считаю, деятельность же социалистических партий и групп (как крайних – интервенционистских, так и умеренных – препятствующих политическому и хозяйственному укреплению Советского правительства) признаю контр-революционной и направленной во вред интересам России»[2].

---

[1] Там же. Л. 97–98, 100, 104–105, 110.

[2] В центральной партийной газете время от времени в конце мелкими буквами печатались объявления о выходе из антисоветских партий. Например, «выходят из партии с.-р.: А.Е. Васильев (Москва), Л.К. Мошин, Б. Зельцман. Из организации анархистов: В.М. Банщиков (Москва), Н.П. Павлов (Москва)» (Правда (М.). 1927. 9 февраля). Но в номерах за февраль – март 1927 г. заявления Н.Н. Барсова о выходе из эсеровского подполья не обнаружено, хотя в эти дни в СССР торжественно отмечалось 10-летие Февральской революции и главный редактор «Правды» Н.И. Бухарин лично выступал с историческими речами.

Отсутствие публикации покаянного письма Барсова (в номерах за эти два месяца) заставляет вспомнить ещё одну легенду уфимского краеведения. По ней Николай Николаевич вспоминал, как к нему в московскую тюрьму пришёл видный большевик и предложил Барсову вступить в партию коммунистов, обещая дать личное поручительство, мол, такие энергичные молодые работники нам, большевикам, нужны, гарантируя немедленное освобождение, должности и пр.

Н.Н. Барсов отказался и вспоминал об этом всю жизнь, ведь, по легенде, этим посетившим его в тюрьме человеком был… Н.И. Бухарин, главный

И 1 февраля 1927 г. уполномоченная Хорошкевич пишет, что «Барсовым подано заявление о выходе из МПСР и об отказе от антисоветской деятельности», считает возможным пересмотр дела. Через три дня, 4 февраля 1927 г. Особое Совещание при Коллегии ОГПУ отменяет прежнее постановление и «БАРСОВУ Николаю Николаевичу, он же АВТОНОМОВ – разрешить свободное проживание по СССР».

12 февраля 1927 г. Николай Николаевич получал в Бутырской тюрьме документы. Свободен! Последний, **четвёртый срок** (12 ноября 1923 – 11 февраля 1927 г.) закончился. Он ехал домой, правда, указал, что «постоянного адреса нет»[1].

Можно предположить, что непрерывные аресты, подорванное здоровье, крах эсеровских иллюзий о возможности организованного сопротивления в тоталитарном Советском Союзе, гибель всех партийных структур (ПСР), усталость привели к полному отказу Н.Н. Барсова от всякой политической деятельности.

Он возвращается в Уфу, трудится статистиком, по легендам уфимского краеведения поддерживал контакты с проживавшими здесь в ссылке Марией Спиридоновой, её мужем Майоровым и другими бывшими эсерами. Но на всякую попытку втянуть его в какую-либо «общественную» деятельность отвечал твёрдым отказом. Сумел избежать репрессий 1930-х гг.

В послевоенные годы увлёкся краеведением, стал печататься в местной прессе, активно сотрудничал с новыми поколениями любителей здешней старины, правда, умалчивая обо многом. И дело не только в постоянном политическом надзоре. Реабилитирован Николай Николаевич Барсов был уже посмертно, лишь в 1993 г.[2] На нём всю жизнь «висели» судимости. Барсов родился в 1901 г., уходившей старой Уфы он застал самый краешек. В молодости увлекался совсем другими книжками.

На фотографиях из личного дела, Николай Николаевич Барсов в заключении, 1920-е гг.

редактор газеты «Правда» и член Политбюро ЦК РКП(б). Барсов отмечал, что стало бы с ним во время сталинских репрессий 1930-х гг., имея партбилет с поручительством будущего «врага народа».

Неизвестно, насколько правдива легенда, но Бухарин не опубликовал покаянное письмо Барсова (в феврале – марте 1927 г.).

[1] Архив УФСБ РФ по РБ. Ф. 10. Д. В-19328. Т. 1. Л. 111 и об., 114, 116 – 117, 124.

[2] Там же. Л. 130.

44-е очередное Уфимское губернское дворянское собрание 1911 г. в освещении прессы

Важнейшим событием в жизни провинциального дворянства были выборы предводителей (губернского и уездных), а также представителей в различные органы государственной власти. В первой и до сих пор единственной обобщающей работе по истории уфимского дворянства, созданной Валентином Аполлоновичем Новиковым, автор, сам служивший Уфимским уездным и губернским предводителем, специально выделил главу об организации дворянского собрания. Он привёл материал о всех выборах, начиная с первых в феврале 1767 г.[1]

После реформ Екатерины II дворянские корпорации были встроены в систему местного управления, ситуацию не изменило введение земства, где дворянство занимало лидирующие позиции. Уездные и губернский предводители выполняли огромный объём функций, дворянство являлось важнейшей частью государственного механизма.

Но в Уфе не сохранились фонды дворянского депутатского собрания, в отличие, к примеру, от Ярославля[2]. В.А. Новиков в предисловии отметил, что «главными источниками были: архив уфимского дворянского депутатского собрания и дела о поселившихся в здешней губернии дворянских родах. Разбором документов, хранящихся в архиве, и извлечением нужных сведений из дел занимался служивший в депутатском собрании Василий Васильевич Сокуров, усердие и труды которого значительно помогли мне в издании сборника»[3].

После кончины В.А. Новикова уфимский краевед и статистик Н.А. Гурвич переиздал книгу, добавив материал до 1902 г. включительно[4]. Дальнейший персональный состав дворянских предводителей за 1903–1917 гг. восстанавливается только по справочным изданиям.

Находящееся в центре Уфы большое здание дворянского собрания в годы Первой мировой войны было занято различными организациями, а в разгар революционного хаоса и после

---

[1] См.: *Новиков В.А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879.

[2] См.: Материалы для дворянской родословной книги Ярославской губернии / Ред. А.А. Шумков. Сост. Ю.И. Гавриленко, В.И. Неелов, Н.В. Новикова, А.А. Шумков. М., 2018.

[3] *Новиков В.А.* Указ. соч. Предисловие, без пагинации [с. 4].

[4] Сборник материалов для истории Уфимского Дворянства, составленный В.А. Новиковым в 1879 году, продолженный и дополненный до 1902 года включительно Депутатом Уфимского Дворянства Н.А. Гурвичем. Уфа, 1902.

упразднения Временным правительством сословий архив, наверняка, оказался в заброшенном состоянии и впоследствии пропал. Судьба его не известна, хотя, без сомнения, там хранилась масса интереснейшей документации[1].

Дворянство пыталось сохранить свою организационную структуру, 14 октября 1917 г. в Уфимский окружной суд поступило заявление о регистрации устава нового Общества лиц, записанных в дворянские родословные книги. Учредителями стали дворяне, проживавшие в Уфе: Анатолий Александрович Зеленцов (Большая Ильинская, 61), Пётр Филиппович Гиневский (Мало-Казанская, 42), Николай Сергеевич Бонье (там же, дом № 44), Александр Иванович Лапин (Большая Казанская, 23), Евгений Константинович Топорнин (Пушкинская, 109), Алексей Яковлевич Зборовский (Восточная слобода, Васильевская улица, дом 40), Иван Александрович Левитский (Никольская, 4), Мухамед-Хасан Габдул-Гафарович Акчурин (Садовая, 5) и Борис Владимирович Ляхов (Воскресенская, 31).

Заведовать всеми делами выбрали П.Ф. Гиневского, правление помещалось на Центральной улице в доме Депутатского собрания. Так в 1917 г. назвали Дворянское собрание и, значит, какие-то комнаты за дворянами ещё оставались.

Целью общества провозглашались «всякого рода взаимопомощь экономического, благотворительного и просветительного характера и взаимное общение его членов». Устав общества был утверждён … 23 октября 1917 г.[2] В Петрограде уже начался большевистский переворот.

Поэтому даже в современной местной историографии, где о дворянстве опубликовано несколько монографий и большое число статей, отсутствует изучение самих дворянских собраний и выборов – источники не сохранились. А ведь проходившие раз в три года дворянские собрания становились главным событием в жизни сословия, да и всего края. От того, каких людей выберут на должности, зависела судьба Уфимской губернии.

Фактически единственным источником, достаточно подробно показывающим проведение дворянских собраний и выборы, является уфимская пресса. Однако подробные материалы стали публиковаться лишь примерно после революции 1905–1907 гг. Ранее единственная городская газета «Уфимские губернские ведомости», которой, кстати, 32 года, с 1865 по 1897 гг. руководил Николай Александрович Гурвич, размещала лишь

[1] См., напр.: Посещение г. Уфы в Бозе почивающим Императором Александром I // Уфимские губернские ведомости. 1897. 2 марта (анонимная статья, материалы взяты из архива уфимского дворянства).
[2] НА РБ. Ф. И-334. Оп. 1. Д. 963. Л. 1–2, 6.

краткие информационные сообщения.

Можно предположить, что сама дворянская корпорация во второй половине XIX в. не очень охотно соглашалась на публичное освещение своей внутренней жизни, долгое время формат газеты был полужурнальный и места для подробных репортажей просто не находилось[1]. Например, в 1893 г. в газете вышли небольшая заметка Гурвича об очередном дворянском собрании (в пансионе поместили портрет В.А. Новикова) и результаты выборов на различные должности[2]. Краткое сообщение напечатали и об экстренном собрании дворян губернии 30 октября 1894 г., созванном в связи с восшествием на престол Николая II[3].

После появления в Уфе частных либеральных, прокадетских газет, официальное издание «Уфимский край», созданный из неофициальной части ведомостей, начал весьма подробно освещать проходившие дворянские собрания. Влияла конкуренция. Прокадетский «Уфимский вестник» часто печатал тенденциозные репортажи, которые тут же подхватывала столичная и тоже прокадетская пресса, раздувая выдуманные сенсации на всю страну. В конце этой подборки документов помещена статья о неутверждении в должности Белебеевского уездного предводителя депутата Государственной думы и известного мусульманского общественного деятеля К.Б. Тевкелева. Он просто маркировал своими обязанностями, вообще игнорируя конкретную работу в уезде. Либеральная общественность тут же сочинила проблему о якобы преследовании заслуженных общественных деятелей самодурами губернаторами.

Далее приводятся корреспонденции газеты «Уфимский край» о состоявшемся в январе 1911 г. 44-м очередном уфимском губернском собрании дворянства. Внутри дворянской корпорации существовали разногласия, имелось довольно сильное либерально-кадетское крыло, которое провалило ряд предложений губернатора А.С. Ключарёва. Материалы публикуются в орфографии той эпохи.

№ 1. 15 января назначено очередное уфимское губернское собрание дворянства, на котором, между прочим, предстоят выборы губернского и уездных предводителей дворянства, членов и секретаря депутатского собрания, разсмотрение и утверждение сметы и проч. (Уфимский край. 1911. 4 января)

---

[1] Видимо, это было типично для страны. См., напр.: *Цветков В.С.* Дворянское самоуправление Московской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2013.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1893. 30 января, 6 февраля.

[3] Там же. 1894. 2 ноября.

№ 2. 44 очередное уфимское губернское собрание дворянства. (Заседание 15 января).

По возвращении гг. дворян от г. Начальника губернии в зало дворянского дома, губернский предводитель дворянства кн. А.А. Кугушев объявил заседание открытым. Оглашены 114 и 215 ст. IX т. и список лиц, явившихся и имеющих право участия на собрании. Явилось 59 чел. с 73 голосами.

Н.В. Катанский. Из оглашённого списка дворян, прибывших на заседание, я вижу, что на собрание прибыл по личному праву дворянин Б.Н. Ружевский и представил доверенность от дворянки Н.И. Харкевич. Так как я не знаю за этими лицами имуществ в Мензелинском у., дающих им право на участие в собрании, то я просил бы объяснить мне: на основании каких цензов осуществляют они здесь свои права?

Губерн. предвод. дворянства кн. А.А. Кугушев. Я должен сказать, что оба эти лица внесены в списки собранием предводителей и депутатов; собранию же дворянскому производить проверку прав лиц, занесённых в списки, законом не предоставлено. В частности же могу сообщить, что собрание предводителей и депутатов внесло С.М. Белицкого на основании удостоверения старш. нотариуса уфимск. окружного суда о том, что 3 января 1911 г. им утвержд. дарственная на мельницу в Мензелинском у., подаренную С.М. Белицкому дядей его, А.И. Белицким.

Н.В. Катанский. Я считаю, что именно по закону дворянское собрание обязано производить поверку списков.

Губерн. предвод. дворянства кн. А.А. Кугушев. К сожалению, я такого закона не знаю.

Н.В. Катанский. А я именно на основании закона и настаиваю на этом праве и хотя незнанием закона отговариваться никто не может, я в виду заявления вашего сиятельства позволю себе огласить этот закон (читает 159 ст. IX т. и указ сената 28 сент. 1895 г. № 2738). Из оглашённого ясно, что собрание обязано и вправе производить поверку списков, это тем более необходимо, т. к. поверка списков по Мензелинскому у. совершенно не производилась в порядке 202 и 212 ст. IX т. Теперь я уже настаиваю на том, что в оглашённый список по Мензелинскому у. попали лица, которые никакими цензами, дающими им право участия в собрании, не владеют.

Губерн. предв. дворянства кн. А.А. Кугушев. К сожалению, я должен сказать, что из оглашённых дворянином Н.В. Катанским статей закона, совершенно не вытекает, чтобы дворянское собрание в праве было производить поверку списков, утверждённых собранием предводителей и депутатов.

П.Ф. Коропачинский. Я позволю себе полностью огласить как указ сената, так и статьи закона, которые неполностью были прочитаны Н.В. Катанским (читает 159 ст. IX т. и указ сената 28 сентября 1895 г.). Я думаю, что после прочитанного для всех станет ясно, что очередное собрание дворянства не только в праве, но и обязано производить полную поверку прав лиц, занесённых в списки на право участия в собрании.

М.Ф. Останков. Я хотел сказать то, что сказал П.Ф. Коропачинский.

П.Ф. Коропачинский. К сказанному позволю себе добавить, что по Мензелинскому у. поверка такая особенно необходима со стороны собрания. Дело в том, что поверка списков по нашему уезду совершенно не производилась и, как я вчера убедился лично, будучи на совещании в депутатском собрании, в списки нашего у. внесён ряд новых лиц, по моему мнению, неправильно, а кем они внесены и когда – совершенно неизвестно. Кроме того, по нашему уезду в течении последнего трёхлетия, когда во главе состоял предводитель дворянства дворянин Белицкий, им совершён целый ряд нарушений закона по своей должности предводителя дворянства, благодаря чему больше половины дворян уезда были принуждены обратиться с просьбой к губернскому предводителю дворянства – донести о всём происходившем г. министру внутренних дел. Вновь повторяю, что именно благодаря не поверке списка по нашему уезду, я убеждён, что дворянское собрание не откажет нам в производстве такой поверки.

П.А. Зеленцев. Я тоже считаю, что собрание в праве производить поверку списков. По Бирскому у. тоже не было произведено такой поверки, а потому естественно, такая поверка должны быть произведена в собрании.

А.П. Мельгунов. Из оглашённых здесь П.Ф. Коропачинским закона и указа сената, я думаю для нас ясно, что собрание не только в праве, но и обязано производить поверку списков. Думаю, что такая обязанность вытекает и с нравственной стороны. Ведь списки эти составлены вчера собранием предводителей и депутатов, т. е. лицами, избранными на свои должности нами и думаю, что нашим избранникам только приятно было бы дать нам отчёт в своих действиях, к чему они и нравственно обязаны в силу избрания из нашей среды. Ведь, согласитесь, в таких вопросах, как обсуждаемый, не должно быть места сомнениям. Дабы такого сомнения не было у нас, я думаю, что на всё дело надо пролить побольше свету. Я думаю, что это единственно возможная правильная дворянская точка зрения.

П.Ф. Коропачинский. Я думаю, что нам необходимо запи-

сывать происходящие здесь прения и поэтому я предложил бы выбрать из своей среды секретарей.

Собрание, соглашаясь с предложением П.Ф. Коропачинского относительно записи прений, постановило: 1) выбрать для ведения журналов заседаний секретарей и 2) уполномочить губернского предводителя дворянства израсходовать необходимую сумму на вознаграждение по записи прений. Открытой баллотировкой секретарями единогласно избраны: Г.И. Миклашевский и А.П. Мильгунов. (Уфимский край. 1911. 18 января)

№ 3. 44 очередное уфимское губернское собрание дворянства. (Заседание 16 января).

Заседание открылось обсуждением вопроса о поверке списков дворян, имеющих право участия на собрании дворянства. Прения по возбуждённому вопросу затянулись. Одни находили, что собрание не компетентно производить поверку списков и что на неправильные действия, если таковые окажутся, депутатского собрания, составлявшего списки, можно только жаловаться в Правительствующий Сенат и при этом ссылались на сенатские указы и некоторые статьи IX т. Другие, напротив, на основании тех же указов и ст. закона, приходили к заключению, что собрание не только в праве, но и обязано проверять списки, раз они составлены без соблюдения известных формальностей. Дворянин В.И. Бунин дважды предлагал передать этот вопрос на обсуждение ревизионной комиссии, но предложение было отвергнуто. Дворянин А.П. Мильгунов, между прочим, настаивая на поверке списков, заявил, что дворянин Ружевский (по Мензелинскому у.) представил доверенность, выданную ему дворянкой Н.И. Харькевич на мельницу, не дающую по цензу права на участие в собрании. Это заявление послужило поводом к новым нескончаемым прениям. Здесь возник ещё вопрос о том: составляет-ли недвижимое имущество – мельница, оказавшаяся на арендованной земле, т. к. ценз на право участия в собрании даёт по закону только имущество недвижимое и мнения снова разделились. Одни доказывали, что мельница относится к недвижимым имуществам и потому нужно за Н.И. Харкевич признать ценз, дающий право на участие в собрании. Другие, не соглашаясь с таким мнением, старались доказать противное.

Наконец, губерн. предвод. дворянства кн. А.А. Кугушев поставил на баллотировку следующие два вопроса: 1) угодно ли собранию разрешить этот вопрос в настоящем собрании? 2) угодно ли признать за дворянкой ценз, дающий право на участие в собрании? Разрешив первый вопрос единогласно в положительном смысле, собрание единогласно постановило: признать, что дворянка Надежда Ивановна Харкевич не имеет ценза, дающего

право на участие в собрании. Дворянин В.И. Бунин заявил, что он от баллотировки воздержался.

Таким образом, г. Ружевский, имевший по доверенности г-жи Харкевич, право на второй голос на собрании, лишён этого второго голоса. Что же касается до г. Белицкого, то вопрос о праве его участия на собрании более не поднимался и тем самым собрание признало за ним право участия в собрании. В заключение нужно добавить, что, как выяснилось в настоящем собрании, дворянин Татищев, представивший в первый день заседания также доверенность на право участия в собрании со вторым голосом, взял этот голос обратно. Заседание прервано до вечера.

По возобновлении заседания вечером, губерн. предвод. дворянства кн. А.А. Кугушев просил заявить о неправильностях в списках прибывших дворян и имеющих право участия в собрании. Возражений не последовало. Списки утверждены.

По предложению же кн. А.А. Кугушева приступлено к выборам комиссии для ревизии денежной кассы. Избранными оказались дворяне: Н.В. Катанский, А.М. Падейский, Н.А. Баумгартен, А.И. Верниковский, Ал-р В. Новиков и Н.В. Ляхов.

Доложена Высочайшая телеграмма в ответ на Всеподданнейший адрес дворянства 43-й очередной сессии. Телеграмма выслушана стоя.

По предложению губерн. предв. дворянства кн. А.А. Кугушева почтена вставанием память бывшего секретаря дворянства П.Ф. Дивитиярова и бывшего Стерлитамакского уездного предводителя дворянства А.М. Султанова.

Оглашено письмо депутата дворянства по Белебеевскому уезду Н.А. Гурвича о том, что он по преклонности лет и слабости здоровья лишён возможности участвовать в губернском собрании дворянства и продолжать службу депутата дворянства, которую несёт в течении пяти трёхлетий. По предложению губерн. предв. дворянства кн. А.А. Кугушева, собрание постановило: выразить Н.А. Гурвичу искреннюю признательность и благодарность дворянства за его долголетнюю службу по выборам с пожеланием ему доброго здоровья и просить губернск. предводителя дворянства кн. А.А. Кугушева сделать это лично от лица уфимского дворянства.

Прочитан и принят к сведению доклад о чествовании 50-летнего юбилея Уфимской Мариинской женской гимназии; причём расход (171 р. 40 к.), произведённый депутатским собранием на приобретение папки для адреса и угощение воспитанниц гимназии, решено внести в смету текущего трёхлетия.

Заслушан доклад о результатах ходатайства уфимского

дворянства о возстановлении в прежних правах потомствен. дворянства А.В. Стобеуса. По этому вопросу губерн. предвод. дворянства кн. А.А. Кугушев доложил, что на возбуждённое ходатайство г. министр юстиции уведомил его, что Государь Император по всеподданнейшему докладу 28 июля 1910 г. Всемилостивейше повелеть соизволил: возстановить лишённого всех особенных прав и преимуществ Тюменского мещанина Алексея Викторовича Стобеуса в утраченных им правах и преимуществах, кроме дворянского достоинства. Доклад принят к сведению.

Прочитан доклад о стипендиях дворянства, как в высших так и средних учебных заведениях. В период времени 1908–1910 гг. состояло стипендиатами 26 воспитанников и воспитанниц и на 1 янв. 1910 г., за исключением 3 окончивших курс и 1 выбывшего, состояло 22 чел. В течение того же времени в высших учебных заведениях состояло 12 стипендиатов и к 1 января 1911 г., за выбытием 6 стипендиятов, кои замещались другими, состоит – 6 чел. Таким образом все места стипендиатами были в течении 3-летия замещены и все деньги выданы полностью. Кроме указанных стипендий 43-м очередным собранием дворянства, в увековечение памяти писателя уроженца Уфимской губ. С.Т. Аксакова, были учреждены 4 стипендии при высших учебных заведениях, с наименованием их «Аксаковскими» и ассигнованием по 400 р. в год. Из ассигнованной суммы на стипендии 4800 р., за отчётный период времени, израсходовано – 1200 р. При обсуждении этого доклада, дворянин А.П. Мильгунов возбудил вопрос – об обезпечении стипендий в высших учебных заведениях и просит ревизионную комиссию обсудить этот вопрос. Доклад утверждён: вопрос же о дальнейшем обезпечении стипендий решено передать на заключение ревизионной комиссии.

Доложено по вопросу – о погашении долга в сумме 23 900 руб., позаимствованного из выморочного капитала на нужды войны. Доклад принят к сведению; вопрос же о дальнейшем назначении остатка от сбора в сумме 8605 р. 95 к. постановлено передать на заключение ревизионной комиссии.

По разсмотрении ещё некоторых вопросов, в 12 ½ час. ночи, заседание объявлено закрытым до следующего дня. (Уфимский край. 1911. 19 января)

№ 4. Высочайшая телеграмма.

Государь Император, на всеподданнейшую телеграмму уфимского дворянства о выражении верноподданнических чувств, Всемилостивейше соизволил осчастливить 18 сего января уфимское дворянство нижеследующею телеграммою на имя

губернского предводителя дворянства:

«Сердечно благодарю верное уфимское дворянство за выраженные Мне чувства любви и преданности. НИКОЛАЙ».

Всемилостивейший ответ Его Императорского Величества последовал на нижеследующую телеграмму уфимского дворянства от 18 января:

«Царское Село. Государю Императору. Уфимские дворяне, всегда неизменно объединённые чувством искренней безпредельной верноподданнической любви и преданности Вашему Императорскому Величеству, по случаю съезда своего на очередное Губернское Дворянское Собрание, повергают воодушевляющие их чувства к стопам Вашим, возлюбленнейший Государь»[1].

44 очередное уфимское губернское собрание дворянства. (Заседание 17 января).

Доложено о предстоящей сдаче помещения дворянского дома общественному собранию. Проектируется прежнюю плату за помещение 2500 р. увеличить до 3500 р. и, кроме того, возложить на квартиранта некоторый ремонт, который раньше лежал на обязанности депутатского собрания. Доклад утверждён, причём депутск. собранию поручено, о результатах переговоров с клубом о сдаче помещения, доложить чрезвычайному собранию дворянства.

Дворянин Ап. В. Новиков. У членов ревизионной комиссии, при ревизии денежных сумм депутатского собрания, явилась мысль – просить собрание о разрешении комиссии ознакомиться с делами дворянской опеки.

Возбуждённый вопрос, среди присутствующих вызвал продолжительные дебаты. Председатель опеки Ап. В. Новиков, В.И. Бунин и др., находили, что собрание не может производить ревизию опеки, что там есть такие дела о малолетних детях, в тайну которых посещать посторонних они считают по закону недопустимым. На это со стороны дворян Катанского, П.Ф. Коропачинского, Останкова, Мильгунова и др. последовало возражение, что, напротив, в интересах опекаемых малолетних детей было бы весьма желательным ознакомиться с положением дел опеки. Г. Останков. Если нам говорят, что нельзя ознакомиться с делами опеки, то значит, что тут что-то есть. Но я уверен, что у нашей опеки всё обстоит в порядке и ревизионная комиссия будет допущена к ознакомлению дел. После некоторого обмена мне-

[1] Об этом же было сообщено в том же номере в хронике. «Уфимское дворянство Всемилостивейше осчастливлено телеграммою Его Императорского Величества, изложенною выше».

ний, г. Останков встаёт и говорит. Я не буду касаться личностей, но задам вопрос: «Допустимо-ли по закону, чтобы опекун покупал землю у опекаемых?» Ответа не последовало.

Собрание постановило: уполномочить ревизионную комиссию ознакомиться с делами дворянской опеки и о результатах доложить собранию.

Разсмотрены и удовлетворены ходатайства о выдаче пособий: 1) воспитаннице дворянского пансиона М.И. Епанечниковой на лечение 300 р.; 2) малолетним детям умершего дворянина К.А. Алексеева 180 р. в год; 3) вдове бывш. секретаря дворянства Дивитияровой 300 р. в год; 4) детям бывш. уездн. предводителя дворянства Петру и Марии Черниковым-Анучиным по 15 р. в месяц; 5) вдове Е.К. Ветошниковой 120 р. в год.

Прочитано ходатайство попечительства Александро-Невской церкви об ассигновании, какой нибудь, суммы на уплату долга по приобретению нового колокола в 319 п. Новый колокол, как видно из доклада, отлит в г. Саратове и весом 319 п., стоимость его определяется в 6539 р. 50 к., считая по 20 р. 50 к. за пуд. При доставке колокола в Уфу, уплачено 4700 р. (в том числе добровольных пожертвований, собранных в течении 3 лет, – 2733 р.). Не достаёт до полной уплаты долга 1639 р. 50 к.

Губерн. предводитель дворянства кн. А.А. Кугушев предложил пожертвовать на колокол 200 р., присовокупив, что Александро-Невская церковь, построенная в память посещения в 1824 г. г. Уфы Государем Императором Александром I, была всегда поэтому дорога для уфимского дворянства. Присутствовавший при её закладке Император Александр первый собственноручно положил первый камень. В пособие этой церкви с 1846 г., из дворянских сумм, отпускается ежегодно 72 р.

Гг. Останков, Мильгунов, Катанский, Кутлубаев и др., высказались против каких-бы то ни было пожертвований на колокол. При этом гг. Останков и Катанский предлагали сделать добровольную подписку о пожертвовании среди присутствующих. Предводители дворянства, губернский кн. А.А. Кугушев и уездный Ап. В. Новиков находили, что принципиально это будет неособенно удобно. Высказавшиеся за отклонение ходатайства возражали, что тут ничего нет неловкого, – отклонить и только. После некоторого ещё обмена мнений, был принципиально поставлен вопрос: дать или не давать пожертвование? Собрание решило пожертвование не давать (14–17).

В 3 час. дня заседание закрыто до следующего дня. (Уфимский край. 1911. 20 января)

№ 5. Хроника. Выборы предводителей дворянства. вчера 20 января, на 44 очередном Уфимском губернском собрании

дворянства, на должности предводителей дворянства закрытой баллотировкой избраны: Уфимским губернским предводителем дворянства князь А.А. Кугушев (75–17), (аплодисменты), кандидатом к нему Ф.О. Бочков (55–36), (аплодисменты). По Уфимско-Златоустовскому уезду: Ап. В. Новиков (28–4), кандидатом к нему К.В. Стобеус (20–14), помощником уездного предводителя дворянства Н.С. Бонье (26–7). По Мензелинскому у. Уездным предводителем дворянства М.М. Останков (21–15); кандидатом к нему А.П. Мельгунов (21–15). По Стерлитамакскому у. Д.А. Маркович (единогласно), кандидатом к нему Н.Д. Дурасов. По Бирскому у. Уездным предводителем дворянства Н.А. Баумгартен (24–4), кандидатом к нему Л.П. Балахонцев (22–5). По Белебеевскому у. уездным предводителем дворянства избран К.Б. Тевкелев (21–6); кандидатом к нему Ф.А. Померанцев (14–12).

44 очередное уфимское губернское собрание дворянства. (Заседание 18 января).

Открывая заседание, губернский предводитель дворянства кн. А.А. Кугушев предложил собранию о представлении на Высочайшее имя телеграммы о выражении верноподданнической любви и преданности уфимского дворянства. Предложение принято единогласно. Был прочитан проект телеграммы и редакция её единогласно одобрена и утверждена. Всемилостивейший ответ на эту телеграмму и самый текст телеграммы дворянства изложены во вчерашнем номере «Края». Дворянин А.П. Мильгунов возбуждает вопрос об ускорении, по возможности, хода текущих дел, занявшись только разрешением очередных вопросов, т. к. некоторые из присутствующих дворян состоят гласными губернского земства и прерванное губернское земское собрание на этих днях должно вновь возобновиться. Между прочим г. Мильгунов предлагает, если ревизионная комиссия не успеет закончить работу по ознакомлению с делами дворянской опеки, этот вопрос отложить до чрезвычайного собрания, имеющего быть в мае сего года. Предложение принято единогласно.

Прочитан и утверждён доклад о ремонте дворянского дома. Далее, губерн. предводитель дворянства кн. А.А. Кугушев заявляет, что у предводителей дворянства и депутатов явилась мысль – организовать при дворянском доме свою электрическую станцию. Проект и смета по этому вопросу не разработаны, но приблизительно станция обойдётся до 12 000 р. Между прочим, намечено две таких станции: одна небольшая при дворянском доме или большая на весь квартал. В последнем случае необходимо войти в соглашение с соседними владельцами. В настоящее время освещение дворянского дома обходится до 6000 р. в год. Освещение только одной квартиры предводителя дворянст-

ва – до 900 р. в год. При своей же электрической станции, от освещения дворянского дома получится остаток до 750 р., считая в том числе и проценты на капитал.

Собрание постановило: поручить депутатскому собранию разработать этот вопрос более подробно и о последующем доложить предстоящему в мае месяце чрезвычайному собранию дворянства.

Дворянин Белицкий просит сделать некоторые редакционные поправки в его речи, занесённой в журнал заседания 16 января. На это губерн. предвод. дворянства кн. А.А. Кугушев заявляет, что поправки делать нельзя, т. к. журнал уже собранием утверждён. Дворянин Останков предлагает поправки изложить письменно и приложить к журналу. Предложение это отвергнуто. Дворянин П.Ф. Коропачинский находит единственным выходом из данного положения – все поправки занести лишь в журнал сегодняшнего заседания. Дворянин Белицкий. Я хотел только сказать несколько слов по поводу тех упрёков, которые были высказаны относительно несвоевременного извещения гг. дворян о назначении дня уездного собрания дворянства. Далее, г. Белицкий читает выдержки из закона, на основании которого им было опубликовано в газетах и доказывает, что формальная сторона дела соблюдена. Дворянин Катанский. Г. Белицкий просил сделать редакционные поправки, но он пускается в новые прения по поводу сделанных ему упрёков. Эти упрёки сделаны ему вполне справедливо, т. к. он не соблюл простой вежливости и не уведомил своевременно дворян о назначенном собрании. Напечатав объявление в какой-то газете, которую никто не читает, тем самым лишил возможности явиться на собрание. Теперь г. Белицкий доказывает, что он сделал эту публикацию на основании статей «пять с титлой, да три с титлой». Кому это нужно… Губерн. предводитель дворянства кн. А.А. Кугушев. Объявляю заседание закрытым и прошу пожаловать завтра к 1 часу дня.

(Заседание 19 января).

Губерн. предвод. дворянства кн. А.А. Кугушев. Господа! по вашему поручению, я вчера на Высочайшее имя послал телеграмму о выражении верноподданнической любви и преданности уфимского дворянства. Вчера же вечером, я удостоился счастия получить непосредственно от Его Императорского Величества ответную телеграмму и считаю для себя великим счастьем сейчас её здесь огласить. Все присутствующие в зале встают и выслушивают телеграмму стоя. Чтение телеграммы закончилось громким троекратным «ура».

Засим собрание переходит к разсмотрению очередных во-

просов. Оглашается учебно-воспитательный отчёт дворянского Новиковского пансиона девиц за 1908–1910 гг. Из отчёта, между прочим, видно, что в настоящее время в пансионе состоит 23 воспитанницы, из них 16 за счёт дворянства и 7 своекоштных. Всего за истекшее трёхлетие по пансиону израсходовано 20 104 р. 27 к. За исключением платы за правоучения, жалования служащим и др. расходов, собственно на воспитанниц употреблено: в 1908 г. – 3743 р. 32 к.; 1909 г. – 3980 р. 35 к., и 1910 г. – 3439 р. 94 к. В общем, содержание одной воспитанницы, за исключением платы за правоучения, обходится в год – 210 р. 92 к. Доклад утверждён.

Дворяне Н.П. Депрейс и кн. В.А. Кугушев возбуждают вопрос, чтобы на будущее время, все денежные отчёты и доклады печатались в достаточном количестве и на собрании роздавались бы на руки всем участвующим на собрании. Предложение принято.

Прочитано отношение начальника хозяйственной части 190 пехотного Очаковского полка, адресованное на имя губернского предводителя дворянства. Из отношения видно, что во исполнение воли Обожаемого Монарха, с целию распространения среди уфимской молодёжи воинских знаний и физического развития, начальник Очаковского полка формирует в г. Уфе потешный полк, под названием «Уфимский потешный полк 48-й пехотной дивизии». Предварительные переговоры Начальника хоз. ч. полка с г. Уфимским Губернатором, Попечителем учебного округа и епархиальным Преосвященным, дали самые отрадные результаты. Все поименованные лица обещали оказать начальнику полное содействие в этом деле. Но так как реальное осуществление воли Монарха в большей степени зависит от материальных средств, то начальник хоз. части полка просит об ассигновании дворянством известной суммы. После непродолжительного обмена мнений, вопрос этот с очереди снят.

Принято предложение ревизионной комиссии, чтобы на будущее время, при составлении денежных отчётов, параллельно составлялись бы депутатским собранием материальные отчёты, что, по мнению ревизионной комиссии, значительно облегчит производство ревизии. Объявлен перерыв. (Уфимский край. 1911. 21 января)

№ 6. Хроника. Приказом г. Губернатора от 20 января за № 5, на основании 306 ст. IX т. св. закон. о сост., изд. 1899 года, утверждаются избранные очередным Уфимским губернским собранием дворянства 20 января с. г. на трёхлетие 1911–1914 гг. по Уфимско-Златоустовскому уезду в должностях: уездного предводителя дворянства Аполлон Валентинович Новиков, кан-

дидатом к нему К.В. Стобеус; помощника уездного предводителя дворянства Н.С. Бонье, кандидатом к нему А.И. Лапин; депутата дворянства П.Ф. Коропачинский и кандидат к нему А.Я. Збуровский.

Приказом г. Губернатора от 20 января за № 6, на основании 306 ст. IX тома св. закон. о состоян., изд. 1899 года, утверждаются избранные очередным Уфимским губернским собранием дворянства 20 января с. г. на трёхлетие 1911–1914 гг. в должностях – по Бирскому уезду: уездного предводителя дворянства – Н.А. фон Баумгартен, кандидатом к нему Л.П. Балахонцев, депутатом дворянства М.В. Кутлубаев, кандидатом к нему Н.П. Товарищев; по Стерлитамакскому уезду: уездного предводителя дворянства: Дм. А. Маркович, кандидатом к нему Н.Д. Дурасов, депутата дворянства Н.П. Депрейс, кандидатом к нему Н.К. Габов; по Белебеевскому уезду: уездного предводителя дворянства П.А. Померанцев, помощника уездного предводителя дворянства Б. Вл. Ляхов, депутата дворянства А.И. Верниковский, кандидатом к нему С.Н. Левашев. Заседателей Уфимской дворянской опеки: Ив. Ал. Левицкий, М.М. Курковский и А.Н. Шестаков; секретаря дворянства В.Н. Королёв, членов от дворянства в Самарское отделение государственного земельного банка Ф.Ф. Опочинин, Н.Ф. Ляуданский и кандидатом к нему князь В.А. Кугушев.

Новые выборы по Мензелинскому уезду.

В виду не утверждения выборов по Мензелинскому уезду, вследствие допущенных неправильностей, вчера 21 января состоялись новые выборы. Избранными оказались: уездным предводителем дворянства Б.В. Пальчиков (19–12) и кандидатом к нему М.М. Останков (17–15). Но в виду заявления первого, – Г. Губернатор нашёл возможным утвердить в должности предводителя дворянства М.М. Останкова, избранного на эту должность большинством голосов при первоначальной баллотировке и кандидатом к нему А.П. Мильгунова[1].

По Белебеевскому уезду избранный на должность предводителя дворянства Г. Тевкелев Г. Губернатором в должности не утверждён.

Выборы. 20 января, на 44 очередном уфимском губернском собрании дворянства, кроме избрания губернского предводителя дворянства, его кандидата и уездных предводителей дворянства и их кандидатов, об избрании которых у нас напечатано во вчерашнем № 16 газеты, были избраны на разные губернские и

[1] Б.В. Пальчиков сам отказался от должности (Уфимский край. 1911. 23 января).

уездные дворянские и др. должности ещё следующие лица: на должность секретаря, из троих баллотировавшихся на эту должность избра[н] В.Н. Королёв (62–31); остальные двое Л.И. Чертов (39–54) и Фищев (7–86) – забаллотированы.

На должность заседателей дворянской опеки избраны: А.Н. Шестаков (84–6); М.М. Курковский (52–36) и И.А. Левицкий (63–27); забаллотированы: Н.П. Гирш (33–57) и А.Я. Сухотин (37–53).

Кандидатом помощника уездного предводителя дворянства по уфимско-златоустовскому уезду: А.И. Лапин (19–15). На должности депутатов избранными оказались: по Уфимско-Златоустовскому уезду П.Ф. Коропачинский (23–9); А.Я. Збуровский (18–17); забаллотирован Г.М. Курковский (19–15). Избраны по Мензелинскому уезду Б.В. Пальчиков (22–13); Н.П. Катанский (22–15). Стерлитамакскому – Н.П. Депрейс (24–3), Н.К. Габов (17–11), Бирскому – М.В. Кутлубаев (22–5), Н.П. Товарищев (18–10), Белебеевскому – А.И. Верниковский (21–6); С.Н. Левашев (20–6).

Депутатом от дворянства в Уфимское городское по налогу с недвижимых имуществ присутствие единогласно избран А.М. Падейский.

Затем, были произведены выборы в члены от дворянства в самарское отделение государственного дворянского поземельного банка. Избраны Н.Ф. Ляуданский (66–26), Ф.Ф. Опочинин (65–26) и кандидатом к ним кн. В.А. Кугушев (50–42). На должность губернского предводителя дворянства и кандидатами к нему, кроме А.А. Кугушева и Ф.О. Бочкова, записками были ещё указаны: гг. Маркович, П.С. Листовский, П.А. Зеленцов, Тевкелев, П.В. Россинский, Ал-р В. Новиков и Ан. А. Зеленцов, но все они от баллотировки шарами отказались. Выборы закончились в 1 час 20 мин. ночи.

44 очередное уфимское губернское собрание дворянства. (Продолжение заседания 19 января).

Доложен доклад – о денежном участии со стороны уфимского дворянства на постройку народного дома в г. Уфе имени С.Т. Аксакова.

Вопрос этот обсуждался ещё на бывшем 43 очередном губернском собрании дворянства и тогда, желая более достойно увековечить имя славного писателя среди своего потомства, собрание постановило: учредить имени писателя С.Т. Аксакова четыре женских стипендии по 400 р. каждая в высших учебных заведениях, а затем желая также увековечить память покойного, собрание высказалось за создание какого либо памятника на совместные средства с другими учреждениями. Вопрос же о денежном участии оставлен был открытым, впредь до разрешения общего вопроса о памятнике. Вопрос о чествовании С.Т. Акса-

кова, обсуждался затем на губернском земском собрании, в городской думе и заинтересовал много и частных лиц.

Вопрос о денежном участии, со стороны дворянства, в постройке Аксаковского народного дома обсуждался в собрании гг. предводителей и депутатов дворянства, которые, принимая во внимание: 1) что губернское собрание дворянства уже принципиально высказалось за создание памятника покойному писателю с денежным от него пожертвованием и 2) что сооружаемое здание народного дома имени С.Т. Аксакова помимо высокопросветительного значения, будет служить не только увековечению памяти писателя, но и явится дорогим памятником о дворянине Сергее Тимофеевиче Аксакове, блестящем представителе одного из старинных русских дворянских родов, высказалось за пожертвование на постройку народного дома имени С.Т. Аксакова, в сумме 50 000 руб., не внеся таковые в смету будущего трёхлетия, т. к. в распоряжении дворянства имеется свободных остатков, за невыполнением некоторых сметных назначений в прошедшие годы, 60 000 руб. и кроме того на сбор на нужды войны, за погашением позаимствований из выморочного капитала 8000 руб.

На губернском собрании дворянства вопрос этот предварительно обсуждался при закрытых дверях собрания предводителей и депутатов и всего собрания дворянства; затем обсуждался в частном совещании. В открытом заседании вопрос этот среди присутствующих вызвал продолжительные прения и в конце концов предложение депутатского собрания об ассигновании 50 000 р. большинством голосов было отклонено (48–38). В высшей степени удивительным казалось, что противником ассигнования на Аксаковский дом, этот памятник великого писателя С.Т. Аксакова – явился предв. двор. Маркович, – его родственник.

М.М. Останков. Как известно, Губернатор обратился с просьбой о пожертвовании по 50 тыс. к городу, земству и к нам. Только при пожертвовании 150 т. р. здание будет достроено. У нас пожертвование 50 т. не прошло. Значит речь теперь может идти только о меньшей сумме. Но и меньшую сумму жертвовать не для чего, т. к. всё равно не достроят. Не доверять этому я не могу, т. к. об этом говорит самое заявление Начальника губернии.

А.П. Мильгунов вносит новое предложение: минувшее очередное дворянское собрание постановило примкнуть к той форме чествования памяти Аксакова, которая будет выработана местными общественными учреждениями. Вопрос же об ассигновании оставлен до настоящего собрания. Приняв во внима-

ние, что при выработанной форме чествования в виде постройки дома наше ассигнование может быть обезпечено, и что в будущем, по окончании постройки дома, потребуется может быть не один десяток тысяч, необходимых для составления внутренней обстановки комнат, посвящаемых имени памяти Аксакова, как напр. основание музея и библиотеки читальни, постановки бюста и т. п., Дворянское собрание находит необходимым принять на себя именно производство этого расхода, при каковом условии пожертвование дворянства не будет обезпечено. Приняв, что сметы на это в настоящее время нет, – собрание поручает депутатскому собранию снестись по этому поводу с Аксаковским комитетом, составить полную смету и таковую внести на обсуждение предстоящего в будущем чрезвычайного собрания.

П.Ф. Коропачинский. Заключение Останкова, что меньше давать не стоит, т. к. всё равно не достроят, неправильно. Я не смотрю так безнадёжно на это дело и потому нахожу, что лучше сколько нибудь, хотя бы и меньше 50 тыс. р. ассигновать, чем ничего. Я не понимаю, как можно серьёзно делать такое предположение, как двор. Мильгунов. Нельзя же поместить музей под открытым небом.

А.П. Мильгунов. Я предлагаю устройство музея и т. п. в законченном доме, а не под открытым небом. Предложение своё я делал серьёзно, а потому протестую против заявления Коропачинского.

И.А. Зеленцов. Следовало бы пожертвовать хотя бы половину.

Н.В. Катанский. Не знаю почему г. Коропачинский так несерьёзно отстаивал предложение Мильгунова, может быть более несерьёзно смотрит Коропачинский. Странно если я буду думать наивно, что давши 50 тыс. руб. здание будет, тогда как нужно 150 тыс. руб.

П.Ф. Коропачинский. Вопрос об обезпечении пожертвований не может иметь места. Нельзя Аксаковский музей заводить в чистом поле. Если не поможем отстроить здание вчерне, то вопрос об обезпечении пожертвований отходит.

И.В. Бунин. Прежде чем обсуждать предложение Мильгунова, нужно баллотировать какую нибудь сумму.

Губерн. предв. дворянства кн. А.А. Кугушев ставит на баллотировку вопрос о пожертвовании 25 000 р. на достройку Аксаковского дома, при условии соблюдения комитетом пожелания депутатского собрания, чтобы предварительно была представлена и окончательно разработана и утверждена смета.

Закрытой баллотировкой шарами на пожертвование 25 000

р. высказалось 49, против 36 голосов.

Губернский предводитель дворянства А.А. Кугушев. Как полагает собрание: принять ли здесь требование квалифицированного большинства или простого большинства, заявляю, что пред предыдущим голосованием я высказывал личное мнение, что вопрос может быть решён не менее, как двумя третями.

М.М. Останков. Я заявляю, что за 25 т. р. не высказалось двух третей присутствующих и считаю пожертвование отклонённым.

Далее снова возникли разногласия в толковании: 163 ст. одни стояли за квалифицированное большинство, другие за простое.

Ап. В. Новиков. У нас снова возникли разногласия в толковании закона. Но т. к. со стороны двор. Останкова поступил протест против применения простого большинства, то губернское начальство должно будет представить постановление в Сенат. В виду предложения Новикова и протеста Останкова, собрание постановило: поручить депут. собранию не приводить в исполнение постановления о пожертвовании 25 тыс. руб. впредь до распоряжения Сената.

В 1 час ночи заседание объявлено закрытым до следующего дня. (Уфимский край. 1911. 22 января)

44 очередное уфимское губернское собрание дворянства. (Окончание заседания 19 января).

На очереди доклад – о чествовании юбилеев 1811, 1812 и 1813 гг.

Вопрос этот предварительно обсуждался в собрании уездных предводителей и депутатов дворянства, которое остановилось на следующей форме чествования: 1) в ознаменование 50-летия со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости учредить 6 стипендий по числу уездов по 250 р. каждая для крестьянских детей, три из них мужских в сельско-хозяйственных училищах среднего типа и три женских в фельдшерско-акушерских школах, выбор учебных заведений и назначение стипендий предоставить собранию предводителей, которые ежегодно к 1 января доставляют списки в депутатское собрание; 2) принять участие в общем чествовании в день годовщины 19 февраля 1911 г., для чего ассигновать в распоряжение каждого из предводителей дворянства на угощение представителей крестьянского населения, которое будет принимать участие в чествовании юбилея в уездных городах по 200 р. по каждому уезду; 3) уполномочить губернского предводителя дворянства совместно с уфимским уездным предводителем дворянства принять участие в общегубернском чествовании юбилея совместно с гу-

бернским земством, городским управлением и прочими учреждениями г. Уфы.

По вопросу о форме и способе чествования юбилея отечественной войны, собрание предводителей и депутатов дворянства высказалось за поднесение Государю Императору в день юбилея символического стяга-хоругви от всероссийского дворянства.

По вопросу о чествовании 300-летия Царствования Дома Романовых, собрание предводителей и депутатов дворянства высказалось за принятие предложения губернского предводителя дворянства о поднесении Государю Императору в день юбилея верноподданнического адреса депутатов, составленного из представителей от всех дворян; не предрешая же окончательно этого вопроса, уполномочить губернского предводителя дворянства примкнуть от имени уфимского дворянства к тому общему подношению, которое будет окончательно принято большинством губернских предводителей на собрании в Москве в феврале 1911 г. Затем собрание высказалось за следующие ассигнования: 1) на постройку памятника в г. Костроме – 500 р.; 2) на сооружение или украшение храма в г. С.-Петербурге при подворье Фёдоровского Городецкого монастыря, сооружаемого в память 300-летия Царствования Дома Романовых – 1000 р. и 3) на расходы по чествованию юбилейных дней 1812–1813 гг. – 1000 руб.

Согласно заключения ревизионной комиссии, ассигновано в пользу пострадавших от землетрясения Семиреченской области – 1000 р. и на воздушный флот – 8600 р.[1]

Доложен доклад о дворянской богадельне и в связи с этим о пожертвовании по духовному завещанию умерших дворянок Е.Э. Ляховой и М.П. Курчеевой 30 000 р. на устройство женской богадельни (на 8 коек) для дворянок уфимской губ. и усадьбы с домом, для убежища престарелых одиноких женщин дворянского сословия.

По предложению губерн. предводителя дворянства, кн. А.А. Кугушева почтена вставанием память умерших дворянок Е.Э. Ляховой и М.П. Курчеевой[2].

В заключение добавляем, что речь губернского предводителя дворянства кн. А.А. Кугушева, произнесённая при чтении Высочайшей телеграммы, нами (в № 16) была приведена непол-

---

[1] Уфимское дворянство ассигновало 8600 руб. «на усиление средств по сооружению отечественного воздушного флота» (Уфимский край. 1911. 29 марта).

[2] Исполняющий должность губернского предводителя А.В. Новиков извещал, что 12 марта 1911 г. в 12 час. дня в зале дворянского дома будет отслужена панихида по умершим дворянкам Екатерине Эпинетовне Ляховой и Марии Петровне Курчеевой (Уфимский край. 1911. 8 марта).

ностью. По окончании чтения телеграммы, князь Кугушев продолжает: «Господа дворяне, непосредственное обращение к нам Государя, обращение в столь необычайно милостивых выражениях является для нашего Дворянства по истине счастливым историческим событием. Счастлив поздравить Вас, господа, с Царскою Милостью, с дорогим для нас Царским вниманием. Обожаемому Нашему Монарху ура».

Вслед за этим раздаётся дружное троекратное «ура».

(Заседание 20 января).

Доложено об избрании от уфимского дворянства уполномоченных в совет объединённого дворянского общества. Решено новых выборов не производить, а продолжить полномочие лиц, ранее избранных в означенный совет.

За разрешением всех вопросов, заседание в 2 часа объявлено закрытым и гг. дворяне, разделившись по особым столам, как это требуется законом, приступили к выборам на разные дворянские должности, о результатах которых нами уже сообщено.

В 6 ½ час. вечера 21 января, за окончанием выборов, 44 уфимское губернское собрание дворянства объявлено закрытым. (Уфимский край. 1911. 23 января)

№ 7. Впечатления.

Закончилось Уфимское очередное дворянское собрание. Проверяя свои впечатления, мы с грустью должны сознаться, что таковые далеко не в пользу дворян. Какие разговоры велись на заседаниях? Какие резолюции выносились?

Будучи свидетелем всего того, что происходило, мы невольно задаёмся вопросом, неужели дворяне забыли знаменательный, данный четверть века тому назад, Высочайший рескрипт Императора Александра III-го, коим указано было, «чтобы российские дворяне и ныне, как и в прежнее время, сохранили первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда, в безкорыстном попечении о нуждах народа, в распространении примером своим правил веры и верности и здравых начал народного образования».

Видели-ли мы выполнение этих великих заветов в собрании нашего Уфимского дворянства?

Уже самое начало собрания показало, что это не собрание лиц, связанных между собою общими сословными интересами, общею мыслью о благе народном, – а случайный съезд людей, враждебно настроенных друг к другу и сводящих свои личные счёты.

Высказанное тотчас же по открытии собрания дв. Катанским сомнение в правильности составленного депутатским соб-

ранием списка дворян, и возникшие впоследствии горячие прения с прозрачными и обидными намёками, уже одно это свидетельствовало, что среди собравшихся дворян не было никакой общности, не было взаимного доверия. А заявление ревизионной комиссии о необходимости, без всяких поводов, *проверки* деятельности дворянской опеки и вынесенная по этому поводу резолюция – не показали-ли они, что дворянское собрание не верит и своим избранникам, поставленным во главе этого дела.

Что же всё это значит? К сожалению это значит, что старинные дворянские традиции, покоющиеся на взаимном доверии и в особенности на доверии к своим избранникам, утрачиваются, дворянский рыцарский дух исчезает, развивается мелкая подозрительность, вытекающая из личных разсчётов, несогласия в политических убеждениях и проч., и всё это заставляет забывать великие заветы Императора Александра III-го, явившиеся результатом высокой Царственной оценки многовековой доблестной службы Российского дворянства на разных поприщах государственной деятельности.

Когда в заседании 17 января возник вопрос об ассигновании по просьбе причта Уфимской Александро-Невской церкви – 200 руб. на колокол, то Уфимское дворянство большинством голосов в этом отказало, и отказало потому, что «такое ассигнование незаконно» и что «в отказе ничего неловкого нет, здесь добрая воля дать или не давать».

И кто же первый бросил вызов и запротестовал против ассигнования на нужды православной церкви? Дворянин магометанин! Казалось бы, простая вежливость должна была остановить магометанина *не касаться* этого дела, а со стороны православных дворян вызвать достойный упрёк на такое вмешательство, но, к сожалению, ничего этого не случилось и протест нашёл поддержку в большинстве.

А припомнили-ли при этом Уфимские дворяне, что Александро-Невская церковь построена предками их, что на закладке её когда-то присутствовал первый Российский дворянин Император Александр I-й, и что отказ в ассигновании денег на нужды её – есть отказ от прямых своих обязаннстей?

Повидимому большинство Уфимских дворян с этим не считалось, имея только в виду провалить начинание, поддерживаемое людьми, верными своему дворянскому долгу и ясно было, что не ассигновка сравнительно небольшой суммы играет тут роль, а самая идея, вытекающая из религиозного чувства.

Затем, когда депутатское собрание внесло предложение об ассигновании пособия на сформирование Уфимского потешного полка, то и это предложение встретило отпор на том основании,

что пособия потешным полкам не представляют собою общедворянской нужды и потому незаконны. А ведь известно, что учреждение в России потешных полков – есть личное желание Государя Императора в высоких заботах Его о привитии подрастающему поколению доблестного воинского духа. Неужели же поддержание этого желания – не есть долг всякого верноподданного, а тем более дворян, как сословия высшего в Империи, облечённого особым доверием своих Государей. Неужели исполнение воли Государя Императора в той или другой форме противоречит закону?

Из тех разговоров, которые происходили по этому поводу, мы заключили, что к данному вопросу отнеслись с насмешкой и иронией, не стесняясь и в таких выражениях: «как он (командир полка) будет разделывать наших детей», или «полезность этого грозного войска». А такой вопрос, предложенный Председателю: «что же этот потешный полк будет состоять из дворянских детей?» Не звучал ли он злой иронией?

Конечно, если бы этот вопрос исходил от лица несведующего, то никто бы не усумнился назвать его наивным, но когда он предложен был лицом, облечённым высоким званием народного избранника, находящимся в курсе всех совершающихся в Империи событий, когда в прессе, не исключая и левой, постоянно помещаются сведения о потешных полках, – то таковой вопрос далёк был от наивности и отзывался нехорошей насмешкой над тем, что дорого всякому русскому человеку и ненад чем менее всего мы можем смеяться.

Вышеизложенных фактов уже достаточно, чтобы судить о том, как большинство Уфимских дворян отнеслось к вопросам, связанным с дворянскими традициями и касающимся главнейших устоев государственной и народной жизни. И тем более это было печально, что в данном случае видна была только борьба людей, несходных между собой в политических убеждениях. Эта рознь замечалась и во всех заседаниях дворянского собрания и окончательно сказалась в решении по делу об ассигновании на постройку Аксаковского Народного Дома. Что говорилось по этому поводу в закрытом совещании депутатского собрания с присутствовавшими дворянами с 8 ½ до 10 часов вечера 19 января, – мы не знаем, но то, что было сказано затем, в открытом заседании, ясно свидетельствовало, что все силы оппозиции мобилизованы для того, чтобы отклонить ходатайство Аксаковского Комитета и отклонить только потому, что самая идея увековечения памяти С.Т. Аксакова – возведением Народного Дома его имени, – возникла и окрепла не там, где было бы желательно лицам известного лагеря. Ведь ясно же было, что тот мотив, кото-

рый в конечном выводе послужил к отказу в ассигновании, а именно, что постройка Аксаковского Народного Дома не представляет собою обще-дворянской нужды, – и юридически и нравственно несостоятелен. Ведь сами же Уфимские дворяне, три года тому назад, нашли необходимым увековечить память С.Т. Аксакова учреждением стипендий его имени в учебных заведениях и этим самым признали, что увековечение памяти его, как Уфимского дворянина и отечественного писателя, входит в круг обязанностей Уфимского дворянства. А затем, культурно-просветительные задачи, поставленные в основу деятельности Аксаковского Народного Дома, – и направленные исключительно к благу народонаселения Уфимской губернии, – разве они не представляют собою тех обязанностей, которые завещаны вообще Российским дворянам вышеупомянутым Высочайшим рескриптом?

И вот, сопоставляя всё это, – совершенно понятным кажется, что участие в увековечении памяти писателя С.Т. Аксакова, возведением народного дома его имени, такая же обязанность Уфимского дворянства, такая же общедворянская нужда, как и назначение стипендий, содержание пансиона и проч. и что, поэтому, отказ в ассигновании есть ни что иное, как откровенное признание в нежелании участвовать в начинании, только потому, что оно исходит «из Назарета».

И как ни тяжело, но необходимо сознаться, что то политиканство, которое разъедает наше общество, которое парализует всякую деятельность и препятствует правильному ходу занятий в высших учебных заведениях, – коснулось и дворянского общества, а здесь-то менее всего можно было ожидать его и здесь то оно менее всего допустимо.

Очевидец-дворянин.

(Уфимский край. 1911. 30 января)

№ 8. Маленькие заметки.

Заседания Уфимского Губернского Земского Собрания и Уфимского Дворянского Собрания, происходившие целый январь месяц, – всколыхнули общественную жизнь г. Уфы. Уфимское общество с живейшим интересом прислушивалось к тому, что говорилось на этих заседаниях и свою оценку делало, конечно, на основании тех данных, кои сообщались в отчётах местных газет. Относительно дворянских выборов, в общем прошедших обычным порядком, никаких подробностей помещаемо не было, и я не коснулся бы их, если бы в газетах оппозиционного направления, не появилось сведений, тенденциозно освещающих некоторые факты.

Как очевидец и лицо заинтересованное, я не могу пройти

молчанием этого обстоятельства и постараюсь нарисовать фактическую картину того, что искажено оппозиционной печатью.

Дело это касается выборов в предводители дворянства по Белебеевскому уезду. Как известно, на эту должность, избран был бывший Белебеевский предводитель дворянства К.П. Тевкелев, но Уфимским Губернатором в должности не утверждён.

По этому поводу в «Уфимском Вестнике» появилось сообщение, что депутация от Уфимского Дворянства во главе с губернским предводителем кн. А.А. Кугушевым посетила г. Тевкелева и выразила ему своё сочувствие и сожаление по поводу невольного оставления им поста предводителя, который он с честью и достоинством занимал несколько трёхлетий.

В том же номере «Вестника» было помещено и письмо г. Тевкелева, в котором он приносил благодарность всем тем, кои высказали ему горячее сочувствие по поводу оставления им по независящим причинам общественной службы в Уфимской губернии.

Затем в «Русском Слове», «Русских Ведомостях» и других газетах кадетского направления появились телеграфные сообщения из Уфы, также «со скорбью» отмечавшие и «об оставлении г. Тевкелевым общественной службы по независящим от него обстоятельствам» и «о сочувствии и о соболезновании дворянства» и проч.

Одним словом была сфабрикована «большая история» на известную всем тему и, конечно, у читающей публики получилось впечатление какого то пристрастного к г. Тевкелеву отношения.

Между тем случилось то, что должно было случиться и именно по обстоятельствам, которые исключительно зависели от самого г. Тевкелева.

Пред баллотировкой в предводители дворянства некоторые из нас – дворян выборщиков Белебеевского уезда просили г. Тевкелева не баллотироваться, обещая, в противном случае, наложить чёрных шаров, но г. Тевкелев на это не согласился, и, как известно, прошёл большинством голосов других уездов, присоединённых к Белебеевскому уезду для баллотировки. Уже это одно обстоятельство наводило сомнение, что мог ли г. Тевкелев считать себя избранником от Белебеевского уезда и имел ли за собой нравственное право согласиться на принятие должности? Но это, так сказать, взаимное дело г. Тевкелева и Белебеевского дворянства и мы не будем о нём распространяться, предоставляя читателям сделать оценку морального значения этого обстоятельства.

Обратимся, теперь, к фактической стороне «большой исто-

рии». По существующим законоположениям уездные предводители дворянства несут многочисленные обязанности общегосударственного значения. Состоя председателями во всех уездных коллегиальных учреждениях, они представляют собою то звено, которое устанавливает нормальную, прочную и гибкую связь между двумя порядками управления – правительственным и общественным.

Таким образом значение должности предводителя дворянства – для уезда весьма важно, а в силу этого важно и участие предводителей дворянства во всех делах уезда; при таких только условиях и возможна та высокополезная деятельность предводителей, на которую рас[с]читывает законодательство и которую вправе ожидать от них и правительство и население.

Какова же деятельность г. Тевкелева в этом отношении? Из 800 почти заседаний Белебеевских: уездного съезда и уездного по воинской повинности присутствия, состоявшихся за период времени 1905–1910 г. (6 лет) – г. Тевкелев только в 1905 г. принимал участие в 15 заседаниях и в 1907 г. – в 10; с 1908 же года он совершенно упразднил свою предводительскую деятельность и в течении 3-х лет не участвовал ни в одном заседании ни уездного съезда, ни воинского присутствия, ни других учреждений уезда.

Не говорит ли эта простая справка о том, что г. Тевкелев в течении двух последних трёхлетий, должности предводителя дворянства фактически не исполнял и следовательно, этим самым, дал повод и право считать себя безполезным для Белебеевского уезда в качестве предводителя дворянства.

Может быть защитники г. Тевкелева скажут, что он не мог исполнить должности предводителя, так как с 1906 г. состоит членом Государственной Думы; но тогда на это само собой напрашивается ответ, что благороднее было бы в случае невозможности, – отказаться вовсе, а тем более не добиваться по каким то расчётам такой должности, которая требует и усиленной и постоянной деятельности и что, во всяком случае, такое явление не может быть отнесено к явлениям нормальным, допустимым и в общественной и правительственной службе.

И вот теперь не кажется ли очевидным, что оставление г. Тевкелевым должности Белебеевского предводителя произошло по причинам, которые он сам создал и что поэтому все эти скорбные выражения: «невольное оставление поста», «независящие обстоятельства», «сочувствия и соболезнования» – есть ничто иное, как сомнительного свойства вылазка с целью «свалить с больной головы на здоровую» и во что бы то ни стало «сделать жертву» правительственной репрессии.

В заключение я не могу оставить без разъяснения ещё одного сомнительного обстоятельства. В «Уфимском Вестнике», как выше упомянуто, говорилось, что *депутация от Уфимского дворянства* выражала г. Тевкелеву своё сочувствие и сожаление. Между тем, как мне известно, Уфимским Дворянским Собранием депутаций к г. Тевкелеву посылаемо не было, и если поименованные в заметке «Уфимского Вестника» дворяне действительно посетили г. Тевкелева и выразили ему сочувствие и соболезнование, то, вероятно, сделали они это, как частные лица, но не как депутация от Уфимского Дворянства, тем более, что в числе их не было представителей от Белебеевского дворянства. Затем в той же газете было указано, что сочувствие и соболезнование г. Тевкелеву было выражено по поводу невольного оставления им поста, который он с честью и достоинством занимал несколько трёхлетий.

Сомневаюсь, чтобы и это было так. Ведь нельзя же согласиться, что честь и достоинство заключаются в том, чтобы только числиться на должности.

Нет ли тут какого-либо недоразумения?

Белебеевец.

(Уфимский край. 1911. 6 февраля)

(публикация М.И. Роднова)

Список сокращений

Архив УФСБ РФ по РБ – архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Башкортостан (Уфа);
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области;
ГАСО – Государственный архив Свердловской области (Екатеринбург);
НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан (Уфа);
НА УФИЦ РАН – Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа);
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей;
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва);
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва);
РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург);
РФ ГАЯО – Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (Ростов Великий).

Список авторов

Азнабаев Булат Ахмерович – доктор исторических наук, Башкирский государственный университет (Уфа)

Габдуллин Илдус Рашитович – историк-краевед (с. Чекмагуш Чекмагушевского района РБ)

Егоров Андрей Витальевич – независимый исследователь (Москва)

Завидова Светлана Спартаковна – историк-любитель (Химки Московская область)

Крестьянинова Елена Ильинична – краевед, историк (Ростов Великий Ярославской области)

Кузнецов Константин Александрович – краевед (Уфа), *член Башкирского регионального отделения общества «Двуглавый орёл»*

Курмаев Виктор Николаевич – краевед (с. Урман Иглинского района РБ)

Роднов Михаил Игоревич – доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа), *член Башкирского регионального отделения общества «Двуглавый орёл»*

Рынков Вадим Маркович – кандидат исторических наук, директор Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

Свице Янина Сигизмундовна – краевед, ведущий специалист по учебно-методической работы Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа), *член Башкирского регионального отделения общества «Двуглавый орёл»*

Солодкин Янкель Гутманович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России,заведующий Научно-исследовательской лабораторией региональных исторических исследований Нижневартовского государственного университета (Нижневартовск)

Тагирова Лейла Факиловна – кандидат исторических наук, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа)

Река времени. 2019

составитель и ответственный редактор
Роднов Михаил Игоревич

Подписано в печать 24.04.2019. Формат 60×84 / 16.
Усл. печ. л. 9,76. Уч. изд. л. 9,92.
Тираж 100 экз. Зак. № 58.

Отпечатано в ООО «Альфа-реклама»
в полном соответствии
с предоставленными оригинал-макетами.

450077, г. Уфа, ул. К. Маркса, 37, корп. 3, оф. 205.
Тел. 291-13-60.